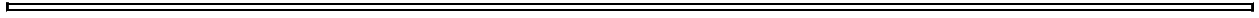

- [Дю Морье Дафна](#)

-

Дю Морье Дафна

Трактир 'Ямайка'

Дафна Дю Морье
Трактир "Ямайка"

Е. Калинина, перевод с английского

1

Был конец ноября. День выдался холодный, серый. За ночь погода резко изменилась. Подул сильный ветер, нагнал свинцовые тучи. Посыпал колючий, ледяной дождь. И хотя было только начало третьего, ранние зимние сумерки уже начали спускаться на холмы. Вершины их заволокло туманом. К четырем часам, похоже, совсем стемнеет. Несмотря на плотно закрытые окна, в карету проникал сырой холодный воздух. Сиденья стали влажными -- капельки дождя, видимо, просачивались через щель в крыше. Они расползались по кожаной обивке фиолетово-чернильными кляксами. На поворотах неистовые порывы ветра сотрясали карету. А на подъемах дуло с такой силой, что карета вздрагивала и раскачивалась на высоких колесах, как пьяная.

Съежившийся от холода кучер тщетно пытался укрыться от непогоды, кутаясь в пальто и пряча голову в воротник. Понурые лошади нехотя повиновались ему. Окоченевшей рукой он время от времени взмахивал кнутом. Но они словно не замечали ударов, вконец исхлестанные ветром и дождем.

На рытвинах и ухабах колеса кареты скрипели и стонали. Брызги жидкой грязи все сильнее залепляли окна. Пассажиры жались друг к другу, пытались согреться, и дружно вскрикивали, когда карета накренилась особенно сильно. Подсевший в Труро пожилой мужчина беспрестанно жаловался на тряску. Вдруг он в ярости вскочил со своего места и, дернув за шнур, с треском открыл окно. Внутри сразу хлынул дождь, изрядно обдав и его самого, и попутчиков. Высунув голову из окна, он принялся кричать на кучера высоким раздраженным голосом, называя его негодяем и убийцей. Он орал, что им не добраться до Бодмина живыми, если тот будет продолжать мчать их с такой бешеной скоростью -- они и так уже еле дышат. А что до него самого, то уж он-то никогда больше и не сядет в карету.

Неизвестно, слышал ли его кучер. Скорее всего, слова относило

ветром назад. Во всяком случае, старик закрыл окно, успев основательно напустить холоду. Потом он уселся в углу, укутал колени пледом и принялся бормотать что-то себе под нос.

Его соседка, общительная румяная женщина в синей накидке, сочувственно глубоко вздохнув и подмигнув сидящим рядом, кивнула головой в сторону старика и сказала по крайней мере в двадцатый раз, что более мерзкого вечера она не припоминает. А она уж всякого повидала. Погода и впрямь отвратительная -- настоящая зима, и все тут. Затем, порывшись в высокой корзине, она извлекла оттуда большой кусок пирога и с чувством вонзила в него крепкие белые зубы.

Мэри Йеллан сидела в противоположном углу. Холодные капли то и дело падали ей на плечо, и она нетерпеливым жестом смахивала их.

Подперев подбородок рукой, девушка неотрывно смотрела в заляпанное грязью окно, тщетно надеясь, что луч солнца пробьется сквозь тяжелую завесу ненастья и хоть на мгновение, как проблеск надежды, покажется краешек голубого неба -- того, что сияло над ней еще вчера, когда она покидала оставшийся теперь далеко позади Хелфорд.

Хотя от родных мест, где она прожила все свои двадцать три года, ее отделяло немногим более сорока миль, от зарядившего дождя и злого ветра надежда померкла в душе Мэри, и мужество, которое поддерживало ее все время, пока долго и мучительно болела, а потом умерла ее мать, стало покидать ее. Вокруг были чужие места, и уже одно это удручало. Все, что она могла разглядеть через мутное окно кареты, было так мало похоже на тот мир, что остался позади. Какими далекими казались теперь исчезнувшие из виду, быть может навсегда, прозрачные и чистые воды Хелфорда, зеленые долины и холмы, белые домики, стоявшие один подле другого у реки. В Хелфорде дожди шли ласковые, капли тихо постукивали по густой листве деревьев и терялись в сочной траве. Потом, соединившись в ручейки и речушки, они вливались в широкую реку. А напоенная дождем земля благодарно одаривала яркими цветами.

Здесь же дождь хлестал немилосердно. Он барабанил по окнам кареты, разливался лужами на затвердевшей, бесплодной почве. И деревья тут не росли. На пути встретились от силы два, да и те стояли на голом месте, открытом всем ветрам. Ветви их засохли, а древние стволы, погнутые и искореженные бурями, совсем почернели от времени и гроз. И даже если дыхание весны касалось их, почки не раскрывались, словно боясь, что поздние заморозки погубят молодые листочки. Кругом -- ни зеленых лужков, ни густых кустов, образующих живую изгородь, -- только камни, черный вереск да чахлый ракитник. "Здесь, верно, никогда не

бывает мягкой погоды, -- думала Мэри, -либо такая вот угрюмая зима, либо испепеляющий зной, от которого негде укрыться, а трава жухнет уже в мае". И местность-то была мрачной, как эта погода, да и люди, что встречались по дороге и в деревнях, мимо которых они проезжали, казалось, были под стать окружающей природе.

В Хелстоне, где она впервые в жизни села в почтовую карету, все было родным. Сколько воспоминаний детства связано с этим городом! Каждую неделю они с отцом, бывало, ездили на базар, а потом, когда его не стало, мать мужественно взвалила на свои плечи все заботы по хозяйству. И в жару и в холод вдвоем возили они на телеге кур, яйца, масло, как прежде это делал отец. Мать правила лошадью, а Мэри сидела рядом, обняв огромную корзину, за которой ее едва было видно, опершись подбородком на ручку.

В Хелстоне к ним относились по-доброму. Семью Йелланов знали в городе и уважали, ибо после смерти мужа вдова стойко переносила все тяготы жизни. Немногие женщины стали бы жить в одиночестве, как она, растить ребенка и вести хозяйство на ферме, даже не помышляя о новом замужестве. В Мэнэкане жил один фермер, который собрался было сделать ей предложение, но не осмелился. Был еще другой, что жил вверх по реке, в Гвике. Но по ее глазам оба видели, что она не пойдет ни за одного из них, потому что духом и телом по-прежнему была верна покойному.

Нелегкий труд на ферме в конце концов сказался на здоровье матери, совсем себя не щадившей. Хотя она привыкла работать без передышки и все семнадцать лет своего вдовства постоянно подстегивала себя, ноша все-таки оказалась слишком тяжела. Сердце ее в конце концов не выдержало, и она слегла.

Накопленные запасы постепенно истощились, а тут наступали суровые времена: как ей сказали в Хелстоне, все шло за бесценок и денег было взять неоткуда. К северу было то же самое, на фермеров надвигалась нужда. Да еще какой-то мор поразил их края, начался падеж скота. Никто не ведал, откуда взялась эта напасть, и не было от нее спасения. Болезнь пришла как запоздалый мороз, который вдруг нагрянет в новолуние и также неожиданно отступит, словно его и не было, успев, однако, причинить немало зла. Для Мэри и ее матери настали черные дни. На их глазах цыплята и утята, за которыми они заботливо ухаживали, вдруг начали болеть идохнуть. Потом прямо на лугу пал теленок. Больше же всего было жаль старую кобылу, верно служившую им двадцать лет. Сидя на ее крепкой спине, Мэри и выучилась ездить верхом. Кобыла околела однажды утром прямо в конюшне, преданно уткнувшись мордой в колени девушки.

В саду под яблоней вырыли яму для могилы, и когда лошадь закопали, обе женщины поняли, что никогда больше не доведется им ездить в Хелстон в базарный день. Мать, повернувшись к Мэри, сказала:

-- Что-то ушло из меня вместе с беднягой Нелл в могилу. Не знаю, моя ли вера или что другое, но только на сердце у меня такая усталость... Долго я уж не протяну.

Она ушла в дом и села там на кухне, бледная как полотно, постаревшая сразу лет на десять. На предложение Мэри сходить за доктором она безразлично пожала плечами.

-- Опоздали мы с этим, детка, на целых семнадцать лет... -- И тихо заплакала, она, никогда не плакавшая дотоле.

Мэри все же отправилась в Могэн за старым доктором, который в свое время помог ее появлению на свет. Назад они ехали в его двуколке. Оборотясь к ней, доктор покачал головой и произнес:

-- Ну, что тебе сказать, Мэри. Матушка твоя после смерти мужа совсем не давала отдыха ни душе, ни телу своему. Вот и надорвалась. Плохи дела, да и времена нынче плохие.

По извилистой дороге они подъехали к их дому, стоявшему на краю деревни. Навстречу уже спешила соседка с дурной вестью.

-- Твоей матери хуже! -- воскликнула она. -- Только что она было вышла на порог бледная как смерть, глянула куда-то перед собой, потом вся затряслась и упала наземь. Миссис Хоблин и Вилли Серл подняли бедняжку и отнесли в дом. Говорят, она лежит и глаз не открывает.

Доктор решительно оттеснил от дверей собравшихся поглазеть соседей. Вместе с Серлом они подняли неподвижно лежавшую на полу женщину и отнесли наверх в спальню.

-- Это удар, -- сказал доктор, -- но она дышит. И пульс ровный. Случилось то, чего я боялся, -- что она надломится вот так неожиданно. Почему это произошло именно сейчас, после стольких лет, известно одному Господу и ей самой. Что ж, Мэри, настало время показать, что ты достойная дочь своих родителей. Теперь ты одна можешь ей помочь.

Все шесть долгих месяцев этой первой и последней в жизни матери болезни Мэри ухаживала за ней. Но никакие старания ни дочери, ни доктора не смогли ей помочь. Она больше не хотела бороться за жизнь.

Казалось, она жаждала избавления и молча молилась, чтобы оно пришло поскорее. Мэри она сказала:

-- Я не хочу, чтобы тебе пришлось трудиться, как мне. Такая жизнь изматывает и тело и душу. Когда меня не станет, тебе незачем больше оставаться в Хелфорде. Лучше всего тебе уехать в Бодмин к тете Пейшнс.

Напрасно пыталась Мэри убедить мать, что та не умрет. Мысль о смерти не выходила у нее из головы. Тут ничего нельзя было поделать.

-- Я не хочу покидать ферму, мама, -- уверяла дочь. -- Здесь я родилась, и отец мой и ты тоже из Хелфорда. Место Йелланов здесь. Я не боюсь бедности и того, что хозяйство разваливается. Ты тут работала семнадцать лет, почему же я не смогу? Я сильная, могу работать не хуже мужчины, ты же знаешь.

-- Это не жизнь для девушки, -- возражала мать. -- Я работала все эти годы ради твоего отца и ради тебя. Когда женщина трудится для своих близких -- это дает ей душевный покой и удовлетворение. Другое дело -- работать для себя одной. В этом нет никакой радости.

-- В городе мне делать нечего, -- заявила Мэри. -- Я выросла здесь, у реки, и другой жизни не хочу. Города мне хватает и при поездках в Хелстон. Мне лучше здесь, в саду с нашими цыплятами, старой хрюшкой и лодкой на речке. А что стала бы я делать в Бодмине у тети Пейшнс?

-- Девушка не может жить одна, Мэри. Так легко или умом тронуться, или в беду попасть. Так всегда бывает. Разве ты забыла бедняжку Сью, что бродила по кладбищу в полнолуние и все звала возлюбленного, которого у нее никогда не было? А еще до того, как ты родилась, была одна девушка, которая осталась сиротой в шестнадцать лет. Так она сбежала в Фалмут и стала путаться с матросами. Не знать нам с отцом покоя на том свете, если ты не будешь пристроена. Тебе наверняка понравится тетя Пейшнс, она всегда любила шутки да забавы, а уж сердцем -- сама доброта. Помнишь, как она приезжала сюда лет двенадцать назад? На ней была шляпка с ленточками и шелковая нижняя юбка с оборками. А в Треловорене работал парень, которому она очень приглянулась, но она и смотреть в его сторону не пожелала...

Да, Мэри помнила тетушку Пейшнс. Ее кудряшки надо лбом и большие голубые глаза. И то, как она заливалась смехом и весело щебетала, и как, подобрав юбку, на цыпочках пробиралась через грязь по двору. Она была похожа на сказочную фею.

-- Что за человек твой дядя Джошуа, не могу сказать, -- продолжала мать. -- Его я никогда не видела и не знаю никого, кто был бы с ним знаком. Но когда твоя тетушка вышла за него замуж, то написала совершенно несуразное письмо, такую чепуху, ну совсем как девчонка, а ей было уж за тридцать.

-- Да я для них просто деревенщина, -- твердила Мэри. -- И приятными манерами не отличаюсь, да и говорить им со мной будет не о чем.

-- Они полюбят тебя такую, как ты есть, а не за ужимки или светские

манеры. Дитя мое, обещай, когда меня не станет, ты напишешь тете Пейшнс и сообщишь, что моим последним и самым большим желанием было, чтобы ты поехала к ней.

-- Обещаю, -- сказала Мэри, и сердце ее сжала тоска. С тревогой думала она о надвигавшихся переменах, о том, что придется скоро расстаться со всем дорогим и близким; даже родной земли, той, что могла бы поддержать и в горе и в беде, уже не будет под ногами.

Мать слабела, с каждым днем силы покидали ее. Она протянула еще немного. Пришло время сбора урожая, созрели фрукты, пожелтели и начали опадать листья. Когда же по утрам на землю стали опускаться туманы и трава покрывалась инеем, а потоки вздувшейся реки устремлялись к разыгравшемуся морю и волны обрушились на узкие берега Хелфорда, мать однажды начала метаться в постели, перебирая руками простынь. Она не узнавала Мэри, называла дочь именем покойного мужа и что-то говорила о давно минувшем и о людях, которых ее дочь никогда не знала. Три дня прошли так, в бреду, а на четвертый она отошла.

На глазах Мэри их добро, все, к чему она привыкла, чем жила, стало переходить в чужие руки. Скотину отправили на базар в Хелстон. Мебель раскупили всю до последнего стула. Их дом приглянулся какому-то незнакомцу из Коверэка, и тот купил его. С трубкой в зубах расхаживал он по двору, отдавая распоряжения, громко рассуждая, где что переделать, какие деревья срубить, чтобы не портили вида. А Мэри, складывая свои скромные пожитки в отцовский дорожный сундучок, наблюдала за ним из окна и молча кляла его.

Этот чужак из Коверэка заставил ее почувствовать себя посторонней в собственном доме. По его глазам было видно, что он ждет не дождется ее отъезда. Она думала о том же: поскорее покончить со всеми делами и убраться отсюда навсегда.

Мэри еще раз перечитала письмо от тети, написанное неразборчивым почерком на дешевой бумаге. В нем говорилось, что тетя потрясена горем, постигшим ее племянницу, и что она не имела понятия о болезни сестры -- ведь так много лет прошло с тех пор, как она побывала в Хелфорде. Дальше она писала: "В нашей жизни многое изменилось, но ты об этом не могла знать. Теперь я живу не в Бодмине, а почти в двенадцати милях от него, в сторону Лонстона. Это дикое и глухое место, и, если ты приедешь к нам, я буду рада твоему обществу, особенно в зимнее время. Я спросила твоего дядю, и он сказал, что не будет возражать, если только ты тихая и не болтливая и станешь помогать, когда понадобится. Но он не сможет давать тебе денег или кормить даром, как ты понимаешь. В обмен на жилье и еду -

- он рассчитывает на твою помощь в баре. Дело в том, что твой дядя -- хозяин трактира ``Ямайка''".

Сложив письмо, Мэри сунула его в сундучок. Странно было получить такое послание от той улыбчивой тетушки Пейшнс, которую она помнила. Равнодушное, ничего не значащее письмо, без единого слова утешения, без заверений, лишь предупреждавшее, что племянница не должна просить денег. Тетя Пейшнс, с ее шелковой нижней юбкой и деликатными манерами -- жена владельца трактира! Мэри подумала, что было нечто такое, о чем ее мать не знала. Как сильно отличалось это письмо от того, что было написано десять лет назад счастливой новобрачной!

Однако Мэри пообещала матери и не могла отказаться от данного слова. Дом их был продан; она не могла больше здесь оставаться. Как бы ее ни приняли, тетя была родной сестрой матери, и об этом нельзя было забывать. Старая жизнь осталась позади -- и милая сердцу, такая родная ферма, и сверкающие воды Хелфорда. Впереди лежало ее будущее -- трактир "Ямайка".

Так Мэри Йеллан оказалась в карете, которая, скрипя и покачиваясь на ухабах, увозила ее все дальше на север. Первым городом на их пути был Труро, что в устье реки Фэл. Ее поразило множество домов с остроконечными крышами и шпилями, широкие мощеные улицы, по-южному ясное небо. Люди встречали их улыбками и приветливо махали вслед.

Но когда город и долина остались позади, небо заволокло тучами. По обе стороны дороги теперь лежала мрачная невозделанная земля. Деревни по пути попадались все реже. Люди по большей части глядели хмуро. Деревьев почти не было видно, а уж вечнозеленых живых изгородей -- и подавно. Потом поднялся ветер и пошел хлестать дождь. Карета с грохотом въехала в Бодмин, серый и мрачный, как и окружавшие его холмы. Пассажиры принялись собирать вещи. Все, кроме Мэри, которая оставалась сидеть в своем углу.

Кучер заглянул в окно кареты, по лицу его текли струйки дождя.

-- А вы направляетесь в Лонстон? -- спросил он. -- В такой вечер ехать через болота небезопасно. Знаете, вы могли бы заночевать в Бодмине, а утром отправимся дальше. Вы будете в карете одна.

-- Меня ждут друзья, а поездка меня не пугает. И мне не надо в Лонстон, я сойду у трактира "Ямайка", -- сказала Мэри.

Кучер озадаченно взглянул на нее.

-- У "Ямайки"? -- переспросил он. -- А что вам там делать? Это не место для девушки. Вы, верно, что-то путаете. -- И он стал пристально

разглядывать Мэри, словно не веря собственным ушам.

-- О, я слыхала, что это довольно уединенное место, -- заметила она, -- но ведь и сама я не городская, а родом из небольшого местечка на берегу Хелфорда. У нас там всегда тихо, зимой и летом, но я никогда не чувствовала себя одинокой.

-- Да я ничего такого и не говорил про одиночество, -- отвечал кучер. -- Может, как вы есть не здешняя, то и не поняли, о чем я. Вовсе не о двадцати с лишком милях по болотам, хотя и это напугало бы многих. Эй, миссис, можно вас на минутку. -- Он повернулся и окликнул женщину у гостиницы "Ройэл". Она зажигала фонарь у подъезда, так как уже почти стемнело. -- Растолкните вы этой молодой особе. Мне сказали, что она едет до Лонстона, а она просит ссадить ее у "Ямайки".

Женщина спустилась со ступенек и заглянула в карету.

-- Это дикое, неудобное место, -- сказала она, -- и если вы ищете работу, то на тамошних фермах ничего не найдете. Они там, на болотах, не любят чужих. Здесь, в Бодмине, можно устроиться гораздо лучше.

Мэри улыбнулась.

-- Не беспокойтесь обо мне, -- сказала она. -- Я еду к родственникам. Мой дядя -- хозяин трактира "Ямайка".

Последовало долгое молчание. Даже при тусклом свете фонаря Мэри заметила, что оба с изумлением смотрят на нее. От волнения она вдруг похолодела; ей захотелось, чтобы женщина успокоила ее, но та молча отступила.

-- Извините, -- наконец выговорила она. -- Это, конечно, не мое дело. Доброй ночи.

Кучер, густо покраснев, принялся насвистывать, как бывает с человеком, попавшим в неловкое положение и не знающим, как из него выпутаться. Поддавшись внезапному порыву, Мэри высунулась из кареты и коснулась его руки.

-- Скажите же мне, -- промолвила она. -- Я не обижусь, что бы мне ни пришлось услышать. Моего дядю здесь не любят? Что-то тут неладно?

Вид у кучера был очень смущенный. Глядя в сторону, он отрывисто произнес:

-- У "Ямайки" дурная слава, всякое про нее рассказывают. Ну, в общем, понимаете... Но я ничего такого сказать не хочу. Может, это все и неправда.

-- Что рассказывают? -- спросила Мэри. -- Вы хотите сказать, что там собираются пьяницы? Мой дядя связался с дурной компанией?

Однако кучер не поддавался.

-- Не хочу лезть в это дело, -- твердил он. -- Ничего не знаю. Просто

народ болтает всякое. Приличные люди в "Ямайку" больше не заглядывают. Вот вам и все. Прежде мы, бывало, останавливались там напоить и накормить лошадей. Да и сами заходили перекусить и хлебнуть пивка. Теперь же нет. Мы гоним лошадей мимо, покуда не доберемся до трактира "У пяти дорог", да и там особо не засиживаемся.

-- Почему все-таки люди не хотят бывать там? Что за причина? - настаивала Мэри.

Он ответил не сразу, словно подыскивая слова.

-- Боятся, -- сказал он наконец, покачав головой. И не добавил больше ни слова. Видно, чувствовал, что был слишком резок, и ему стало жаль девушку. Немного погодя он снова заглянул в окно кареты и обратился к ней: -- А не выпить ли вам чашечку чая, прежде чем двинемся дальше? Путь далекий, а на болотах холодно.

Мэри покачала головой. У нее пропало всякое желание есть. И хотя чашка чая согрела бы ее, не хотелось выбираться из кареты и идти в "Ройэл" из страха, что та женщина станет глазеть на нее, а посетители шушукаться. К тому же внутренний голос трусливо нашептывал: "Останься в Бодмине, останься в Бодмине", и она чувствовала, что может поддаться уговору, оказавшись под кровом гостиницы. А ведь она обещала матери поехать к тетушке Пейшнс, и ей никак нельзя нарушить данное слово.

-- Тогда нам лучше поскорей отправиться в путь, -- сказал кучер. -- Вы одна, и путешествуете в такую пору. Вот вам еще плед -- укутать колени. Как только поднимемся на холм и выедем из Бодмина, я буду гнать лошадей вовсю. В такую ночь, да по такой дороге... Я не успокоюсь, пока не доберусь до своей постели в Лонстоне. Мало среди нас найдется охотников ездить через пустошь в зимнее время, да еще в такую пакостную погоду.

Он захлопнул дверцу и взобрался на свое сиденье. Карета загромычала вниз по освещенной фонарями улице мимо крепких, надежных домов. Не много прохожих встретилось им. Согнувшись от ветра и дождя, все спешили к домашнему очагу. Было время ужина. Сквозь щели закрытых ставен пробивался мягкий свет. В каждом доме камин, должно быть, уже зажжен, накрыт стол, вокруг него сидят хозяйка и дети, а хозяин греет руки у весело потрескивающего огня. Мэри вспомнилась ее попутчица -- та улыбчивая деревенская женщина с румянцем во всю щеку и натруженными руками; она, наверное, тоже сидит сейчас за столом со своими детьми. Как спокойно становилось на душе от ее грудного голоса! И Мэри принялась мечтать, как она сошла бы вместе с ней и попросила взять ее с собой. Та, конечно же, не отказала бы. Улыбнулась в ответ и предложила дружескую

руку и кров. И Мэри стала бы прислуживать этой доброй женщине, привязалась к ней, стала делить с ней заботы, познакомилась бы с ее близкими.

Лошади тянули теперь карету вверх по крутому склону холма. Они выезжали из Бодмина, и, глядя через заднее окно, Мэри видела, как быстро, один за другим, исчезают из виду городские огни. Вот мигнул и пропал последний. Теперь вокруг не было ничего -- лишь ветер и дождь, а ехать через эту пустынную местность оставалось еще добрых двенадцать миль пути. И ей подумалось: не так ли одинок корабль, покинувший тихую гавань? Нет, ни одно судно не может быть таким одиноким, даже если штормовой ветер рвет снасти и волны с грохотом обрушиваются на палубу...

В карете стало совсем темно: через щель в крыше задувал ветер, светильник всю раскачивало, и унылое желтое пламя металось в опасной близости от кожаных сидений. Мэри решила, что лучше его загасить. Она, съездившись, сидела в углу. Оказывается, раньше она не ведала, сколько недоброго таит в себе одиночество. Карету сильно трясло. Весь день качка словно баюкала девушку, сейчас же в скрипах и столах кареты звучало что-то угрожающее. Теперь, когда холмы уже не защищали от ветра, он прямо-таки срывал с кареты крышу, а ливень все яростнее хлестал в окна. По обе стороны от дороги не было ни единого деревца, ни тропинки, ни селения, ни даже одинокого фермерского домика. На долгие мили, до самого горизонта, простиралась угрюмая, нехоженная, болотистая пустошь. Ни одно человеческое существо, думала Мэри, не может, живя на этой бесплодной земле, быть похожим на обычных людей. Даже дети, должно быть, рождаются здесь уродцами, как кусты чахлого раkitника, почерневшие и искореженные неистовыми ветрами, которые налетают то с востока, то с запада, то с юга, то с севера. И в головах-то у них, наверно, все перевернуто, жизнь среди топей, суровых скал и колючего вереска, растущего меж растрескавшихся камней, рождает недобрые мысли. И появляются они на свет от людей, привыкших вместо постели спать прямо под черным небом на голой земле. В них, верно, есть что-то от сатаны...

Дорога вилась по безмолвной и пустынной местности. Ни разу на их пути лучиком надежды не блеснул огонек. На протяжении всех двенадцати миль, что отделяли Бодмин от Лонстона, вообще, видимо, не было человеческого жилья, даже пастушьего шалаша, ничего, кроме зловещего заведения под названием "Ямайка".

Мэри потеряла всякое представление о времени и пространстве; ей казалось, что уже наступила полночь и они проехали не менее сотни миль.

Теперь ей уже не хотелось покидать кареты. Она к ней привыкла и чувствовала себя тут по крайней мере в безопасности. Какой бы кошмарной ни была эта нескончаемая поездка, ее все же защищали стены и пусть ветхая, протекавшая, но крыша. Да и присутствие кучера, которого можно окликнуть, как-то успокаивало. Наконец, как ей показалось, он быстрее погнал лошадей. Ветер доносил его покрикивания и понукания.

Дернув за шнур, Мэри распахнула окно. В лицо хлестнул ветер с дождем; она невольно отпрянула, зажмурившись на мгновение. Затем, тряхнув головой и отбросив волосы с лица, увидела, что карета на бешеной скорости взлетает на вершину холма. По обе стороны дороги сквозь дождь и пелену тумана зловеще чернела земля.

Впереди слева, в стороне от дороги, на самом верху возникло какое-то сооружение с высокими, едва различимыми в темноте, дымовыми трубами. Других домов поблизости не было. Если это и был трактир "Ямайка", то стоял он в гордом одиночестве, открытый всем ветрам. Мэри плотнее закуталась в плащ и затянула пояс. Кучер резко остановил лошадей. От их блестящих от пота крупов шел пар.

Кучер слез на землю и стащил вниз ее сундучок. Он явно торопился, все время пугливо поглядывая через плечо в сторону дома.

-- Ну вот вы и приехали, -- сказал он. -- Ступайте туда через двор, постучите молотком в дверь, и вас впустят. А мне надо поторапливаться, иначе я не доберусь сегодня до Лонстона. -- Через мгновение он был уже на козлах, держа в руках вожжи. Прикрикнув на лошадей, кучер торопливо подхлестнул их. Карета покачнулась и загрохотала по дороге. Мгновение спустя она исчезла во тьме, как будто ее и не бывало.

Мэри осталась одна, с сундучком у ног. За спиной она слышала звук отодвигаемых засовов. Дверь темного дома широко распахнулась, и огромная фигура с покачивающимся в руке фонарем возникла на пороге.

-- Кто там? -- послышался громкий оклик. -- Что вам здесь надо?

Девушка сделала шаг вперед, вглядываясь в стоявшего перед ней человека. Свет, бивший прямо в глаза, слепил ее. Несколько раз качнув фонарем перед ее лицом, человек внезапно рассмеялся, схватил ее за руку и грубо затащил на крыльцо.

-- Так вот это кто, -- произнес он. -- Значит, все-таки приехала? Я твой дядя Джосс Мерлин. Ну что ж, пожалуйста в "Ямайку".

Он втянул Мэри в дом и, вновь захохотав, захлопнул за собой дверь, а фонарь поставил на стол в прихожей. Теперь они могли разглядеть друг друга.

Джосс Мерлин оказался здоровенным детиной, почти семи футов ростом, с крутым изломом черных бровей и смуглой, как у цыгана, кожей. Густые темные пряди волос падали на глаза, свисали над ушами. С широкими плечами, длиннющими руками, достававшими почти до колен, и огромными увесистыми кулаками он, видимо, обладал недюжинной силой. На столь мощном теле голова казалась слишком маленькой и как бы уходила в плечи. Полусогнутая фигура, мохнатые черные брови и спутанные волосы делали его похожим на гориллу.

Однако в чертах его лица не было ничего обезьяньего. Длинный крючковатый нос, рот, прежде, видимо, хорошо очерченный, а теперь запавший, с опустившимися вниз уголками, большие темные глаза, еще довольно красивые, несмотря на морщины и склеротические прожилки вокруг них. А вот зубы сохранились -- крепкие и очень белые. Когда он улыбался, они особенно резко выделялись на загорелом лице, делая его похожим на голодного волка. Казалось бы, как можно сравнивать улыбку человека с волчьим оскалом? Но у Джосса Мерлина была именно такая улыбка.

-- Стало быть, ты и есть Мэри Йеллан, -- сказал он наконец, наклонившись, чтобы лучше рассмотреть ее. -- И ты столько проехала, чтобы поухаживать за своим дядюшкой Джоссом. Это очень благородно с твоей стороны, -- произнес он и снова разразился хохотом, который гулко прокатился по всему дому и резко стегнул по нервам измученной Мэри.

-- А где же моя тетя Пейшнс? -- спросила она, оглядывая плохо освещенную унылую прихожую с холодным каменным полом и узкой расшатанной лестницей, ведущей вверх. -- Разве она не ждала меня?

-- "Где моя тетя Пейшнс? -- передразнил он ее. -- Где моя дорогая тетушка, которая будет меня целовать, миловать и носиться со мной?" Тебе не терпится поскорее броситься к ней в объятия? А дядюшку Джосса поцеловать не желаешь?

Мэри невольно с отвращением отпрянула от него. Поцеловать этого человека? Он был либо ненормальный, либо просто пьян. А может быть, и то, и другое. Но она боялась разозлить его. Он заметил ее смятение и снова захохотал.

-- Да нет же, -- сказал он, -- я не собираюсь трогать тебя, со мной ты в безопасности, как в монастыре. Мне никогда не нравились темноволосые женщины, милочка. И у меня есть дела поинтереснее, чем флиртовать с собственной племянницей.

Посмотрев на нее, он презрительно ухмыльнулся, как шут, уставший от собственных острот, и бросил взгляд на лестницу.

-- Пейшнс, -- взревел он, -- какого черта ты там делаешь? Тут приехала девчонка и вся трясется от нетерпения увидеть тебя. Ее уже тошнит от моего вида.

Наверху завозились, послышалось восклицание, шарканье ног, заметался тусклый свет. По узкой лестнице со свечой в руке, загораживая ладонью глаза от пламени, спускалась женщина. Выцветший домашний чепец прикрывал свисавшие до плеч редкие, седые, спутанные волосы; концы их она, видимо, подвивала, но локоны не держались. У нее было осунувшееся лицо с обтянутыми тонкой кожей скулами, большие, словно вопрошающие о чем-то, глаза. Женщина нервно подергивала губами. На ней была поношенная юбка в полоску, прежде вишневая, а теперь вылинявшая до блекло-розового цвета, плечи прикрывала штопаная-перештопаная шаль. Желая, видно, как-то освежить свой наряд, она вдела в чепец новую ярко-красную ленту, которая никак не вязалась с ее внешностью и лишь сильнее подчеркивала пугающую бледность.

Мэри с изумлением и жалостью смотрела на нее. Неужели это бледное замученное существо, эта неряшливо одетая женщина, выглядевшая лет на двадцать старше своего возраста, и была той самой очаровательной тетей Пейшнс, предметом ее детских грез?

Спустившись, тетя подошла к Мэри, схватила ее руки и уставилась в лицо.

-- Ты в самом деле приехала? -- прошептала она. -- Ты моя племянница Мэри Йеллан? Дитя моей покойной сестры?

Мэри молча кивнула, благодаря Бога за то, что мать не видит сестру в эту минуту.

-- Дорогая тетя Пейшнс, -- мягко произнесла она, -- как я рада снова видеть вас. Ведь столько лет прошло с тех пор, как вы приезжали к нам в Хелфорд.

Тетя все не отпускала девушку, поглаживая ее, ощупывая одежду. Вдруг она прижалась к Мэри и, уткнувшись головой ей в плечо, громко, с отчаянным всхлипыванием зарыдала.

-- Да прекрати ты! -- проворчал ее муж. -- Это называется приветствие? Чего раскудахталась, дура ты эдакая? Не соображаешь, что ли, что девчонку нужно накормить? Ступай с ней на кухню и дай бекона и чего-нибудь выпить.

Нагнувшись, он поднял и взвалил на плечо сундучок Мэри с такой легкостью, словно он ничего не весил.

-- Я отнесу это в ее комнату, -- сказал он, -- и если к моему возвращению на столе не будет чего-нибудь закусить, ты получишь от меня

кое-что, из-за чего действительно придется поплакать. И ты тоже, если захочешь, -- добавил он, придвинувшись лицом к Мэри и схватив ее за подбородок своей лапищей. -- Ты ручная или кусаешься? -- спросил он и, снова заготовав на весь дом, с грохотом стал взбираться по лестнице, держа сундучок на плече.

Тетя взяла себя в руки. Она через силу улыбнулась, пытаясь пригладить жиденькие развившиеся локоны жестом, который напомнил Мэри прежнюю Пейшнс. Затем, нервно моргая и поджимая губы, она провела ее темным коридором на кухню, где горели три свечи, а в очаге еле тлел торф.

Манеры ее внезапно изменились.

-- Ты не должна обижаться на дядю Джосса, -- сказала она заискивающе. Подобно жалобно поскуливающей собаке, приученной жестоким обращением повиноваться хозяину без звука, она, несмотря на пинки и брань, готова была, как тигрица, броситься на его защиту. -- К дяде, знаешь ли, надо уметь подойти. Он своенравен, и не знающие его люди поначалу не понимают его. Но со дня нашей свадьбы и по сей день он был мне очень хорошим мужем.

Снуя взад и вперед по каменному полу, накрывая стол для ужина, извлекая из большого стенного шкафа хлеб, сыр и топленое сало, она лепетала без умолку. Мэри же, подсев поближе к огню, тщетно пыталась согреть окоченевшие руки.

В кухне стоял чад. Струйки дыма поднимались к потолку, заползали во все углы и щели, сизым облаком висели в воздухе. Дым разъедал глаза, лез в нос и рот.

-- Вот увидишь, ты скоро привыкнешь к дяде Джоссу, и он тебе понравится, -- говорила тетя. -- Он прекрасный и очень смелый человек. Его хорошо знают в округе и весьма уважают. Никто не скажет дурного слова о Джоссе Мерлине. Иногда у нас собирается много народу. Не всегда тут тихо, как сейчас. Это, знаешь ли, довольно бойкая дорога. Кареты проезжают мимо каждый день. А господа очень вежливы с нами, очень... Только вчера здесь побывал наш сосед, и я испекла для него сладкий пирог. "Миссис Мерлин, - сказал он, -- вы единственная женщина в Корнуолле, которая умеет печь пироги". Точно так он и сказал. И даже сам местный землевладелец -- сквайр Бассет из Норт-Хилла, знаешь ли, он владеет всей землей в округе, -- так вот, когда он проезжал на днях мимо меня, а было это во вторник, то снял шляпу и сказал: "Доброе утро, мадам" -- и поклонился. Говорят, в свое время он был очень охоч до женщин... Как раз в тот момент из конюшни вышел Джосс -- он прилаживал там колесо на

двуколке. "Как жизнь, мистер Бассет?" -спросил он. -- "Такая же полнокровная, как ты, Джосс", -- ответил сквайр, и они оба рассмеялись.

Мэри что-то вежливо пробормотала в ответ, испытывая крайнюю неловкость и беспокойство. Тетя избегала смотреть ей в глаза, да и увлеченность, с какой она рассказывала, вызывала у Мэри недоверие. Тетя Пейшнс походила на ребенка, который сам себе сочиняет сказки. Мэри было больно видеть, как она пытается играть эту роль, ей хотелось, чтобы та поскорее покончила со своим рассказом и замолчала. Этот поток слов производил еще более тягостное впечатление, чем ее слезы.

За дверью слышались тяжелые шаги. Сердце Мэри упало: она поняла, что Джосс Мерлин спустился вниз и, скорее всего, подслушивал их. Тетя, видимо, тоже услышала его шаги, потому что вдруг побледнела и губы ее задрожали. Он вошел в комнату и внимательно поглядел на обеих.

-- Ну что, клуши, раскудахтались? -- произнес он с недобрый прищуром и без прежней улыбки. -- Тебе только дай потрещать, и слез как не бывало, -обратился он к жене. -- Я слышал, что ты тут несла, болтливая ты дура: кулды, кулды, кулды, ну прямо индюшка. Неужто ты воображаешь, что твоя драгоценная племянница верит хоть одному твоему слову? Да ты не смогла бы провести и ребенка, тем более такую штучку, как эта.

Он схватил стоявший у стены стул, с грохотом приставил его к столу и так плюхнулся на него, что тот закрипел. Схватив со стола каравай хлеба, он отрезал большой ломоть и намазал его смальцем. Запихнув хлеб в рот -- тут жир потек по подбородку, -- он кивком головы подозвал Мэри к столу.

-- Тебе, я вижу, надо поесть, -- сказал он и аккуратно отрезал от каравая тонкий кусок, разделил его на четыре части, намазав каждую маслом. Все это было сделано столь деликатно и так не походило на то, как он только что обслужил самого себя, что Мэри пришла в ужас. Словно какая-то неведомая колдовская сила таилась в его похожих на дубинки пальцах, делая их на удивление умелыми и проворными. Если бы он отрезал толстый ломоть и швырнул ей, она бы не удивилась: это было в его духе. Но в этих внезапно проявившихся хороших манерах, в этих ловких и даже изящных жестах почудилось ей что-то зловещее -- так не вязались они с его повадками. Мэри тихо поблагодарила и принялась за еду.

Тетя, которая с момента появления мужа на кухне не издала ни звука, поджаривала бекон. Все трое молчали. Мэри чувствовала, что сидящий напротив Джосс Мерлин внимательно наблюдает за ней. А за спиной неловко возилась с горячей сковородкой тетя. Вдруг раздались стук упавшей сковороды и отчаянное восклицание. Мэри поднялась было с

места, чтобы помочь, но Джосс грозно приказал ей сидеть.

-- Оставь эту дуру, нечего туда лезть! -- закричал он. -- Сиди здесь, твоя тетушка сама уберет. Ей это не впервой.

Он развалился на стуле и принялся ковырять пальцем в зубах.

-- Что будешь пить? -- спросил он Мэри. -- Бренди, вино или эль? Может, поесть здесь тебе не всегда удастся, но уж без выпивки не останешься. В "Ямайке" ни у кого глотка не пересыхает. -- Подмигнув, он рассмеялся и показал ей язык.

-- Я бы выпила чаю, если можно, -- сказала Мэри. -- Мне не доводилось еще пить ни вина, ни чего-либо покрепче.

-- Вот как? Что ж, ты много теряешь, должен тебе заметить. Сегодня можешь пить свой чай, но через месяц-другой, клянусь Богом, тебе самой захочется глотнуть бренди.

Перегнувшись через стол, он схватил ее за руку.

-- У тебя довольно хорошенькие лапки для девчонки с фермы, -- заметил он. -- А я-то боялся, что они окажутся огрубевшими и красными. Если что и бывает мужчине противно, так это кружка пива из некрасивых рук. Хотя мои клиенты не такие уж привередливые. Да у нас в "Ямайке", сказать правду, прежде и не было официантки. -- Он насмешливо поклонился и отпустил ее руку. -- Пейшнс, дорогая моя, -- сказал он. -- Вот ключ. Сходи-ка принеси мне бутылочку бренди, Бога ради. У меня такая жажда, что все воды Дозмери не смогли бы ее погасить.

При этих словах жена поспешно вышла из кухни и исчезла в коридоре. Джосс снова принялся ковырять в зубах, изредка посвистывая. Мэри ела хлеб с маслом и запивала его чаем, который он поставил перед ней. Голова у нее буквально раскалывалась, и ей казалось, что она сейчас от боли потеряет сознание. Глаза слезились от торфяного дыма. Но при всей усталости она не могла не наблюдать за дядей: ей уже передалась тетина нервозность. Они были, словно две попавшие в капкан мыши, с которыми забавляется чудовищный кот.

Через несколько минут тетя вернулась с бутылкой бренди и поставила ее перед мужем. Пока она дожарила бекон, подала его Мэри и уселась поесть сама, он все подливал себе бренди, угрюмо глядя перед собой, часто постукивая ногой по ножке стола. Вдруг он грохнул кулаком по столу, да так, что загремела посуда, а тарелка упала и разбилась.

-- Вот что я скажу тебе, Мэри Йеллан! -- заорал он. -- Я хозяин в этом доме, и тебе придется хорошенько это запомнить. Ты будешь делать то, что тебе прикажут, помогать по дому и обслуживать моих клиентов, и я не трону тебя пальцем. Но, клянусь Богом, если ты посмеешь открыть рот, то

я уж прижму тебя к ногтю, как эту вот твою тетушку.

Мэри бесстрашно глядела на него, спрятав, однако, руки под стол, чтобы он не увидел, что они дрожат.

-- Я поняла, -- сказала она. -- По натуре я не любопытна и никогда в своей жизни не сплетничала. Меня не касается, что вы делаете в вашем трактире и с кем водите компанию. Я буду делать работу по дому, и у вас не будет повода ворчать на меня. Но если вы обидите мою тетю Пейшнс, то вот что я вам скажу: я тотчас же уйду из "Ямайки", найду мирового судью, приведу его сюда, и вам придется отвечать перед законом. Вот тогда попробуйте-ка прижать меня к ногтю, если у вас появится охота.

Мэри сильно побледнела, отлично понимая, что, крикнув он сейчас на нее, она не выдержит, разрыдается и тогда уж навсегда окажется в его власти. Она не ожидала от себя такой смелости. Охваченная жалостью к своей несчастной загнанной тете, она не могла уже остановиться и, сама того не подозревая, спасла себя: ее бесстрашие произвело на Джосса впечатление. Он откинулся на спинку стула и уже спокойно произнес:

-- Славно, право, очень славно. Теперь мы знаем, какую гостью заимели в своем доме. Только задень ее, и она тут же выпустит коготки... Ладно, милочка, мы с тобой, видать, под стать друг другу. Если уж будем играть, то в паре. У меня найдется для тебя такое дельце в "Ямайке", какое тебе и не снилось. Настоящая мужская работа, Мэри Йеллан, -- когда придется играть с жизнью и смертью.

В этот момент Мэри услышала, как тетя тихо вскрикнула рядом.

-- О, не надо, Джосс, -- прошептала она. -- О, Джосс, пожалуйста!

В голосе тети слышалась такая мольба, что Мэри удивленно взглянула на нее. Наклонясь к мужу, та отчаянными жестами умоляла его замолчать. Настойчивость, тете явно не свойственная, и мука, читавшаяся в ее глазах, испугали Мэри больше, чем все происшедшее за вечер. Ей вдруг стало не по себе, ее охватил озноб, подступила тошнота. Что вызвало такую панику у тети Пейшнс? Что собирался сказать Джосс Мерлин? Мэри овладело напугавшее ее саму лихорадочное любопытство.

-- Ступай спать, Пейшнс! -- приказал Джосс. -- Мне надоело смотреть на твою кислую рожу. Мы с этой девчонкой понимаем друг друга.

Тетя тотчас встала и пошла к двери, бросив через плечо последний, полный бессильного отчаяния взгляд. Было слышно, как она поднялась по лестнице. Джосс и Мэри остались вдвоем... Он отодвинул от себя опустевшую бутылку и положил руки на стол.

-- Есть в моей жизни одна слабость, и о ней я тебе расскажу, -- начал он. -- Это пьянка. Мое проклятие. Знаю, но не могу остановиться. Однажды

она меня прикончит, и поделом. Обычно я пью самую малость, вот как сегодня. А бывает, на меня что-то такое находит, и я пью и пью, напиваюсь вдрызг. И тогда все мое: и сила, и слава, и бабы, и все царствие небесное. Тут уж я чувствую себя королем, Мэри, владыкой мира. Это и рай и ад. И меня несет без остановки, я говорю и говорю обо всем, что натворил. Забираюсь в свою комнату, зарываюсь в подушку и ору, ору о моих делишках. Тогда твоя тетка запирает меня на ключ, а когда протрезвею, то колочу в дверь, и она меня выпускает. Никто, кроме нас с ней, не знает об этом, да вот теперь и ты. Я рассказал об этом потому, что уже немного пьян и не могу держать язык за зубами. Но я еще не так пьян, чтобы совсем потерять голову. Не так пьян, чтобы рассказать тебе, почему живу в этой забытой Богом дыре и как стал хозяином "Ямайки".

Он говорил теперь еле слышно, осипшим голосом. Огонь в очаге едва тлел, на стены легли черные тени, свечи тоже почти погасли, а на потолке металась зловещая тень Джосса Мерлина. Он пьяно улыбнулся Мэри и дурашливо приставил палец себе к носу.

-- Нет, этого я тебе не скажу, Мэри Йеллан. О нет, я не так прост и еще кое-что сообщаю. Ежели хочешь узнать побольше, спроси лучше у своей тети. Уж она-то порасскажет тебе. Я нынче слышал ее болтовню о приличной публике у нас в трактире и о сквайре, который снимает перед ней шляпу. Это все враки, сплошные враки. Одно только тебе скажу, все равно рано или поздно узнаешь. Сквайр Бассет и носа сюда не кажет, боится. Как увидит меня на дороге, перекрестится и пришпорит коня. Да и все прочие милейшие господа. Кареты с пассажирами не останавливаются здесь больше, и почтовые тоже. Но мне наплевать, клиентов хватает. Чем меньше беспокоят меня господа, тем лучше. Здесь пьют -- и не мало. Одни в субботу вечером ездят в "Ямайку", а другие запирают двери на засовы и ложатся спать, заткнув уши. Бывает, что по ночам в округе тихо и темно во всех домах, и только окна "Ямайки" ярко освещены. Говорят, что крики и пение слышны отсюда даже на фермах за РафТором [Букв.: суровый скалистый пик. (Примеч. пер.)]. В такие вечера, если пожелаешь, будешь работать в баре и увидишь, с кем я вожу компанию.

Мэри сидела очень тихо, крепко вцепившись руками в сиденье стула. Она не смела пошевелиться, боясь, что настроение Джосса внезапно снова переменится и он перейдет от доверительного тона к грубой брани.

-- Все они боятся меня, -- продолжал он, -- а я никого не боюсь. Говорю тебе, получи я хорошее воспитание и образование, я бы уж был при самом короле Георге и исколесил с ним всю Англию. Всему виной спиртное да моя горячая кровь. Проклятие это лежит на всем нашем роду,

Мэри. Ни один из Мерлинов еще не помер в собственной постели. Отца моего повесили в Эксетере -- он ввязался в драку с одним парнем и прикончил его. Деду отрезали уши за воровство, отправили на каторгу в южные колонии, и там он подох от змеиного укуса. Я старший из трех братьев; все мы родились у подножья Килмара, в его тени, -- там, около болота Дюжины Молодцов... Знаешь, надо пересечь Восточное болото, дойти до Рашфорда, там и увидишь огромную гранитную скалу, похожую на воздетую к небу руку дьявола. Это и есть Килмар. Если уж родился около него, непременно пристрастишься к выпивке, как я. Мой брат Мэтью утонул в болоте Треварта. Мы-то думали, что он подался в матросы, о нем долго не было известий. А потом летом, когда началась засуха и не выпало ни капли дождя, мы вдруг наткнулись на Мэтью. Он застрял в трясине, так и остался стоять там с руками, поднятыми вверх, а вокруг вились кулики. Мой брат Джем -- черт бы его побрал! -- был еще младенцем, держался за юбку матери, когда Мэт и я были уже взрослыми. Я никогда не ладил с Джемом: уж больно он хитер и остер на язык. Когда-нибудь его наверняка поймают и повесят, как моего отца.

Тут Джосс замолчал, уставился на пустой стакан, поднял его и вновь поставил на стол.

-- Нет, -- проговорил он. -- Сказал, хватит -- значит, хватит. Сегодня больше ни капли. Ступай-ка спать, Мэри, пока я не свернул тебе шею. Возьми свечу. Твоя комната наверху, прямо над крыльцом.

Не говоря ни слова, Мэрн взяла свечу и собралась идти, но он вдруг схватил ее за плечо и резко повернул к себе.

-- Может, как-нибудь ночью тебе случится услышать шум колес на дороге, -- сказал он. -- И если повозка не проедет мимо, а остановится у "Ямайки", и если раздадутся шаги во дворе и голоса под твоими окнами, то оставайся в постели, Мэри Йеллан, и накройся одеялом с головой. Ты поняла?

-- Да, дядя.

-- Ладно, а теперь убирайся, и если когда-нибудь вздумаешь задать мне хоть один вопрос, я переломаю тебе все кости.

Она вышла из комнаты в темный коридор и, споткнувшись в темноте о скамью в холле, осторожно, постоянно оглядываясь, начала подниматься по лестнице. Дядя сказал, что ее комната над крыльцом. Она медленно прошла по неосвещенной лестничной площадке, миновала две двери по обе стороны -вероятно, за ними прежде были комнаты для проезжих, но никто теперь не искал приюта под крышей "Ямайки". Тут Мэри наткнулась еще на одну дверь. Повернув ручку, открыла ее и при слабом свете свечи

разглядела на полу свой сундучок и поняла, что это и есть ее комната.

Стены были без обоев и даже не оштукатурены, полы ничем не застелены. Туалетным столиком служил перевернутый ящик, на котором стояло потрескавшееся зеркало. В комнате не было ни кувшина, ни таза; видимо, умываться ей придется на кухне. Кровать заскрипела, лишь только она дотронулась до нее, два тонких одеяла на ощупь были влажными.

Девушка решила не раздеваться и лечь в одежде, в которой приехала, пусть и изрядно пропылившейся, и завернуться в плащ. Подойдя к окну, она выглянула наружу. Ветер утих, но дождь еще моросил и мутные тонкие струйки стекали по стене дома, заливая оконное стекло грязью.

Откуда-то из дальней части двора послышался звук, похожий на стон раненого зверя. Было слишком темно, чтобы что-нибудь разглядеть; Мэри увидела лишь темный, мерно покачивавшийся предмет. На одно мгновение под впечатлением страшных рассказов Джосса ей померещилось, что перед ней виселица с мертвецом. Однако она тут же поняла, что это вывеска трактира, которая едва держалась на гвоздях и при малейшем ветре начинала раскачиваться. Да, это была всего лишь потрепанная вывеска, и похоже, она знавала лучшие времена. Теперь же некогда белые буквы расплылись и посерели от ветров и гроз.

Мэри закрыла ставни и в темноте на ощупь добралась до кровати. Зубы стучали от холода, а ноги и руки ооченели. Съежившись, она долго сидела на постели в полном отчаянии. Ее преследовало желание бросить все и убежать из этого дома, вернуться в Бодмин, проделав пешком все долгие двенадцать миль. Но хватит ли у нее сил преодолеть усталость или она свалится где-нибудь прямо на обочине и уснет на месте, а на рассвете, открыв глаза, увидит над собой этого громилу Джосса Мерлина?

Она сомкнула веки, и тотчас же в памяти всплыло его ухмыляющееся лицо; вот через мгновение он нахмурился, лоб собрался складками, и он весь затрясся от ярости. Девушка отчетливо представила копну нечесаных волос, крючковатый нос, длинные сильные и одновременно на редкость ловкие пальцы. Она почувствовала себя птицей, угодившей в силки, из которых, как ни пытайся, не вырваться. Надо действовать немедленно: выбраться через окно и бежать по белой дороге, которая, извиваясь, подобно змее, идет через болота. Завтра уже будет поздно.

Мэри подождала, пока не услышала, как Джосс поднялся по лестнице. Бормоча что-то себе под нос, он, к ее облегчению, повернул налево и прошел в другой конец коридора. Хлопнула дверь, и все стихло. Девушка решила, что медлить больше нельзя. Если она проведет под этой крышей хотя бы одну ночь, она сломается, потеряет себя, как тетя Пейшнс, сойдет с

ума.

Мэри открыла дверь и тихо прокралась в коридор. На цыпочках подошла к лестнице. Остановилась и прислушалась. Взялась было за перила и хотела спуститься, как вдруг в противоположной стороне коридора раздался какой-то звук. Это были рыдания. Кто-то приглушенно всхлипывал, уткнувшись в подушку. То плакала тетя Пейшнс. Мэри остановилась, помедлила, потом вернулась в свою комнату, бросилась на постель и закрыла глаза. С чем бы ни пришлось столкнуться здесь и как бы ни было страшно, ей нельзя покидать "Ямайку". Здесь она нужна. Возможно, тетя найдет в ней утешение, они поймут друг друга, и как-нибудь -- она слишком устала, чтобы думать об этом сейчас, -Мэри сможет защитить тетю Пейшнс, стать между ней и Джоссом Мерлином. Семнадцать лет ее мать жила и трудилась без мужа и вынесла столько, что другим и не снилось. Уж она-то не сбежала бы из-за какого-то полоумного, не побоялась бы остаться в доме, сам воздух которого пропитан духом зла, в доме, что, продуваемый всеми ветрами, одиноко стоит на вершине холма, бросая вызов людям и стихии. Матери Мэри достало бы мужества не дрогнуть перед врагами. Она бы с ними справилась, не отступила.

Мэри улеглась на свою жесткую постель. Мысли теснились в голове, ее одолевали сомнения. Хотелось заснуть, но сон бежал от нее. Каждый новый звук бил по нервам -- шуршание мыши за стеной, скрип вывески во дворе. Она считала минуты и часы этой нескончаемой ночи. Когда же где-то в поле за домом закукарекал петух, она, не в силах больше ни о чем думать, тяжело вздохнув, заснула как мертвая.

3

Мэри разбудили звон оконного стекла, дребезжавшего под порывами яростного западного ветра, и проникавшие в комнату лучи жиденького солнца. Было совсем светло, судя по всему, не меньше восьми часов. Выглянув во двор, Мэри увидела, что ворота конюшни распахнуты; в грязи отпечатались следы конских копыт. Смекнув, что хозяин уехал, девушка с облегчением вздохнула: стало быть, они с тетей Пейшнс смогут хоть немного побыть вдвоем.

Поспешно раскрыв свой сундучок, она вытащила из него плотную юбку, цветастый передник и грубые башмаки, которые обычно носила у себя на ферме, и через десять минут уже умывалась в кухне над лоханью.

Тетя Пейшнс вернулась из курятника, неся в переднике свежие яйца. Заговорщицки улыбаясь, она сказала:

-- Я подумала, ты не откажешься от свеженького яичка. Вчера вечером ты была больно усталой, так ничего толком и не поела. А еще я припасла

тебе немного свежевзбитого маслица -- хлебушек помазать.

Сегодня она держалась гораздо спокойнее и, несмотря на покрасневшие веки -- следы беспокойной ночи, -- старалась выглядеть веселой. Из этого Мэри заключила, что только в присутствии мужа тетушка была такой нервной и вела себя, как напуганный ребенок. Когда же его не было, она так же по-детски, забыв обо всем, радовалась каждому пустяку -- вроде того, что может сварить яйцо для Мэри.

Обе избегали упоминать события прошлой ночи. Имя Джосса не произносилось. Мэри не заботило, куда он уехал и зачем, она просто радовалась его отсутствию. Тетушка с удовольствием болтала о чем угодно, только не о теперешней своей жизни. Она явно страшилась расспросов, и девушка начала пространно рассказывать о последних годах жизни в Хелфорде, о постигших их бедах, болезни и смерти матери.

Доходили ли ее слова до тети, Мэри трудно было судить. Та то кивала головой, то закусывала губу, то сочувственно охала, но девушке казалось, что долгие годы жизни в постоянном страхе и тревоге лишили ее способности слушать и внимать. Все заслонил какой-то прочно поселившийся в ее душе неведомый ужас.

Утро прошло в обычных хлопотах по хозяйству, и у Мэри была возможность обследовать трактир.

Это было мрачное нелепое строение с длинными коридорами и чудно расположенными комнатами. Отдельный ход в боковом крыле вел в бар, который был пуст, но стоявший в нем дух явно указывал на недавно закончившуюся гулянку. Затхлый воздух был насквозь пропитан запахами табака, прокисшего вина, немытого тела; скамьи запачканы.

Несмотря на столь гадостное впечатление, это было единственное обжитое помещение в доме. Другие комнаты казались совсем заброшенными. Даже гостиная рядом с парадным входом выглядела неприятно, как будто месяцами ее порога не переступал порядочный путник. Да и камин давно не разжигался. Гостиные комнаты наверху имели и вовсе запущенный вид. Одна была заполнена всяким хламом, какие-то доски и ящики громоздились у стены, на полу были свалены в кучу старые, изъеденные мышами и крысами лошадиные попоны. В комнате напротив на сломанной кровати разложена картошка и репа. Мэри подумала, что и та комната, которую отвели ей, прежде имела вид не лучше, и лишь к ее приезду стараниями тети была хоть как-то прибрана и обставлена. В комнату хозяев, расположенную в другом крыле, она зайти не посмела. Прямо под ней в конце такого же длинного коридора на первом этаже, который вел в противоположную от кухни сторону, находилась еще одна

комната. Дверь ее оказалась заперта. Мэри вышла во двор и попыталась заглянуть туда через окошко, но оно было заколочено досками и увидеть ничего не удалось.

Дом с пристройками образовывал три стороны небольшого квадрата, внутри которого находился двор. В центре двора была земляная насыпь, по ней проходил желоб с питьевой водой. Сразу за двором узкой белой лентой вилась дорога; по обе стороны ее, насколько хватало взгляда, простиралась коричневая, раскисшая от дождя заболоченная земля. Мэри вышла на дорогу и огляделась. Вокруг виднелись лишь холмы и болота. Сизое каменное здание трактира, каким бы мрачным и нежилым оно ни казалось, было здесь единственным обиталищем.

К западу от "Ямайки" высились холмы. Одни -- пологие, пригодные под пастбища, поросшие травой, казавшейся желтоватой в лучах зимнего солнца. Другие -- голые, со скалистыми гранитными вершинами. Солнце то скрывалось, то выглядывало из-за туч, бросая длинные тени на болота. Благодаря игре света и тени, переходу тонов картина беспрестанно менялась. Холмы становились то багровыми, то фиолетовыми, то переливались всеми цветами радуги. Но вот слабый луч солнца пробился сквозь облака, и ближайший холм высветился, залился охрой, а соседний оставался в тени.

На востоке над пустошью палило солнце, как в разгар летнего дня. А на западе свирепствовал холодный, прямо-таки арктический ветер, нагонявший тучи. Вот одна громадная, похожая на плащ разбойника, окутала гранитные вершины холмов и разразилась дождем вперемешку со снегом. Воздух был чист и ароматен, как в горах. Мэри испытывала новое, удивительное ощущение. Она привыкла к мягкому, теплему климату. В Хелфорде было всегда тихо. Могучие деревья и густой высокий кустарник укрывали его от ветров. Даже восточный ветер особенно не досаждал -- крутой берег реки служил надежным заслоном, и ветер лишь вспенивал ее воды. И каким бы чужим и неприветливым ни казался ей этот пустынный край голой, невозделанной земли, где единственным приютом служила стоявшая высоко на холме, со всех сторон продуваемая ветрами "Ямайка", в холодном воздухе было что-то будоражащее девушку. Мэри почувствовала, как в ней зреет какая-то новая, дерзкая решимость. Коллючий ветер обжигал лицо, трепал волосы, на щеках девушки играл румянец, в глазах появились искорки. Она жадно вдыхала этот воздух, который был свежее и слаще сидра. Мэри подошла к желобу и подставила ладони под струйку. Ледяная вода была чиста и прозрачна. Она сделала глоток. Такой воды ей еще не приходилось пробовать. Горьковатая, она

имела тот же привкус, что и дым печи, топившейся торфом. Мэри тотчас же испытала ее живительное действие. Жажда больше не мучала ее. В нее словно влились новые силы, проснулся аппетит, и она пошла к дому, где ее ждал обед. Она отдала должное бараньему рагу с тушеной репой и, впервые за сутки вволю наевшись, решила расспросить тетю Пейшнс.

-- Тетушка, -- начала она. -- Почему дядя держит здесь трактир?

Тетя явно растерялась, не ожидая столь прямого вопроса. Некоторое время она молчала, глядя на племянницу широко раскрытыми глазами. Потом лицо ее залилось краской, губы задрожали.

-- Ну как же, -- с трудом выговорила она наконец. -- Это же такое бойкое место, прямо у дороги. Разве ты сама не видишь? Два раза на неделю здесь проходит почтовая карета из Труро через Бодмин до самого Лонстона. Да ты ведь сама приехала по этой дороге. Много всякого люда проезжает здесь: и торговцы, и джентльмены, путешествующие по своим делам. Случается, и матросы из Фалмута заглядывают.

-- Да, тетушка, но почему же они не останавливаются в "Ямайке"?

-- Как это не останавливаются? Частенько останавливаются, и в бар заходят освежиться. У нас большая клиентура.

-- Да что вы такое говорите? В гостиную давным-давно не прибирали, ну а в комнатах что творится! Вот мышам да крысам раздолье! Да я же своими глазами видела. Мне приходилось бывать в трактирах, конечно не таких больших. У нас в деревне тоже был трактир. Хозяин был с нами в дружбе. Мы не раз к нему заглядывали и чай пили в гостиную. Правда, он сдавал только две комнаты, но зато уж они были и обставлены как подобает, и прибраны как следует.

Пейшнс долго не отвечала, потом губы ее снова задержались, и, вцепившись руками в колени, она произнесла:

-- Дядя Джосс не хочет, чтобы у нас останавливались. Мало ли кто завалится? В таком уединенном месте и прирежут ночью за милую душу. Страшно пускать кого попало.

-- Но, тетушка, это же бессмыслица! Зачем же держать трактир, коль приличному человеку у вас и переночевать нельзя? И на что же вы живете, ежели у вас совсем нет постояльцев?

-- Я же тебе сказала -- клиенты у нас бывают, -- нехотя ответила та. -- Разные люди заходят: те, что живут неподалеку на фермах, да еще многие из округи. Тут на болотах много и ферм, и коттеджей. В иные вечера бар просто битком набит.

-- А кучер говорил вчера, что приличные люди в "Ямайку" больше не заходят. Сказал, бояться.

Пейшнс переменялась в лице и страшно побледнела. Глаза ее забегали. Она проглотила комок в горле и провела языком по пересохшим губам.

-- У дядюшки Джосса -- крутой нрав, -- выдавила она из себя наконец.
- Он вспыльчив и перечить себе не позволит.

-- Тетушка, ну кто же станет перечить хозяину постоянного двора, который всего лишь занимается своим делом? Вряд ли его дурной нрав может напрочь отвадить посетителей...

Тетушка умолкла, не находя слов, и сидела съежившись, всем видом показывая, что больше из нее ничего не вытянешь. Мэри попробовала зайти с другой стороны.

-- А как вы здесь вообще очутились? Моя матушка ничего об этом не знала. Мы думали, вы живете в Бодмине, ведь вы нам оттуда написали, когда вышли замуж.

-- Мы с твоим дядей познакомились в Бодмине, но жить там никогда не жили. Какое-то время провели под Пэдстоу, ну а потом сюда перебрались. Джосс купил трактир у мистера Бассета. Говорили, что долгие годы дом пустовал, ну а Джоссу он приглянулся. Ему хотелось наконец осесть. Он долго мотался по свету; где только не бывал, даже в Америку ездил. Уж всего сейчас и не припомню.

-- Странно, что он решил обосноваться в таком вот месте, -- сказала Мэри. -- Хуже, пожалуй, не придумаешь.

-- Он родился в этих краях. Их дом стоял здесь неподалеку, на болоте Дюжины Молодцов. Брат его, Джем, и теперь там живет, когда не шатается по округе. У него там небольшой домишко. Время от времени он навещается к нам, но дядюшка Джосс не особенно его жалует.

-- А мистер Бассет к вам заходит?

-- Нет.

-- Отчего же, раз это он продал дяде трактир?

Тетя Пейшнс нервно сцепила пальцы и закусила губу.

-- Они что-то не ладили. Твой дядя купил трактир через знакомого. Мистер Бассет об этом не знал, пока мы не вселились сюда, и не очень обрадовался.

-- Чем же он был недоволен?

-- Они не виделись с тех пор, как дядя еще молоденьким парнишкой уехал из Треварты. В молодости он был большим буяном, и о нем ходила дурная слава. Но это не вина его, а беда. Все они, Мерлины, такие. А его младший брат, Джем, еще того хуже, это уж я точно говорю. Ну, мистер Бассет наслушался всяких рассказней о Джоссе и поднял целую бучу из-за покупки дома. Вот тебе и все.

В изнеможении Пейшнс откинулась на спинку стула, глаза ее молили о пощаде, лицо вытянулось и еще больше побледнело. Мэри видела, как она страдает, но с жестокостью молодости все же посмела задать еще один вопрос:

-- Последний вопрос, и больше я вас тревожить не стану. Тетушка, посмотрите мне в глаза и отвечайте прямо: что это за комната там, в конце коридора, окна которой наглухо заколочены, и что привозят по ночам в "Ямайку"?

Как часто бывает в таких случаях, Мэри, едва договорив, тотчас раскаялась в том, что эти слова сорвались с ее губ. Чего бы она ни отдала, чтобы взять их обратно! Но поздно -- лицо бедной женщины перекосилось, на нее было страшно и больно смотреть. В глазах застыл ужас, губы дрожали, рука судорожно схватила воротник платья.

Мэри вскочила и бросилась к ней. Опустившись подле тетушки на колени, она обняла ее, прижала к себе и стала целовать пряди ее волос.

-- Простите, простите меня, не сердитесь, пожалуйста! Я дерзка и груба. И не смею совать нос в ваши дела и донимать вас расспросами. Мне, право же, очень стыдно. Пожалуйста, пожалуйста, простите меня! Забудьте все, что я говорила.

Тетя не отвечала. Закрыв лицо руками, она сидела как каменная. Мэри тихонечко гладила ее плечи, целовала руки. Наконец тетя отняла ладони от лица. В ее глазах больше не было страха. Она как будто успокоилась. Взяла Мэри за руки, заглянула ей в лицо.

-- Мэри, -- произнесла она еле слышно, сдавленным голосом, -- Мэри, я не могу ответить на твои вопросы потому, что многое мне самой неизвестно. Но как племянницу, как дочь моей родной сестры, хочу тебя предостеречь. -- Она бросила взгляд через плечо, словно опасаясь, что Джосс, подкравшись, подслушивает у дверей. -- В "Ямайке" творятся такие дела, о которых я и обмолвиться не смею. Скверные дела, страшный грех. Себе самой страшно в этом признаться, не то что тебе рассказывать. Кое-что, живя здесь, ты все равно когда-нибудь узнаешь. Твой дядя связался с дурными людьми, которые занимаются темными делами. Порой они приезжают сюда по ночам. Тогда я слышу шаги, голоса, стук в дверь. Джосс впускает их, ведет по коридору в комнату, что заперта на замок. Из своей спальни я слышу их приглушенный разговор, а на рассвете они исчезают, будто и не бывало. Так вот, когда они появятся, оставайся у себя в комнате и лежи, заткнув уши, и ни меня, ни Джосса ни о чем не спрашивай. Ибо, знай ты хоть половину того, о чем я догадываюсь, ты бы поседела от ужаса, стала заикаться и рыдать по ночам в подушку, пришел бы конец

твоей юной беспечности. Ничего от тебя не останется, станешь развалиной вроде меня.

Она поднялась из-за стола, отпихнув стул. Мэри услышала, как она медленно, тяжело ступая, будто ноги совсем не держали ее, поднялась по лестнице в свою комнату и захлопнула дверь.

Девушка так и сидела на полу около брошенного стула и смотрела в окно. Солнце уже почти скрылось за дальними холмами. Вот-вот опустятся на "Ямайку" тоскливые ноябрьские сумерки.

4

Джосса Мерлина не было почти неделю, и за это время Мэри смогла немного освоиться на новом месте. В отсутствие хозяина в бар никто не навещался. И, переделав все дела, Мэри вольна была распоряжаться собой. Она подолгу бродила по окрестностям. Пейшнс Мерлин была небольшой охотницей до прогулок и дальше своего птичьего двора не ходила. К тому же она быстро сбивалась с дороги, путала названия холмов. От мужа она слышала о них, но где в точности они находятся, сказать не могла. Поэтому в полдень Мэри обычно пускалась в путь одна, и только солнце да присущее ей, выросшей в сельской местности, чутье указывали дорогу.

Места здесь были еще более глухие, чем казалось поначалу. Болота простирались с востока на запад, подобно огромной пустыне, здесь и там пересекаемые редкими тропками. Вдали у горизонта виднелись очертания высоких холмов.

Где кончались болота, сказать было трудно. Только однажды, взобравшись на самую высокую скалу за "Ямайкой", Мэри увидела вдалеке серебристую полоску моря.

Это был безмолвный край неводеланной земли. Громоздящиеся одна на другую каменные глыбы причудливой формы, будто гигантские часовые, стояли на вершинах холмов со времен творения. Некоторые глыбы походили на огромные стулья и столы, еще одна напоминала лежащего гиганта, чья фигура отбрасывала тень на вереск и жесткую клочковатую траву. Были там вытянувшиеся вверх камни, непонятно на чем держащиеся и каким-то чудом противостоящие натиску ветра. Были и плоские, похожие на жертвенники, с гладко отполированной поверхностью; они глядели в небо, словно в вечном, но тщетном ожидании жертвоприношения. На скалах обитали дикие овцы, вороны да стервятники. Здесь же находили уют и всякого рода отшельники.

У подножий паслись черные коровы и козы. Осторожно ступая по твердой почве, животные благодаря врожденному чутью обходили с виду

безобидные пучки травы. На самом деле то была вовсе не трава, а мокрый болотный мох, хлюпанье которого походило на таинственный шепот.

Когда над вершинами холмов дул ветер, из расселин гранитных скал слышался свист, а порой и стон, похожий на человеческий. Странные здесь были ветры: они налетали внезапно, и травы начинали тревожно шелестеть, а по лужам шла рябь. Иногда ветер громко завывал и рыдал, и этот плач долгим эхом отзывался в скалах. Протяжный стон так же внезапно обрывался, и в скалах воцарялась тишина давно минувших дней, когда человек еще не слышал слова Божьего и язычники бродили по округе. Жуткое безмолвие застывало в воздухе. Нет, не Божьим духом веяло от этих холмов.

Бродя по болотистым местам, взбираясь на скалы, отдыхая в низинах у родников и ручьев, Мэри Йеллан часто думала о Джоссе Мерлине, его детстве, о том, как он рос с упорством дичка, которому не давал расцвести северный ветер.

Однажды она пересекла Восточное болото и направилась к месту, о котором Джосс рассказывал ей в тот первый вечер. Она добралась до известнякового холма и, поднявшись на его гребень, увидела крутой спуск к болотистой низине, по которой пробегал ручеек. По другую сторону топи возвышался ядовито-серый утес, похожий на воздетую к небу пятерню. Гладкая поверхность его была словно высечена из гранита.

Это и был Килмар-Тор, где-то у этой каменной громады, загораживающей собой солнце, родился Джосс Мерлин; там и теперь жил его младший брат. Там утонул в болоте Мэтью Мерлин. Мэри живо вообразила, как он, насвистывая, шагал по твердой земле под журчание ручья. Незаметно подкрались сумерки, и он стал двигаться менее уверенно. Вот он остановился, немного подумал и тихо выругался. Потом, пожав плечами, решительно двинулся дальше, но, не успев сделать и двух шагов, почувствовал, что у него под ногами проваливается земля. Он споткнулся, упал и вдруг почти по пояс увяз в водорослях и иле. Ухватился за пучок травы, но тот под его тяжестью ушел под воду. Изо всех сил он пытался выбраться из трясины, но увязал все больше. Наконец ему удалось выдернуть одну ногу. Однако когда Мэтью в панике, забыв осторожность, рванулся вперед, его засосало еще глубже, и, беспомощно барахтаясь, он стал молотить руками по воде. Мэри почудилось, что она слышит, как он кричит от ужаса и как вспорхнувшая из камыша прямо перед ним болотная птица бьет крыльями. С похоронным криком птица улетела и скрылась за грядой холмов, а болото вновь погрузилось в безмолвие, и лишь стебельки травы чуть колыхались от ветра.

Мэри повернула назад и пустилась бежать через пустошь подальше от утеса, спотыкаясь о вереск и камни и не останавливаясь, пока болото не скрылось за холмом и сам утес не пропал из виду.

Девушка в этот раз забралась гораздо дальше от дома, чем полагала. Казалось, прошла вечность, пока последний холм не остался позади и из-за поворота дороги наконец не показались высокие трубы "Ямайки". Пройдя через двор, Мэри заметила, что дверь конюшни открыта, а в стойле стоит лошадь. Сердце ее упало: Джосс Мерлин вернулся.

Мэри попыталась неслышно отворить дверь, но та отчаянно закрипела, и тут же в конце коридора выросла фигура хозяина. Он стоял, наклонив голову под низкой притолокой, с закатанными выше локтя рукавами рубахи, со стаканом в руке и скатертью под мышкой. Был он явно в приподнятом настроении и, увидев Мэри, заорал, размахивая стаканом:

-- Ну, чего скривилась? Неужто ты мне нисколько не рада? Признайся, очень по мне скучала?

Мэри попыталась улыбнуться и спросила, была ли его поездка приятной.

-- Приятной? Черта с два! -- ответил он. -- Но вот денежки я заработал, а это все, что требуется. Во всяком случае, я не был во дворце у короля, если тебя это интересует.

Он шумно рассмеялся собственной шутке, жена тихо подхихикнула ему, выглядывая из-за его плеча.

Как только смех хозяина стих, улыбка сползла с лица тети Пейшнс, и оно снова приняло то затравленное, напряженное выражение, которое всегда появлялось у нее в присутствии мужа, а взгляд застыл, как у полоумной.

Мэри сразу увидела, что от беззаботности, в которой тетя пребывала всю неделю, не осталось и следа. Она снова превратилась в задерганное, жалкое создание.

Девушка повернулась и направилась было в свою комнату, но в этот момент Джосс окликнул ее.

-- Послушай-ка, -- сказал он, -- сегодня тебе не удастся отсидеться наверху. Вечером для тебя будет работенка. Поможешь своему дядюшке в баре. Ты что, забыла, какой нынче день?

Мэри задумалась. Видно, она потеряла счет дням. Вроде бы приехала она сюда в понедельник. Стало быть, сегодня суббота. Она сообразила, о чем говорит Джосс. К вечеру в "Ямайке" ожидалась гости.

Они прибывали поодиночке. Люди с болот быстро и молча, словно не желая, чтобы их увидели, проходили через полутемный двор. Как тени,

огибали они стену дома, поднимались на крыльцо, стучали в дверь, и их впускали. Некоторые шли с фонарями, опасливо прикрывая их полами одежды. Кто-то въехал во двор на лошади, и стук копыт гулко отозвался в ночной тишине. Раздался скрип ворот, и слышались приглушенные голоса, когда лошадей заводили в конюшню. Были и такие, кто вел себя совсем скрытно. Без фонарей, с низко надвинутыми на лоб шляпами и высоко поднятыми воротниками, они незаметно проскальзывали через двор. Причину этого трудно было объяснить, ибо каждый проезжающий по дороге мог видеть, что в этот вечер "Ямайка" принимала гостей. Окна трактира, обычно затемненные и закрытые ставнями, ярко светились. Чем темнее становилось на дворе, тем громче звучали голоса в доме. Оттуда доносились пение, крики и громкий смех; те, кто приходил в трактир крадучись, забывали в баре всякий страх и, сидя в компании с трубками в зубах и наполненными до краев стаканами, уже более не думали об осторожности.

Странные люди собирались у Джосса Мерлина. Отгороженная стойкой бара и почти скрытая от взоров баррикадой из бутылок и стаканов, Мэри имела возможность хорошенько разглядеть эту пеструю публику. Одни оседлали высокие табуреты или, раскинувшись, сидели на скамьях, другие -- стояли, опершись о стену, третьи -- низко склонились над столами. Несколько человек, чьи головы и желудки оказались слабее, уже во всю длину растянулись прямо на полу.

По большей части это были грязные, потрепанные, неряшливые оборванцы со спутанными волосами и обломанными ногтями -- бродяги, браконьеры, воры, конокрады, цыгане. Были здесь и фермер, разоренный собственной нерадивостью и нечестностью, и пастух, поджегший стог сена у своего хозяина, и перекупщик лошадей, с позором изгнанный из Девона. Один парень под видом занятий сапожным ремеслом торговал краденым. Пьяница, в беспамятстве лежащий на полу, в свое время служил помощником капитана на шхуне и посадил ее на мель. В дальнем углу притулился, грызя ногти, плюгавенький человек -- рыбак из Порт-Исаака. По слухам, у него в дымовой трубе был запрятан чулок, набитый золотом, но откуда оно взялось, никто не знал. Были среди прочих и люди, жившие по соседству, у подножия скал; эти ничего другого, кроме болот, пустоши да гранита, не видели. Один из них пришел без фонаря из Крауди-Марш, что за Раф-Тором. Другой явился из Чизринга; он сидел, положив ноги на стол и не выпуская из рук кружки с пивом. Рядом примостился жалкий придурок, приковылявший сюда из Дозмери. Почти все его лицо покрывало малинового цвета родимое пятно; он без конца ощупывал его и надувал

щеку так, что Мэри, хотя ее и отделял от него строй бутылок, вдруг замутило. К тому же в баре стоял тяжелый дух -- смесь винного перегара, табака и пота. Девушка испытывала растущее физическое отвращение и чувствовала, что еще немного, и она не выдержит. К счастью, ей не надо было обслуживать клиентов; от нее требовалось лишь мыть стаканы и наполнять их из бочонка или бутылки, стараясь не привлекать к себе внимания. Джосс Мерлин сам разносил стаканы. Он прохаживался по залу, пересмеиваясь с одним, обмениваясь солеными шуточками с другим, похлопывая по плечу третьего, а кого-то бодая головой.

После первых восклицаний, откровенных взглядов и ухмылок собравшиеся в трактире перестали обращать на Мэри внимание. Им было достаточно, что она племянница хозяина, что-то вроде прислуги, помогающей его жене, -- так она была им представлена. И хотя несколько человек из тех, что помоложе, были не прочь позубоскалить и приударить за ней или позволить некоторые вольности, они остерегались гнева хозяина, который, похоже, привез ее в "Ямайку" для собственного развлечения. Потому-то Мэри оставили в покое, к величайшему ее облегчению. Однако знай девушка об истинной причине их сдержанности, она со стыдом и негодованием тотчас убежала бы из бара.

Тетушка в баре не появлялась, но за дверью несколько раз промелькнула ее тень, и Мэри слышала шаги в коридоре, а один раз заметила, как она испуганно заглядывает в щелку. Вечер казался нескончаемым. Мэри мечтала, чтобы ее поскорей отпустили. В комнате было так душно и накурено, что уставшие глаза девушки с трудом различали лица окружающих. Их черты расплывались; волосы, зубы, широко раскрытые рты сливались в одно пятно. Выпившие слишком много без чувств валялись на скамьях или прямо на полу, прикрыв лицо руками. Те, кто еще держался на ногах, сгруппировались вокруг грязного плюгавого негодяя из Редрафа, возомнившего себя душой компании. Шахта, где он некогда работал, пришла в запустение и закрылась. И он стал сначала уличным лудильщиком, затем разносчиком мелкого товара и, в конце концов скатившись до самого дна, разучил массу мерзких песенок и развлекал теперь ими собравшуюся в "Ямайке" публику.

Его похабные песенки сопровождались такими взрывами хохота, что, казалось, потолок вот-вот обвалится. Громче всех ржал сам хозяин. В этом безобразном, визгливом смехе было что-то жуткое: не веселье слышалось Мэри, а скорее вопль какого-то терзаемого страшными муками существа. Звуки эти гулким эхом разносились по каменным коридорам, заполняли пустые комнаты наверху.

Разносчик избрал объектом своих издевок несчастного дурачка из Дозмери. Совсем потеряв рассудок от выпитого, тот уже не владел собой и, не в силах подняться, стоял на полу на четвереньках, как животное. Его подняли и водрузили на стол. Разносчик заставлял его повторять слова гнусных куплетов и сопровождать их непристойными жестами, что вызывало дикие взрывы хохота. Поощряемый аплодисментами, идиот приплясывал, взвизгивая от восторга, и ощупывал грязным пальцем родимое пятно.

Мэри не выдержала. Она коснулась рукой плеча дяди; он повернул к ней свое залитое потом, покрывшееся пятнами лицо.

-- Не могу я больше, -- сказала она. -- Занимайтесь своими приятелями сами. Я уйду в свою комнату.

Рукавом рубахи вытерев со лба пот, он тяжело посмотрел на нее. Мэри с удивлением отметила, что он трезв, хотя и пил весь вечер, и хорошо понимает, что делает, верховодя всей этой буйной компанией.

-- Тебе уже неважно? -- спросил он. -- Брезгуешь нами? Ну, вот что я тебе скажу, Мэри. Не такая уж тяжелая работа тебе досталась -- проторчать за стойкой весь вечер. Да ты на коленях должна благодарить меня за это. Они оставили тебя в покое только потому, что ты моя племянница, милочка. Иначе, клянусь Богом, разодрали бы тебя на части.

Тут он громко расхохотался и ущипнул ее за щеку.

-- Ладно, убирайся, -- сказал он, -- все равно уже за полночь, и ты мне больше не понадобится. Закрой сегодня дверь на ключ, Мэри, и опусти штору. Твоя тетя уже час, как забралась в постель и с головой накрылась одеялом.

Это Джосс проговорил, понизив голос, наклонясь к самому ее уху. Потом заломил ее руку за спину с такой силой, что она вскрикнула от боли.

-- Так-то вот! -- прошипел он. -- Это тебе как предупреждение. Держи язык за зубами, и я буду обращаться с тобой, как с овечкой. В "Ямайке" негодже быть любопытной, уж это ты запомнишь у меня накрепко.

Теперь он больше не смеялся, а, нахмурясь, испытующе смотрел на Мэри, словно пытаясь прочесть ее мысли.

-- Беда в том, что ты не такая дураха, как твоя тетушка, -- медленно произнес он. -- У тебя умное личико, в глазах видна смекалка, и ты не из пугливых. Но предупреждаю, Мэри Йеллан, я вышибу из тебя мозги, если вздумаешь дурачить меня. А теперь ступай наверх и сиди там так, чтобы я сегодня больше о тебе не слышал.

Он отвернулся, схватил со стойки стакан и стал медленно протирать его полотенцем. Неприкрытое презрение в глазах девушки, видимо,

взбесило его; хорошее настроение улетучилось, и в припадке раздражения он швырнул стакан, разбив его вдребезги.

-- Разденьте этого сукина сына догола и пусть убирается к дьяволу! - заорал он. -- Может быть, ноябрьский воздух остудит его багровую харю. Осточертели мне его дерьмовые штучки.

Разносчик и его дружки взревели от восторга. Повалив несчастного дурачка на спину, они стали сдирать с него куртку и штаны. А тот, ничего не понимая, беспомощно отбивался, блея, словно барашек.

Мэри выбежала из бара, громко хлопнув дверью. Поднимаясь по шатким ступеням, она заткнула уши, но неистовый хохот и дикое пение продолжали преследовать ее и в коридоре, и в комнате. Подступила дурнота, и, обхватив руками голову, Мэри рухнула на постель.

Со двора доносились вопли, визг, хохот. Луч света от покачивавшегося фонаря падал в окно. Девушка поднялась, чтобы опустить штору, и выглянула во двор. Взгляд ее выхватил из темноты дрожащую обнаженную фигуру. Визжа и прихрамывая, человек большими скачками, как заяц, прыгал по двору, спасаясь от преследователей, устроивших на него охоту, и первым среди них был Джосс Мерлин, который щелкал кнутом над его головой.

Тут Мэри поступила, как ей было велено: поспешно разделась и, забравшись в постель, накрылась одеялом с головой и заткнула уши пальцами. Ей хотелось лишь одного -- избавиться от этого кошмара, не слышать диких криков и воплей. Она зажмурилась и уткнулась лицом в подушку, но перед глазами неотступно стояло багровое, прыщавое лицо несчастного идиота, обращенное к своим мучителям. Потом до нее донесся приглушенный крик: это, споткнувшись, он свалился в канаву.

Мэри пребывала в полубессознательном состоянии, граничащем с забытием. Мысли путались. В голове теснились события минувшего дня, мелькали незнакомые лица. Ей вдруг почудилось, что она бредет по болоту к Килмару, заслоняющему своей громадой соседние холмы. Из окна в комнату проникла узкая полоска лунного света, слышался шелест шторы. Голоса внизу смолкли; где-то вдали по дороге проскакала лошадь, проскрипели колеса, затем все стихло. Она забылась беспокойным сном, но внезапно проснулась от какого-то внутреннего толчка. Рывком приподнявшись, Мэри села на постели. Луна светила прямо в лицо. Она прислушалась -- ни звука, только громко стучало сердце. Однако через мгновение до нее явственно донесся шум снизу, по каменным плитам коридора первого этажа тащили какие-то тяжелые вещи, то и дело задевающие за стены.

Мэри встала, подошла к окну и слегка отодвинула штору. Во двор въезжало пять повозок. Три из них были крытыми, а две открытыми крестьянскими телегами; еще один крытый фургон стоял у самого крыльца. От лошадей валил пар.

Вокруг повозок сгрудились многие из пировавших вечером в баре. Сапожник из Лонстона прямо под окном Мэри разговаривал с перекупщиком лошадей. Протрезвевший моряк из Падстоу поглаживал лошадиную морду. Мучивший несчастного идиота разносчик, забравшись на телегу, стаскивал с нее что-то. Были и незнакомцы, которых Мэри до сих пор не видела. Яркий свет луны хорошо освещал лица, и это их явно тревожило. Один, показав наверх, покачал головой, другой, по всей видимости распорядившийся здесь, махнул рукой, приказывая поторапливаться. Трое сразу же направились к крыльцу и вошли в трактир. Между тем люди продолжали снимать тюки и с шумом волокли их по коридору, явно к той самой комнате с заколоченными досками окнами и закрытой на засов дверью.

Мэри начинала кое-что понимать. На повозках привозили какой-то товар, разгружали и складывали в той комнате. Судя по взмыленным лошадям, возчики прибыли издалека, возможно, с побережья, и как только повозки будут разгружены, они уедут, растворившись в ночи так же быстро и тихо, как появились. Работали споро, не теряя времени. С одной из повозок поклажу в трактир заносить не стали, а переложили на открытую телегу, подъехавшую к колодцу. Тюки различались по размеру: большие, маленькие, некоторые -длинные, завернутые в солому или бумагу. Как только телегу нагрузили, незнакомый Мэри возчик взобрался на нее и уехал.

Оставшиеся повозки быстро разгружали одну за другой. Тюки либо перекладывали на телеги, которые сразу уезжали, либо заносили в дом. Все это совершалось молча. Те самые люди, которые пили и горланили песни в баре, теперь, поглощенные делом, были вполне трезвы и спокойны. Даже лошади, казалось, понимали, что надо вести себя смирно, и стояли, не шевелясь и не издавая ни звука.

На крыльце появились Джосс Мерлин и разносчик. Несмотря на холод, оба стояли без курток, в одних рубахах с закатанными до локтей рукавами.

-- Ну что, все? -- тихо спросил трактирщик.

Возчик последней повозки, утвердительно кивнув, поднял вверх руку. Люди стали забираться на телеги. Те, кто пришел в трактир пешком, сели вместе с остальными, чтобы скорее добраться до дому. Никто не уезжал с

пустыми руками: одни забирали ящики, другие -- свертки. Сапожник из Лонстона не только нагрузил своего пони туго набитыми выюками, но и спрятал что-то под одеждой и выглядел теперь в два раза толще.

И вот крытые повозки и телеги, негромко поскрипывая, одна за другой, словно похоронная процессия, отъехали от "Ямайки". Оказавшись на дороге, одни поворачивали на север, другие на юг. Вскоре все они скрылись из виду, и во дворе остались трое -- неизвестный Мэри человек, разносчик и сам хозяин трактира.

Потом и они вошли в дом; двор опустел. Мэри услышала, как они прошли по коридору к бару, шаги их затихли, хлопнула дверь.

Все замерло, слышалось лишь хриплое сипение часов в холле; внезапно этот звук усилился, и, пробив трижды, часы вновь захрипели, как хрипит больной в предсмертной агонии, давясь и судорожно хватая ртом воздух.

Мэри отошла от окна и села на кровать. От ветра, дувшего в спину, ей стало холодно, и она потянулась за шалью.

Девушка даже не пыталась снова заснуть. Она была слишком возбуждена, нервы напряжены до предела. И хотя ее неприязнь к дяде и страх перед ним несколько не уменьшились, любопытство взяло верх. Она начала понимать, какими делами он занимался. Этой ночью она стала невольным свидетелем перевозки крупной партии контрабанды. Без всякого сомнения, "Ямайка" была идеально расположена для таких целей. И купил ее дядя единственно по этой причине. Все разговоры о желании вернуться в места, где прошло его детство, велись, конечно, только для отвода глаз. Трактир стоял у дороги, проходившей с севера на юг. Ясно, что любому, склонному к тому человеку, нетрудно собрать шайку для перевозки товаров с побережья до реки Теймар, используя трактир в качестве перевалочного пункта и склада товаров.

Чтобы дело процветало, нужны шпионы; для этого здесь и были моряк из Падстоу, сапожник из Лонстона, цыгане, бродяги, гнусный маленький разносчик.

И все же при том, что Джосс Мерлин -- личность не совсем обычная, наделенная огромной энергией и недюжинной силой, наводящей страх на компаньонов, достанет ли ему хитроумия и ловкости, чтобы возглавлять такое дело? Неужели он сам заранее составил план перевозки товара и всю неделю занимался подготовкой сегодняшней операции?

Наверное, так оно и было. Другого ответа Мэри не находила. И хотя ее отвращение к трактирщику усилилось, она вынуждена была признать за ним способность верховодить людьми.

Главарь шайки обязан за всем присматривать, подбирать надежных исполнителей -- пусть с грубыми манерами и дикой внешностью. Иначе не удалось бы так долго обходить закон. Мировой судья, которому наверняка кое-что известно о контрабанде, бесспорно, давно держал под подозрением постоянный двор, если только сам не был участником банды.

Мэри сидела нахмурившись, подперев рукой щеку. Если бы не тетя Пейшнс, она тотчас покинула бы трактир, добралась до ближайшего города и донесла бы на Джосса Мерлина. Он тут же очутился бы в тюрьме, и все остальные негодяи вместе с ним. С беззаконием было бы покончено. Но она не могла не думать о тете Пейшнс, чья собачья преданность мужу крайне осложняла дело и мешала Мэри действовать.

Мэри еще раз пыталась разобраться в том, что она увидела. Трактир "Ямайка" стал гнездом воров и браконьеров, которые во главе с дядей занимались весьма прибыльной контрабандой между морским побережьем и Девонем. Это ясно. Но не крылось ли за этим нечто большее, о чем ей было пока неизвестно? Она вспомнила ужас в глазах тети Пейшнс и слова, тихо произнесенные ею в тот первый день, когда ранние сумерки уже ступили на кухню: "В ``Ямайке" творятся такие дела, о которых я и обмолвиться не смею. Скверные дела -- страшный грех. Себе самой страшно в этом признаться, не то что тебе рассказывать..." Мэри хорошо помнила, как тогда тетя, испуганная и бледная, еле волокла ноги, как старое больное существо, тяжело поднялась по лестнице в свою комнату.

Контрабанда была делом опасным и нечестным, запрещенным законом, но почему она приводила в ужас тетушку Пейшнс? Судить об этом Мэри не могла. Ей нужен был совет, а спросить его было не у кого. Она оказалась в мрачном и злобном окружении, с призрачной надеждой изменить положение к лучшему. Будь Мэри мужчиной, она сошла бы вниз и выложила всю правду в глаза Мерлину и его друзьям. Сразилась бы с ними, а если бы повезло, то пролила бы их кровь. А потом забрала бы тетю, вскочила в седло и -- прочь отсюда, на юг, к родным берегам Хелфорда. Завела бы скромную ферму где-нибудь близ Мовгана или Гвика, а тетушка занималась бы там домашним хозяйством.

Однако что толку в пустых мечтаниях, нужно смотреть правде в глаза и проявить мужество, чтобы найти выход.

Вот она, двадцатитрехлетняя девушка, сидит на кровати в нижней юбке, накинув на плечи платок. И нет у нее никакого оружия, кроме собственного ума, чтобы сразиться с человеком вдвое ее старше и в восемь раз сильнее. Стоило ему узнать, что этой ночью она из окна наблюдала за всем происходящим, он просто-напросто придушил бы ее двумя пальцами,

и дело с концом.

Тут Мэри выругалась, что случилось с ней только однажды, когда в Мэнакане за ней погнался бык. Сейчас она пыталась таким образом подбодрить себя и побороть страх.

"Некого мне бояться -- ни Джосса Мерлина, ни кого-нибудь другого, - сказала она себе. -- Вот возьму и спущусь сейчас вниз, пройду по темному коридору и посмотрю, что они делают в баре. И если он прикончит меня, то уж сама буду виновата".

Она быстро натянула на себя платье, в одних чулках, без обуви, подошла к двери и открыла ее. Постояла мгновение, прислушиваясь: только тихо, медленно, давясь, тикали часы в холле.

Прокравшись по коридору, Мэри подошла к лестнице. Теперь она уже знала, что третья ступенька сверху и самая нижняя скрипят. Бесшумно ступая, одной рукой держась за перила, а другой опираясь о стену, чтобы поменьше давить на ступени, она добралась до пустого холла, где стояли лишь шаткий стул и старые часы. Их хриплое дыхание нарушало тишину; казалось, что живое существо стонет прямо над ее ухом. В холле было темно, как в погребе. Она знала, что там никого нет, но и холл и закрытая дверь пустовавшей гостиной таили в себе опасность.

Воздух был спертый, тяжелый. Босые ноги стыли от холода каменных плит пола. Пока Мэри собиралась с духом, чтобы сделать следующий шаг в холл, из коридора вдруг проник луч света, и она услышала голоса. Очевидно, дверь бара открыли, раздался шум шагов, кто-то вышел и направился в сторону кухни, потом вернулся. Дверь бара, видно, осталась открытой, по-прежнему были слышны приглушенные голоса и виден луч света.

Мэри испытала сильное желание броситься по ступенькам обратно в свою комнату, забраться в постель и поскорей уснуть, ни о чем не думая, но в то же время бес любопытства толкал ее вперед по коридору. Она остановилась в нескольких шагах от бара, прижавшись к стене. Руки ее взмокли, лоб покрылся испариной. Сердце стучало так сильно, что вначале Мэри ничего не слышала.

Через полуоткрытую дверь виднелись полки бара, уставленные бутылками и стаканами, и узкая полоска пола. На нем валялись осколки стекла, а рядом темнело коричневое пятно от эля, пролитого нетвердой рукой. Находившиеся в баре сидели, должно быть, на скамьях у дальней стены -- Мэри их не видела. Они молчали, а затем вдруг раздался незнакомый ей голос, высокий и дрожащий.

-- Нет и еще раз нет, -- услышала она. -- Говорю в последний раз, я в

этом не участвую. Выхожу из игры и -- конец нашему договору. Это убийство, мистер Мерлин, по-другому не назовешь, обычное убийство.

Незнакомец говорил тонким, дребезжащим голосом, словно был сильно взволнован. Кто-то, скорее всего сам трактирщик, тихо ответил ему, но Мэри слов не расслышала, их заглушило гоготанье разносчика; она узнала его манеру, грубую и оскорбительную. Он, видно, намекал на что-то, известное всем им, потому что незнакомец, защищаясь, снова быстро заговорил.

-- Повешение? -- произнес он. -- Я рисковал быть повешенным прежде, но за свою голову не боюсь. Нет, я о совести своей думаю и о Всемогущем. Я готов с кем угодно сразиться в честном бою и понести наказание, если придется, но когда дело доходит до убийства невинных людей -- женщин и детей, -- это прямая дорога в ад, Джосс Мерлин, и ты знаешь это не хуже меня.

Мэри услышала, как кто-то резко отодвинул стул и вскочил на ноги. Тут же кто-то грохнул кулаком по столу и выругался.

Джосс в первый раз повысил голос.

-- Не торопись, приятель, -- сказал он, -- не торопись. Ты в этом деле по самые уши, и к черту твою совесть! Повторяю, отступать теперь некуда, слишком поздно, поздно для тебя и для всех нас. Я с самого начала сомневался в тебе. Эдакий чистюля-джентльмен, манжеттики боится замарать. И, клянусь Богом, я был прав. Гарри, запри-ка ту дверь на засов.

Среди начавшейся возни раздался крик, кто-то рухнул на пол, одновременно опрокинулся стол, хлопнула дверь, ведущая во двор. Разносчик снова разразился омерзительным, похабным смехом и принялся насвистывать один из своих мотивчиков.

-- Не пощекотать ли нам его, как Сэма-дурачка? -- спросил он, оборвав свист. -- Без шикарной одежды не многого он будет стоить. А мне бы очень подошли его часы с цепочкой. У бедняков вроде меня нет денег на часы. Пощекочи его своим кнутом, Джосс, и посмотрим, какого цвета у него шкура.

-- Заткнись, Гарри, и делай, что тебе велено, -- отвечал трактирщик. - Встань у дверей и пырни его ножом, если он попытается удрать. А теперь послушайте-ка, мистер юрист-секретарь из Труро, или как там вас? Сегодня вы одурачили самого себя, но сделать дурака из меня у вас не получится. Вам хотелось бы убратся отсюда, сесть на лошадь и ускакать в Бодмин? А к девяти утра вы бы пригнали в "Ямайку" всех мировых судей и полк солдат в придачу. Ведь вы это задумали?

Мэри услышала, как тяжело дышит узник. Видно, во время драки ему

изрядно досталось: отвечал он сдавленным, прерывающимся голосом, словно страдая от боли.

-- Делайте свое черное дело, если решили, -- пробормотал он. -- Не мне останавливать вас. Даю слово, что не донесу, но и с вами не останусь, слышите вы?!

Последовало молчание, затем Джосс Мерлин заговорил снова.

-- Берегись, приятель, -- произнес он тихо. -- Однажды кое-кто тут тоже разглагольствовал и через пять минут уже болтался на веревке, его ноги лишь на полдюйма не доставали до пола. Я спросил, нравится ли ему висеть так низко от земли, но он не ответил. Язык вывалился у него из рта, он прокусил его насквозь. Наверно, минут через семь он сдох.

Мэри так и стояла за дверью в коридоре. Лоб и затылок покрылись потом, руки и ноги налились свинцом, она с ужасом почувствовала, что вот-вот потеряет сознание.

В голове была лишь одна мысль -- добраться обратно до холла и укрыться в спасительной тени часов. Что бы там ни было, ее не должны найти здесь лежащей без чувств. Медленно, на ощупь она начала двигаться вдоль стены, подальше от света. У нее подгибались колени, подступала тошнота, кружилась голова.

Голос дяди доносился издалека, как будто он говорил, прикрыв рот руками.

-- Оставь меня с ним, Гарри, -- приказал он, -- сегодня тебе больше нечего делать в "Ямайке". Возьми его коня и убирайся -- отпустишь его на другой стороне от Кэмелфорда. А тут я сам управлюсь.

Каким-то чудом Мэри добралась до холла. Плохо соображая, что делает, она повернула ручку двери в гостиную и, едва переступив порог, без сил опустилась на пол и положила голову на колени.

На минуту-другую она, должно быть, потеряла сознание: мушки перед глазами слились в одно огромное пятно, и она погрузилась во мрак. Но неловкая поза, в которой она застыла, помогла ей быстро прийти в себя. Опершись на локоть, Мэри села и стала ловить звуки, доносившиеся со двора. Она услышала цоканье копыт и голос разносчика Гарри, бранившего лошадь, которая не желала стоять смирно. По-видимому, он все-таки вскочил в седло и пришпорил коня; раздался и вскоре затих дробный стук копыт. Теперь дядя остался в баре наедине со своей жертвой. Мэри принялась соображать, сумеет ли она найти дорогу к ближайшему жилью в Дозмери и позвать на помощь. До первого пастушьего домика мили две или три через болото. Туда-то и убежал несчастный идиот. А может быть, он и сейчас все еще валяется в канаве, воя и корчась.

Она ничего не знала об обитателях этого домика. Вполне возможно, они связаны с шайкой дяди Джосса, и тогда она прямехонько попадет в западню. Тетя Пейшнс спит наверху, да и какая от нее помощь; она может лишь помешать делу. Положение, похоже, безнадежное. У незнакомца -- неважно, кто он -- нет никакой надежды на спасение, разве что пойти на согласие с Джоссом Мерлином. Чтобы взять верх над дядей -- теперь, когда они остались один на один, требовалась немалая изворотливость, ибо трактирщик обладал огромной физической силой.

Отчаяние охватило Мэри. Если бы найти какое-нибудь ружье или нож, ей, возможно, удалось бы ранить или хотя бы обезоружить дядю и дать шанс несчастному выбраться из бара. О том, что рискует сама, Мэри не думала. Все равно, так или иначе, ее обнаружат. И что толку сидеть, съезжившись в пустой гостиной. Обморок был сущим пустяком, и сейчас она уже презирала себя за слабость.

Поднявшись с пола, Мэри взялась за ручку двери и тихонько приоткрыла ее. В холле стояла полная тишина, только тикали часы. Света в дальнем конце коридора не было, дверь в бар, должно быть, закрыли. Возможно, именно в эту минуту незнакомец боролся за свою жизнь; придавленный к полу, он изо всех сил пытался вырваться из лапщ Джосса Мерлина. Однако из бара не доносилось ни звука. Что бы там ни творилось, все делалось безмолвно. Мэри уже собралась выйти в холл и прокрасться мимо лестницы в дальний конец коридора, как вдруг наверху довольно явственно скрипнула половица. Девушка остановилась и прислушалась: полнейшая тишина и опять скрип; над ее головой кто-то осторожно ходил. Тетя Пейшнс спала в другом крыле, разносчик Гарри ускакал на лошади минут десять назад. Дядя, она знала, оставался в баре с незнакомцем. Никто не поднимался по лестнице с тех пор, как она спустилась. Вот опять скрипнула половица, тихие шаги послышались снова. В пустой комнате на втором этаже кто-то был.

У Мэри вновь отчаянно заколотилось сердце и перехватило дыхание. Человек прятался наверху несколько часов. Каким-то образом проникнув в дом еще в начале вечера, затаившись, он слышал, как она отправилась спать. Если бы он поднялся позже, она услышала бы его шаги на лестнице. Скорей всего, как и она, он наблюдал из окна за прибытием повозок и видел, как маленький придурок с криками мчался по дороге к Дозмери. Всего лишь тонкая перегородка разделяла их, и он слышал каждое ее движение, как она повалилась на постель, а позже оделась и открыла дверь.

Стало быть, он не хотел быть обнаруженным, иначе вышел бы в коридор вслед за ней. Будь он одним из посетителей бара, он наверняка

заговорил бы с ней и поинтересовался, что она тут делает. Кто же впустил его? Когда он проник в комнату? Значит, он прятался там, чтобы его не увидели контрабандисты. Значит, он не один из них, а дядин враг.

Шаги прекратились, и, хотя Мэри прислушивалась, затаив дыхание, больше не раздалось ни звука. Но она твердо знала, что не ошиблась. Кто-то, может быть союзник, прятался в комнате для гостей рядом с ее спальней и мог помочь ей спасти незнакомца в баре.

Мэри уже поставила ногу на нижнюю ступеньку лестницы, когда полоска света вдруг снова возникла в дальнем конце коридора и она услышала, как дверь бара отворилась. Дядя вышел в холл. Девушка поняла, что не успеет подняться по лестнице до того, как он повернет за угол. Поэтому она быстро вернулась в гостиную и притаилась там, придерживая дверь рукой. В темноте холла он не должен заметить, что дверь не заперта на задвижку.

Дрожа от волнения и страха, Мэри услышала, как трактирщик прошел через холл, поднялся по лестнице и остановился у двери комнаты для гостей. Чуть-чуть подождя, словно прислушиваясь, он дважды еле слышно постучал в дверь. Снова скрипнула половица, кто-то прошел по комнате наверху и открыл дверь. Сердце Мэри вновь упало, ее снова охватило отчаяние. Это был не дядин враг. Вероятно, Джосс Мерлин сам впустил его рано вечером, когда она и тетюшка Пейшнс готовили бар для приема гостей. И все это время он ожидал, пока все разойдутся. Это был кто-то из близких друзей хозяина, не желавший впутываться в его дела и быть узнанным даже женой трактирщика.

Дядя именно поэтому и отослал разносчика. Он не хотел, чтобы тот видел его друга. Мэри благодарила Бога, что не поднялась наверх и не постучалась в ту дверь.

А вдруг они зайдут в ее комнату, чтобы посмотреть, спит ли она? Мэри с ужасом представила, что произойдет, если ее отсутствие обнаружат. Она взглянула на окно в гостиной -- оно было закрыто и зарешечено, путь к бегству отрезан.

Вот они спустились по лестнице, на мгновение остановились за дверью гостиной. Мэри с испугом подумала, что они собираются войти. Мужчины находились так близко, что сквозь щель в двери можно было коснуться плеча дяди. Он тихо заговорил, и его шепот прозвучал прямо у нее над ухом.

-- Это уж как вы скажете. Тут уж вам решать, не мне. Либо я сам это сделаю, либо мы вместе. Слово за вами.

Стоя за дверью, Мэри не могла ни видеть, ни слышать нового

компаньона дяди.

Не задерживаясь возле гостиной, они повернули назад, в холл, и дальним коридором прошли в бар. Дверь за ними закрылась, и шум шагов смолк.

Первым ее порывом было открыть дверь на улицу и броситься бегом по дороге подальше от них. Однако, поразмыслив, она поняла, что ничего из этого не выйдет. Ведь вдоль дороги могли быть расставлены люди Джосса, тот же разносчик и другие -- на случай каких-либо неожиданностей.

Наверное, этот неизвестный, весь вечер прятавшийся в комнате наверху, все-таки не слышал, как Мэри выходила из спальни, иначе он уже сообщил бы об этом дяде, и они начали искать ее, если только сейчас у них не было дела поважней. Главной их заботой был тот человек в баре, а ею они могли заняться позже.

Минут десять она стояла, прислушиваясь, но все было спокойно. Лишь часы в холле продолжали, похрипывая, неспешно отсчитывать время, как символ вечности и равнодушия к мирским делам.

Вдруг ей почудился крик, и тут же все смолкло. Что это? Уж не плод ли ее разыгравшегося воображения, взбудораженного событиями этой кошмарной ночи?

Мэри поспешно вышла в холл, а затем в темный коридор. В баре тоже не было света. Видно, погасили свечи. Что же они сидят там в темноте? Ей представилась отвратительная шайка молчащих злодеев, объединенных какой-то неведомой ей целью. Гробовая тишина погруженной во мрак комнаты наводила еще больший ужас.

Она решила тихонько приблизиться к бару и послушать под дверью. Ни шепота, ни вдоха. Тяжелый винный дух, стойко державшийся в коридоре весь вечер, исчез; через замочную скважину сильно сквозило. Повинуясь внезапному порыву, Мэри отодвинула щеколду, открыла дверь и вошла.

Внутри не оказалось ни души. Дверь во двор была распахнута, и свежий ноябрьский воздух наполнил бар. Вот откуда этот сквозняк в коридоре... Скамьи были пусты, стол, опрокинутый во время схватки незнакомца с Джоссом и разносчиком, так и лежал на полу. Одна ножка его была сломана. Хозяин и его гости исчезли, должно быть, свернули за угол и напрямиком направились к болоту. Она услышала, если бы они пересекли дорогу. Лицо обдало прохладным, свежим воздухом, и теперь, когда дядя и двое незнакомцев покинули бар, он вновь показался ей безликим, безобидным. Страх Мэри больше не испытывала.

Бледный свет луны проник через окно, высветив на полу посередине бара круг, в котором Мэри вдруг заметила тень, похожую на палец. Взглянув вверх, она увидела свисавшую с крюка на потолочной перекладине веревку. Конец ее и отбрасывал тень на светлый круг, а ветер, дувший в бар через открытую дверь, раскачивал веревку взад и вперед.

5

Шли дни, и Мэри решила, что сдаваться нельзя: надо как-то приспособиться к жизни в "Ямайке" и выждать. Бросить тетю зимой она, конечно, не могла, но с приходом весны, быть может, удастся ее уговорить, и они уедут прочь от этих болот, вернуться в мирную хелфордскую долину.

Во всяком случае, девушка возлагала на это надежды, а пока решила как можно лучше использовать предстоящие безрадостные полгода: перехитрить дядю и вывести его вместе с сообщниками на чистую воду. Мэри была готова закрыть глаза на контрабанду, хотя это было откровенным мошенничеством и возмущало ее. Но судя по всему, Джосс Мерлин с сообщниками занимался не только контрабандой. Эти негодяи, которые никого и ничего не боялись, не останавливались и перед убийством. События той субботней ночи не шли у нее из головы; веревка, свисавшая с потолка в баре, открыла ей глаза. Мэри не сомневалась, что незнакомец был убит Джоссом и его сообщником, а тело похоронено где-то на болотах.

Доказательств, однако, у нее не было никаких. Наутро эта история показалась Мэри плодом разыгравшегося воображения. Обнаружив в ту ночь под потолком веревку, она тотчас же поднялась к себе -- дверь в баре была открыта, а значит, дядя мог в любой момент вернуться. Вконец измученная, она, видимо, сразу же забылась глубоким сном, а когда проснулась, солнце было уже высоко. Снизу из холла доносилось шарканье ног тети Пейшнс.

От вчерашнего в баре не осталось и следа, все было подметено и прибрано, столы и скамьи расставлены по местам, битое стекло выброшено. Вербки на перекладине не было.

Трактирщик с утра возился на конюшне и в коровнике, занимаясь тем, что надлежало делать скотнику, которого он не держал. В полдень он появился на кухне и принялся расспрашивать Мэри о том, как они держали скот на хелфордской ферме и как лечить заболевшего теленка. О событиях прошлой ночи он и словом не обмолвился. Явно пребывая в хорошем расположении духа, он, против обыкновения, ни разу не выругал жену, которая, как всегда, вилась вокруг него, ловя его взгляд, словно собачонка, желающая угодить хозяину. Джосс Мерлин держался, как нормальный

трезвый человек. Не верилось, что всего несколько часов назад он убил сообщника, возможно не своими руками, и вина лежит на таинственном компаньоне. Однако Мэри собственными глазами видела, как он гонял по двору Сэма-дурачка, и слышала вопли голого придурка, когда трактирщик Стегал его кнутом. Она видела, как хозяин верховодил гнусной компанией в баре, и слышала его угрозы неизвестному, отказавшемуся подчиниться воле Джосса. А теперь он сидел перед ней, набив рот горячим тушеным мясом, и покачивал головой, огорченный болезнью теленка.

Мэри отвечала на вопросы односложно и тихо прихлебывала чай, наблюдая исподтишка за дядей, переводя взгляд с тарелки с горой мяса на длинные пальцы, в которых сочетались зловещая сила и ловкость.

Минуло две недели, но сборищ, подобных субботнему, больше не было. Видимо, трактирщик и его сообщники, провернув выгодное дело, на время поутихли. Во всяком случае, Мэри больше не слышала шума повозок по ночам. Хотя спала она теперь довольно крепко, звук колес наверняка разбудил бы ее.

Дядя не возражал и против ее прогулок по пустоши, и постепенно Мэри все лучше узнавала окрестные места. Она научилась обходить пушистые кустики травы, на которые так и тянуло ступить. С виду безобидная, эта болотная трава росла по самому краю коварной и губительной топи. Бродя в одиночестве, девушка не чувствовала себя несчастной. Прогулки в эти сумеречные зимние дни поддерживали в ней бодрость и помогали коротать длинные темные вечера в "Ямайке", не предаваясь унынию и тоске. Тетя Пейшнс подолгу сидела в кухне, положив руки на колени и уставившись на огонь, а Джосс Мерлин запирался в баре или, взяв лошадь, уезжал неведомо куда.

Дни в "Ямайке" текли уныло; кучер тогда говорил правду: никто не заходил в трактир отдохнуть или поесть. Два раза в неделю мимо проезжала почтовая карета, и Мэри выходила во двор, провожая ее взглядом. Ни разу карета не остановилась у "Ямайки", а неслась дальше на полной скорости и, с грохотом скатившись с холма, на котором стоял трактир, спешила подняться на следующий у развилки Пяти Дорог. Однажды Мэри, узнав того самого кучера, помахала ему рукой, но он не обратил на нее внимания и лишь сильнее стеганул лошадей. И тут с чувством полной обреченности девушка поняла, что люди смотрят на нее как на родню Джосса Мерлина. Никто в Бодмине или Лонстоне не пожелает ее принять, все двери захлопнутся перед ней. Порой будущее представлялось Мэри совершенно беспросветным, да и тетя Пейшнс все больше молчала, замкнувшись в себе. Случалось, правда, она брала Мэри

за руку и долго гладила ее, приговаривая, как она рада, что племянница живет у них в доме. Вообще же бедная женщина жила в мире грез, лишь механически исполняя домашние обязанности. Когда же она вдруг заговаривала с Мэри, то несла всякую чепуху о том, каким большим человеком мог бы стать ее муж, если бы не постоянно преследовавшие его неудачи. Стараясь утешить тетушку, Мэри приучила себя разговаривать с ней ласково, как с малым ребенком. Однако это было тяжким испытанием для ее терпения и душевного равновесия.

Как-то утром, пребывая в состоянии крайнего раздражения, оттого что накануне ей пришлось из-за дождя и ветра просидеть весь день в четырех стенах, Мэри принялась мыть длинный коридор в дальнем крыле дома. Работа была нелегкой, пусть полезной для тела, но никак не для духа. Покончив с коридором, она почувствовала такое отвращение к "Ямайке" и ее обитателям, что на мгновение ее охватило острое желание выйти в огород, где, не обращая внимания на дождь, работал дядя, и выплеснуть ведро с грязной мыльной водой прямо ему в лицо. Но при виде тети, которая, согнувшись, ворочала кочергой еле тлевший в печи торф, гнев ее угас. Она вновь взялась за тряпку, собираясь вымыть пол в холле, но услышала стук копыт во дворе. Через минуту кто-то принялся колотить в дверь бара. До сих пор никто даже близко не подходил к "Ямайке". Немало удивившись, Мэри пошла на кухню предупредить тетю, но ее там не оказалось. Выглянув в окно, девушка увидела, как тетя Пейшнс идет через огород к мужу, нагружавшему тачку торфом. Оба были далеко и не слышали шума. Мэри вытерла руки о передник и пошла в бар. Должно быть, дверь все-таки не была заперта, потому что в баре верхом на стуле сидел мужчина и держал в руке полную кружку эля, который, видимо, преспокойно налил себе сам, отвернув кран бочонка. Несколько мгновений они молча разглядывали друг друга. Что-то в нем показалось Мэри знакомым, и она принялась гадать, где могла видеть эти тяжеловатые веки, изгиб губ, рисунок подбородка. Даже дерзкий, вызывающий взгляд, которым он смерил ее, был ей до странности знаком и явно неприятен.

Незнакомец не спеша, по-хозяйски потягивал пиво, и это крайне раздосадовало Мэри.

-- Что вы тут делаете? -- резко спросила она. -- Вы не имеете права запросто заходить сюда и угощаться. К тому же хозяин не очень-то любит чужаков.

В другой раз она посмеялась бы над собой, оттого что так рьяно защищает интересы дяди. Но, поскоблив с утра каменные плиты в коридоре, она несколько утратила чувство юмора, и ей не терпелось излить

свое раздражение на первого попавшегося под руку.

Незнакомец невозмутимо допил свой стакан и протянул ей с молчаливым требованием наполнить его вновь.

-- С каких это пор в "Ямайке" держат прислугу? -- спросил он и, пошарив в кармане, извлек оттуда трубку, разжег ее и пыхнул дымом в лицо девушке.

Вконец разъяренная, Мэри выхватила трубку из его руки и швырнула об пол, разбив вдребезги. Он пожал плечами и принялся тихо насвистывать, чем еще больше возмутил ее.

-- Значит, так они учат тебя обслуживать посетителей? -- спросил он, прервав свист. -- Не очень-то я одобряю их выбор. Я только вчера из Лонстона и видел там девушек с лучшими манерами и хорошеньких, как с картинки. А ты почему за собой не следишь? Волосы сзади висят, как пакля, да и лицо плохо вымыто.

Мэри повернулась и пошла к двери, но он остановил ее.

-- Налей-ка мне еще стаканчик, ведь ты для этого здесь приставлена, - потребовал он. -- После завтрака я проскакал двенадцать миль, и мне здорово хочется пить.

-- По мне, могли бы проскакать хоть все пятьдесят, -- отпарировала Мэри. -- Раз вам тут все знакомо, можете сами налить, а я скажу мистеру Мерлину, что вы в баре, и пусть он обслуживает вас сам, ежели пожелает.

-- Да не беспокой Джосса, в такой час он похож на медведя, у которого болит голова, -- прозвучало в ответ. -- Кроме того, он вообще вряд ли хочет меня видеть. А что с его женой? Выгнал он ее, что ли, и взял тебя? Это несправедливо по отношению к бедной женщине. Во всяком случае, ты с ним десять лет, как она, ни за что не проживешь.

-- Если хотите видеть миссис Мерлин, то она на огороде. Выйдите в эту дверь, поверните налево, там увидите курятник и огород. Пять минут назад они оба были там. Через коридор не ходите, я его только что вымыла и не намерена мыть снова.

-- О, не беспокойся, у меня полно времени, -- ответил он, продолжая откровенно рассматривать девушку, словно пытаясь понять, кто она и откуда здесь взялась. Его нагловато-ленивый, до странности знакомый взгляд бесил Мэри.

-- Так хотите вы поговорить с хозяином или нет? -- спросила она наконец. -- Потому что я не собираюсь торчать здесь целый день ради вашего удовольствия. Если не желаете его видеть и закончили пить, положите деньги на прилавок и ступайте себе с Богом.

Посетитель рассмеялся, обнажив белоснежные зубы, вновь напомнив

ей кого-то, но она не могла сообразить кого.

-- Ты что, и Джоссом так командуешь? -- спросил незнакомец. -- Если так, то он, должно быть, сильно изменился. Как все-таки непредсказуем человек. Кто бы мог подумать, что у него найдется время еще и на ухаживания? А куда же вы деваете бедняжку Пейшнс по вечерам? Вы что, кладете ее спать на полу или ложитесь втроем?

Мэри густо покраснела.

-- Джосс Мерлин -- муж моей тетушки Пейшнс, единственной сестры моей матери. Зовут меня Мэри Йеллан, если это вам о чем-нибудь говорит. Прощайте. Дверь прямо за вами.

Она вышла из бара и, стремительно войдя на кухню, столкнулась нос к носу с самим хозяином.

-- С кем это ты, черт побери, разговаривала в баре? -- загремел он. -- Помоему, я тебя предупреждал, чтобы помалкивала.

Его оглушительный голос разнесся по коридору.

-- Ладно уж, не трогай ее! -- откликнулся человек в баре. -- Она разбила мою трубку и отказалась меня обслужить. Это очень напоминает твои манеры. Заходи-ка сюда и дай на тебя взглянуть. Надеюсь, эта девица благотворно на тебя влияет.

Джосс Мерлин нахмурился и, оттолкнув Мэри, пошел в бар.

-- А, так это ты, Джем, -- произнес он. -- Что тебе опять понадобилось в "Ямайке"? Купить у тебя лошадь я не могу, если ты за этим явился. Дела идут скверно, и у меня пусто, как у полевой мыши после дождливого лета.

Он закрыл за собой дверь, оставив Мэри в коридоре.

Она вернулась в холл, где оставила ведро, и вытерла лицо передником. Так, значит, это был Джем Мерлин, младший брат дяди. Ну конечно, она же сразу уловила сходство: у него были глаза Джосса, но без кровавых прожилок и мешков, и рот такой же, но твердый, а не слабый и бесформенный, как у трактирщика. Джем был таким, каким Джосс Мерлин мог быть восемнадцать-двадцать лет назад. Он отличался, однако, более тонкой костью и складной фигурой и ростом был пониже. Мэри плеснула воды на каменные плиты и принялась с еще большей яростью скрести их.

Что за отвратительное племя эти Мерлины с их подчеркнутым высокомерием, грубостью и скверными манерами! Этот Джем так же жесток, как и брат. Это и по форме его рта видно. Тетя Пейшнс говорила, что из всей семьи он самый худший.

Джем был на голову ниже Джосса и вполтину тоньше, но в нем чувствовался характер. Взгляд был твердый и не лишенный смекалки. У трактирщика щеки обвисли, плечи опустились, словно от тяжелой ноши;

казалось, силы его ушли, а виной всему пьянство, уж Мэри хорошо это знала. Увидев Джема, она поняла, какой развалиной стал Джосс и каким он был, пока не загубил себя. Если у младшего брата есть хоть капля здравого смысла, он должен крепко держать себя в руках, чтобы не пойти по тому же пути. Впрочем, ему на это, возможно, наплевать. Над семейством Мерлинов довлел какой-то рок, мешавший побороть низменные инстинкты и парализовавший волю. Слишком много грехов тянулось за ними. Если в ком течет дурная кровь, тут уж ничего не поделаешь, она обязательно скажется, -- говаривала, бывало, ее мать. Борись с ней, не борись, она все одно одолеет. Ежели два поколения проживут честную жизнь, то кровь, может, и очистится, но, скорее всего, в третьем поколении она проявится вновь.

Все напрасно, а жаль... И вот бедная тетя Пейшнс оказалась втянутой в этот водоворот, и пропала ее чистосердечная простота и ушла радость. Если взглянуть правде в глаза, она теперь не намного лучше того убогого из Дозмери. А ведь могла бы стать женой фермера из Гвика, родить сыновей, иметь свой дом и кусок земли, нехитрые радости простой и счастливой жизни -посудачить с соседями, сходить в церковь в воскресенье, съездить на базар, и еще сад, огород, уборка урожая -- словом, все, что ценно для человека и составляет основу его жизни. Она жила бы спокойно и безмятежно, и седина коснулась бы ее волос лишь после долгих лет здорового труда и тихих радостей. И от всего она отказалась ради этого животного и пьяницы, который вынудил ее так опуститься. Почему женщины так глупы, слепы и неблагоразумны?! Так думала Мэри, заканчивая скрести последнюю каменную плиту с такой силой и упорством, как будто могла очистить вместе с ней весь мир, а заодно и покончить с женской глупостью.

Она вложила в уборку всю силу накопившегося в ней гнева и отчаяния. Покончив с холлом, перешла в мрачную гостиную, в которой годами не убирались. Пыль поднялась столбом, когда она начала выбивать потертый половик. Поглощенная этим малоприятным занятием, девушка не услышала стука камня, брошенного в окно гостиной, и, только когда град мелких камешков полетел в стекло и оно дало трещину, Мэри выглянула в окно и увидела Джема Мерлина. Он стоял во дворе рядом со своей лошадью.

Мэри нахмурилась и отвернулась. Но в окно опять посыпался град камешков. На сей раз стекло треснуло основательно, и маленький осколок упал на пол вместе с камнем. Девушка отодвинула засов тяжелой парадной двери и вышла на крыльцо.

-- Что вам еще надо? -- спросила она, смутившись от того, что волосы ее растрепались, а передник испачкан и смят.

Джем рассматривал ее с прежним любопытством, но уже без дерзости, и даже выглядел чуточку пристыженным.

-- Прости, если был давеча груб с тобой, -- произнес он. -- Я как-то не ожидал увидеть в "Ямайке" женщину, во всяком случае, не такую молодую девушку, и подумал, что Джосс подобрал тебя в каком-нибудь городе и привез сюда для своей услады.

Мэри снова покраснела и прикусила губу от досады.

-- Не очень-то я гожусь для такой роли, -- сказала она. -- Хорошо бы я выглядела в городе в своем старом переднике и грубых деревенских башмаках, верно? Думаю, с первого взгляда видно, что я выросла на ферме.

-- Ну, не знаю, -- бросил он небрежно. -- Надень на тебя красивое платье и туфельки на высоком каблуке да воткни в волосы гребень, и, смею заверить, сойдешь за леди даже в таком изысканном месте, как Эксетер.

-- Полагаю, должна чувствовать себя польщенной, -- ответила Мэри насмешливо. -- Благодарю вас, но предпочитаю ходить в старой одежде и выглядеть такой, какая есть.

-- Конечно, могла бы выглядеть еще страшней, если бы постаралась, -- согласился он.

Девушка почувствовала, что Джем смеется, и повернулась, чтобы вернуться в дом.

-- Постой, не уходи, -- сказал он. -- Понимаю, что заслуживаю хмурых взглядов. Но знай ты моего братца, как я, простила бы меня за оплошность. Очень уж странно увидеть здесь молодую девушку -- прислугу в "Ямайку" никогда бы не наняли. А зачем ты вообще приехала сюда?

Стоя под навесом, скрывавшим в тени ее лицо, Мэри изучающе разглядывала Джема. Теперь он не куражился, и сходство с Джоссом исчезло. Ей вдруг очень захотелось, чтобы он не был Мерлином.

-- Я приехала к тете Пейшнс, -- объяснила она. -- Моя мама умерла несколько недель назад. Других родственников у меня нет. Скажу вам одно, мистер Мерлин: я рада, что моя матушка не видит свою сестру.

-- Да уж, верно, жизнь с Джоссом -- не сахар, -- согласился Джем. -- У него дьявольский характер, и пьет он, как лошадь. Сколько его помню, всегда был таким. Он здорово меня колотил, когда я был маленьким, да и сейчас не прочь, если бы посмел. И зачем Пейшнс вышла за него?

-- Наверно, из-за ясных глаз, -- сказала Мэри презрительно. -- Тетя Пейшнс всегда считалась у нас в Хелфорде вроде мотылька. Она отвергла предложение одного достойного фермера и уехала в город. Там они

повстречались с вашим братом. Что ни говори, это был самый неудачный день в ее жизни.

-- Значит, ты невысокого мнения о хозяине? -- спросил Джем насмешливо.

-- Невысокого, -- ответила она. -- Он грубиян, деспот и много чего еще. Он превратил тетушку из веселой, цветущей женщины в несчастную загнанную клячу, и я никогда этого ему не прощу.

Джем засвистел и похлопал лошадь по спине.

-- Мы, Мерлины, никогда не щадили своих женщин, -- сказал он. -- Помню, отец избивал мать до полусмерти. Однако она его не бросила и была верна ему до конца. Когда его повесили в Эксетере, она три месяца ни с кем не разговаривала, от потрясения и горя поседела. Бабушки своей я не помню, но, как рассказывают, когда солдаты пришли забирать деда, она бок о бок с ним отбивалась от них и даже одному до кости прокусила руку. За что она любила деда, не могу сказать; после ареста он даже не поинтересовался ее судьбой и оставил свои сбережения другой женщине, что жила на противоположном берегу Теймара.

Мэри молчала. Равнодушный голос Джема ужасал ее. В его тоне не было ни стыда, ни сожаления, и она подумала, что он, как и остальные члены семейства, от рождения лишен всякого сострадания.

-- Сколько времени ты собираешься пробыть в "Ямайке"? -- отрывисто спросил он. -- Что делать здесь такой девушке, как ты? Для тебя тут неподходящая компания.

-- Ничего не поделаешь, -- ответила Мэри. -- Я не уеду, пока не смогу взять тетю с собой. Ни за что не оставлю ее одну после всего, что увидела.

Джем нагнулся, чтобы очистить грязь с подковы лошади.

-- Что же ты узнала за столь короткое время? -- удивился он. -- Место, кажется, довольно благополучное.

Провести Мэри, однако, было нелегко. Она догадалась, что дядя подбил брата на разговор, надеясь таким образом выудить что-то полезное для себя. Но Мэри была не настолько глупа и, пожав плечами, пропустила вопрос мимо ушей.

-- Как-то субботним вечером я помогала дяде в баре, -- сказала она, -- и у меня сложилось не очень-то высокое мнение о тех, с кем он водится.

-- Еще бы! -- откликнулся Джем. -- Парней, что приходят в "Ямайку", никто не обучал хорошим манерам. Слишком долго сидели они по тюрьмам. Интересно, что они подумали о тебе? Небось то же, что и я, и теперь славят тебя по всей округе. А в следующий раз Джосс решит сыграть на тебя в кости, и, коль проиграет, ты и оглянуться не успеешь, как

какой-нибудь чумазый браконьер с той стороны Ист-Тора посадит тебя на лошадь позади себя и увезет.

-- Ну уж это вряд ли. Чтоб я села на лошадь позади кого-то! Меня сначала надо привести в бессознательное состояние.

-- В сознательном или бессознательном состоянии женщина -- им это все равно, -- заметил Джем. -- Браконьеры из Бодминской пустоши не очень-то чувствуют разницу. -- Тут он рассмеялся и опять стал похож на брата.

-- А чем вы зарабатываете на жизнь? -- полюбопытствовала Мэри. Она отметила про себя, что говорит он более грамотно, чем брат.

-- Я конокрад, -- подчеркнуто любезно ответил он, -- но на этом много не заработаешь. У меня в кармане всегда пусто. А тебе здесь лучше бы ездить на лошади. У меня как раз есть небольшая лошадка, которая тебе отлично подойдет. Она сейчас в Треворте. Может быть, поедешь со мной взглянуть на нее?

-- А вы не боитесь, что вас поймают? -- поинтересовалась Мэри.

-- Ну, кражу лошади довольно трудно доказать, -- сообщил он. -- Предположим, лошадь убежала из загона и хозяин ищет ее. Но ты ведь сама видела: на этих пустошах полно диких лошадей и всякого скота. Не так-то легко хозяину отыскать среди других свою лошадь. Скажем, у нее длинная грива, одна нога белого цвета, а на ухе -- затейливое клеймо. Такую лошадь найти легко, верно? И вот хозяин едет на лонстонскую ярмарку и высматривает свою лошадку, да не находит. Заметь при этом, что его лошадь купит какой-нибудь барышник и перепродаст подальше от этих мест. А все дело в том, что ее грива теперь подрезана, все четыре ноги одного цвета, а вместо клейма -- надрез на ухе. Владелец даже и не глянет на нее. Все довольно просто, не так ли?

-- До того просто, что не пойму, почему вы не прикатили в "Ямайку" в собственной карете с лакеем в напудренном парике на запятках? -- съязвила Мэри.

-- Да... но ведь вот какое дело, -- ответил он, покачивая головой. -- Я не в ладах с цифрами. Ты просто не согласишься, как быстро деньги уходят у меня из рук. Представь, на прошлой неделе у меня было десять фунтов, а сегодня всего один шиллинг в кармане. Потому-то я и хочу, чтобы ты купила у меня лошадку.

Мэри невольно рассмеялась. Он так откровенно признавался в своем мошенничестве, что сердиться на него было просто невозможно.

-- Я не могу потратить мои скромные сбережения на лошадь, -- проговорила она. -- Откладываю деньги на старость. А если когда-нибудь

выберусь из "Ямайки", у меня каждый пенс будет на счету.

Джем Мерлин огорченно посмотрел на девушку. И вдруг, поддавшись внезапному порыву, шагнул к ней, бросив осторожный взгляд в сторону дома.

-- Послушай-ка, -- сказал он, -- я теперь говорю совершенно серьезно: забудь всю ту чушь, что я молол. "Ямайка" -- не место для девушки, да и вообще для женщины, если на то пошло. Мы с братом друзьями никогда не были. Я могу говорить о нем все, что думаю. Нам с ним не по пути, и плевать мы хотели друг на друга. А если ты окажешься впутанной в его грязные дела? Слушай, беги-ка отсюда. А я тебя встречу по дороге в Бодмин.

Говорил он очень убедительно, и Мэри почти поверила ему. Но как забыть, что он брат Джосса Мерлина и потому может предать ее? Она не решалась довериться Джемму -- во всяком случае вот так, сразу. Время покажет, на чьей он стороне.

-- Я не нуждаюсь в помощи, -- заявила она, -- сама могу о себе позаботиться.

Джем вскочил на лошадь и вдел ноги в стремяна.

-- Ладно, -- сказал он, -- не стану тебе надоедать. Если понадобится, мой домишко на том берегу речушки Уити-Брук. Это на противоположной стороне Тревортской трясины, где начинается болото Дюжины Молодцов. Я пробуду там по крайней мере до весны. Счастливо оставаться! -- И он умчался прочь прежде, чем Мэри успела ответить.

Мэри медленно возвратилась в дом. Она бы ему поверила, носи он другую фамилию. Ей очень нужен друг, но им не мог стать брат трактирщика. Ведь если разобраться, Джем -- всего лишь обычный конокрад, бесчестный негодяй, немногим лучше разносчика Гарри и всей прочей братии. Она чуть не поддалась на обезоруживающую улыбку и приятный голос, а он в душе, наверно, посмеивался над ней. В его жилах текла дурная кровь, каждый день он нарушал закон. Как бы там ни было, он все же брат Джосса Мерлина, и от этого никуда не уйдешь. Правда, Джем говорил, что их ничто не связывает, но и это могло быть сказано лишь для того, чтобы расположить ее к себе. На самом же деле он действовал по наущению хозяина трактира.

Нет, нельзя доверять никому, придется рассчитывать лишь на собственные силы. Даже стены "Ямайки" дышат злобой и обманом, и разговаривать вблизи этих стен опасно.

В трактире было, как обычно, темно и пустынно. Хозяин вернулся к торфяной куче в глубине огорода, а тетя Пейшнс хлопотала на кухне.

Неожиданный визит нарушил монотонность невыносимо долгих, скучных дней. Джем Мерлин с собой принес частицу того мира, который лежал где-то за болотами и суровыми скалистыми громадами. Казалось, с его отъездом дневной свет померк. Небо потемнело, с запада налетел ветер, опять полил дождь. Вершины холмов заволокло туманом. Порывы ветра пригибали черный вереск к земле. На смену раздражительности, владевшей девушкой с начала дня, пришли отупение, безразличие, физическая усталость и отчаяние. Впереди лежала череда тоскливых дней и недель в окружении каменных стен "Ямайки" и все тех же нескончаемых холмов. Правда, была еще белая, зовущая в путь дорога.

Она подумала о Джеме Мерлине, о том, как он скачет во весь опор, прищипывая коня и насвистывая песенку, с непокрытой головой, и нипочем ему ни дождь, ни ветер. У него своя дорога.

Потом ей вспомнилась тенистая тропа, что вела к ее родной деревне в Хелфорде. Кружа и извиваясь, она неожиданно поворачивала к реке, где важно вышагивали по илистому берегу утки и пастух созывал в рожок жующих зеленую травку коров. Там все шло по заведенному порядку, жизнь продолжалась, но без нее. Она же была привязана к "Ямайке" обещанием, которое не имела права нарушить. Шаги тети Пейшнс, сновавшей взад и вперед по кухне, служили ей напоминанием и предостережением.

Мэри в одиночестве сидела в гостиной и печально смотрела, как дождевые струйки бегут по оконному стеклу. Слезы катились по ее щекам, но она их даже не вытирала. Ветер, задувавший в дверь, которую она забыла закрыть, трепал полоску отставших от стены обоев. Прежде на них был розовый узор, теперь он выцвел и посерел, а от сырости проступили темно-коричневые пятна. Девушка отвернулась от окна. Холодная, мертвящая душу атмосфера "Ямайки" окутала ее.

6

Той же ночью снова прибыли повозки. Мэри проснулась, как от толчка, - часы в холле пробили два раза, и почти тут же у крыльца послышались шаги и приглушенные голоса. Выскользнув из постели, она подошла к окну. Да, это были они: на сей раз всего полдюжины людей на двух телегах, в каждую запряжено по одной лошади.

При тусклом свете фонаря все выглядело, как в кошмарном сне: повозки походили на катафалки, а люди -- на призраков, которые исчезнут с первыми проблесками зари. И в людях и в повозках, появившихся тайно под покровом ночи, было что-то зловещее.

Сейчас Мэри воспринимала все гораздо острее, чем в первый раз, ибо

теперь она знала, чем они промышляют. Контрабандисты доставляли в "Ямайку" запрещенные товары. В прошлый раз один из них был убит. А что, если сегодня вновь свершится злодейство! Все происходившее во дворе пугало и в то же время завораживало ее. Мэри просто не могла отойти от окна. Повозки приехали пустыми, и их загружали товаром, который был спрятан в трактире в ту страшную субботнюю ночь. Мэри решила, что трактир служил временным складом; при удобном случае повозки приезжали вновь, груз перевозили к берегу Теймара и там сбывали с рук. Расстояния, на которые перевозились товары, были столь велики, что в контрабанду наверняка втянуты сотни людей от Пензанса и Сент-Ива на юге до Лонстона на границе с Девоном на севере. В Хелфорде редко говорили о контрабанде, да и то со снисходительной усмешкой и перемигиванием -- трубка, набитая контрабандным табаком, или бутылочка бренди с какого-нибудь судна в Фалмуте были роскошью, которую хелфордцы изредка позволяли себе, не испытывая угрызений совести.

Однако то, что происходило здесь, выглядело отнюдь не безобидным делом, но жестоким и даже кровавым. Тут уж не до усмешек. А если в одном из контрабандистов вдруг пробуждалась совесть, его ждала петля. В цепи этого предприятия, которая тянулась от побережья до границы с соседним графством, не должно быть ни одного слабого звена. Бунтарю -- веревка вокруг шеи. Тот незнакомец заколебался -- и поплатился жизнью.

Вдруг Мэри пришло в голову, что утренний визит Джема Мерлина в "Ямайку" не случаен, и она почувствовала горечь разочарования. По странному совпадению в ту же ночь вновь объявились контрабандисты. Джем упоминал, что недавно вернулся из Лонстона, а ведь Лонстон стоит на берегу Теймара. Мэри вспыхнула от негодования. Как бы там ни было, заснула она нынче с мыслью, что, возможно, найдет в нем друга. Какая глупость с ее стороны! Совпадение слишком очевидно, ошибки быть не могло.

Джем мог не ладить с братом, но они связаны одним делом. Он прискакал в "Ямайку", чтобы предупредить хозяина о том, что ночью приедут порожние повозки. Все ясно как Божий день. Ну а потом, пожалев Мэри, он посоветовал ей уехать в Бодмин. Здесь не место для девушки, сказал он. Еще бы, кому как не ему знать -- это ведь он из той же шайки. С какой стороны ни глянь, в "Ямайке" творились отвратительные дела, а она оказалась в этом страшном месте с беспомощной, как ребенок, тетей Пейшнс на руках. Положение казалось Мэри совершенно безвыходным.

Вскоре обе телеги были нагружены, люди забрались на них и уехали. Этой ночью все совершилось довольно быстро.

Сверху Мэри были видны огромные голова и плечи дяди, который стоял у крыльца с фонарем в руке; свет его прикрывала заслонка. Телеги выкатились со двора и, как и предполагала Мэри, повернули налево в сторону Лонстона. Она отошла от окна и легла в постель. Почти сразу же послышались шаги дяди, он поднялся по лестнице и направился в спальню. В гостевой комнате в ту ночь никого не было.

Несколько дней было тихо -- в "Ямайку" никто больше не заезжал. Лишь однажды по дороге в Лонстон черным испуганным жуком прошмыгнула почтовая карета.

Наконец выдалось ясное утро, на безоблачном небе засияло солнце. На фоне темно-голубого неба четко вырисовывались холмы, трава на болотах, обычно коричневатая, подернулась тонким слоем льда. В затвердевшей грязи виднелись четкие следы коровьих копыт. Легкий северо-восточный ветер тихо насвистывал свою песенку, морозец пощипывал щеки.

При виде солнца Мэри, как обычно, приободрилась и с утра принялась во дворе за стирку. Закатав рукава, она опустила руки в корыто: горячая мыльная пена приятно ласкала ее кожу, покрасневшую от холода. Ей было легко и хорошо, и, стирая, она тихонько напевала. Дядя ускакал куда-то на болота; ее охватило ощущение свободы. Стены дома укрывали от ветра. Мэри отжимала белье и развешивала его на невысоком кусте утесника, ярко освещенного солнцем; к полудню все должно высохнуть.

Вдруг она услышала стук в окно и подняла голову. Тетя Пейшнс с бледным, искаженным от страха лицом знаками звала ее в дом. Мэри вытерла руки о фартук и побежала к задней двери. Едва она вошла на кухню, как тетя, вцепившись в нее трясущимися руками, стала что-то бормотать. От волнения она заикалась и захлебывалась словами.

-- Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь, -- проговорила Мэри. -- Я не могу разобрать, что вы лепечете. Ради Бога, сядьте и выпейте воды. Ну, что стряслось?

Несчастливая женщина раскачивалась на стуле взад и вперед, рот ее опять нервно подергивался, она кивала головой в сторону двери.

-- Там мистер Бассет из Норт-Хилла, -- прошептала она. -- Я увидела его из окна гостиной. Он прискакал на лошади, и с ним еще один джентльмен. О Господи, что же нам делать?

Не успела она договорить, как у парадного входа раздался громкий стук. Последовала небольшая пауза, и в дверь забарабанили снова.

Тетя Пейшнс застонала, прижала руки ко рту и в отчаянии стала грызть ногти.

-- Зачем он явился? -- рыдала она. -- Он ни разу не появлялся здесь,

избегал нас. Он что-то прослышал, я знаю. Ой, Мэри, что делать? Что мы ему скажем?

Мэри принялась лихорадочно думать. Она была в большом затруднении. Если это мистер Бассет, а он представитель власти, то у нее появился шанс разоблачить дядю, рассказав о повозках и обо всем, что видела с момента приезда. Девушка посмотрела на трясущуюся от ужаса тетушку.

-- Мэри, Мэри, ради всего святого, придумай, что мне говорить, - молила она. Схватив руку племянницы, тетя Пейшнс прижала ее к сердцу.

В дверь дубасили вовсю.

-- Послушайте меня, -- произнесла Мэри. -- Надо его впустить, или он вышибет дверь. Возьмите себя в руки. Скажите только, что дяди Джосса нет дома и вы ничего не знаете. Я пойду с вами.

Тетя бросила на нее дикий, полный отчаяния взгляд.

-- Мэри, -- сказала она, -- если мистер Бассет спросит тебя, что ты знаешь, ты ведь не расскажешь ему, правда? Я могу положиться на тебя? Ты не скажешь ему о повозках? Если Джосс попадет в беду, я на себя руки наложу, так и знай, Мэри.

После этих слов Мэри уже не рассуждала. Она скорее солжет и угодит в ад, чем заставит тетю страдать, однако из положения выпутываться все равно надо.

-- Пойдемте вместе, -- сказала она. -- Мы долго не задержим мистера Бассета. Вам нечего бояться, я ничего не скажу.

Они вышли в холл, и Мэри отодвинула засов тяжелой парадной двери. Около крыльца стояли двое. Один колотил в дверь; другой, крупный дородный мужчина в плотном макинтоше с капюшоном, сидел верхом на прекрасном гнедом скакуне. Шляпа его была низко надвинута на лоб, но Мэри все же заметила лицо в глубоких морщинах и подумала, что он, верно, немало повидал на своем веку. На вид ему было лет пятьдесят.

-- Долго же вы заставляете ждать! -- воскликнул он. -- Похоже, приезжих тут встречают не очень радушно. Хозяин дома?

Тетя Пейшнс толкнула Мэри в бок, и та ответила:

-- Мистера Мерлина нет дома. Не желаете ли выпить чего-нибудь, я вас обслужу, если угодно пройти в бар.

-- Выпить? Какого черта! За этим я бы в "Ямайку" не поехал. Мне надо поговорить с хозяином. Эй, вы ведь жена хозяина? Когда вы ждете его домой?

Тетя Пейшнс попыталась изобразить реверанс.

-- Изволите ли видеть, мистер Бассет, -- заговорила она неестественно

громко и отчетливо, как ребенок, отвечающий старательно выученный урок, -мой муж уехал сразу же после завтрака, и я, право, не знаю, вернется ли он до ночи.

-- Гм, -- проворчал сквайр, -- вот некстати. Я хотел сказать пару слов мистеру Джоссу Мерлину. Послушайте-ка, милейшая, вашему дорогому муженьку самым подлым образом удалось купить "Ямайку" у меня за спиной, но мы не станем сейчас ворошить прошлое. Однако я не потерплю, чтобы моя земля и все окрест стали притчей во языцех, рассадником зла и беспутства.

-- Уверю вас, мистер Бассет, я не понимаю, о чем вы говорите, - отвечала тетя Пейшнс, кусая губы и теребя платье. -- Живем мы здесь очень тихо... В самом деле... Да вот и племянница моя скажет вам то же.

-- Полноте, -- возразил сквайр, -- не делайте из меня дурака. Ваше заведение давно у меня на примете. У него дурная слава, и на то должны быть причины, миссис Мерлин. О "Ямайке" ходят толки да пересуды по всей округе, аж до самого побережья. Нечего передо мной притворяться. Эй, Ричардс, придержи-ка эту чертову лошадь!

Второй мужчина, судя по одежде, слуга, взял лошадь под уздцы, и мистер Бассет тяжело спрыгнул на землю.

-- Раз уж я тут, дайте-ка посмотреть, что у вас делается, -- сказал он. -- И заявляю вам, что протестовать бесполезно. Я мировой судья, и у меня имеется судебное постановление.

Он решительно прошел мимо обеих женщин и направился в прихожую. Тетя Пейшнс хотела было помешать ему, но Мэри, нахмурясь, покачала головой.

-- Пусть войдет, -- шепнула она. -- Если мы попытаемся его остановить, то разозлим еще больше.

Мистер Бассет брезгливо оглядывался вокруг.

-- Господи Боже мой! -- воскликнул он. -- Здесь пахнет, как в склепе. Во что вы превратили гостиницу?! Правда, "Ямайка" всегда была грубо оштукатурена и довольно убого обставлена, но это просто позор. Эдакая заброшенность и запустение.

Он широко распахнул дверь в гостиную и рукоятью хлыста указал на сырые стены.

-- Если вы не примете мер, крыша рухнет прямо вам на голову, -- заявил он. -- Никогда не видел ничего подобного. Пойдемте, миссис Мерлин, проводите нас навверх.

Бледная, взволнованная тетя Пейшнс жалобно взглянула на племянницу и неуверенно двинулась к лестнице.

Комнаты наверху были тщательно исследованы. Сквайр заглядывал в каждый угол, поднимал и рассматривал старые мешки, тыкал рукоятью хлыста в груды картошки и не переставал выказывать гнев и отвращение.

-- И это вы называете постоянным двором!? -- восклицал он. -- Да тут и кошке негде приткнуться, все насквозь прогнило. Да что же это такое? Вы что, язык проглотили, миссис Мерлин?

Бедная женщина была не в состоянии отвечать, ее голова тряслась, губы дрожали. Мэри знала: тетя, как и она сама, думала о закрытой на замок двери там, внизу.

-- Супруга хозяина, видимо, временно оглохла и онемела, -- холодно заметил сквайр. -- А что скажет молодая особа?

-- Я совсем недавно поселилась здесь, -- отвечала Мэри. -- Моя мать умерла, и я приехала ухаживать за тетей. Она не очень здорова, как вы могли заметить. У нее слабые нервы, и ее легко расстроить.

-- Что не удивительно, если жить в таком месте, -- сказал мистер Бассет. -- Ладно, тут не на что больше смотреть, извольте проводить меня вниз и показать комнату с забитыми окнами. Я заметил ее со двора и хотел бы заглянуть внутрь.

Тетя Пейшнс провела языком по пересохшим губам и посмотрела на Мэри, не в состоянии выдать из себя ни слова.

-- Очень сожалею, сэр, -- ответила за нее Мэри, -- но если вы имеете в виду комнату в конце коридора, в которой хранятся старые вещи, то боюсь, она закрыта на замок. Ключ от двери есть только у дяди, и куда он его кладет, не знаю.

Сквайр с подозрением переводил взгляд с одной женщины на другую.

-- Ну, а вы, миссис Мерлин? Не знаете ли вы, где ваш муж хранит ключи?

Тетя Пейшнс отрицательно покачала головой. Сквайр фыркнул и повернулся на каблуках.

-- Ну что ж, это не помеха, -- сказал он. -- Мы быстро вышибем дверь.

Он вышел во двор позвать слугу. Мэри успокаивающе погладила тетю по руке и придвинулась к ней поближе.

-- Постарайтесь не дрожать так горячо, -- прошептала она, -- ведь по вас сразу видно, что вы что-то скрываете. Надо сделать вид, что вы не имеете ничего против, мол, вам все равно, пусть осматривают весь дом, если угодно.

Через несколько минут мистер Бассет возвратился со своим слугой Ричардсом, который нес с конюшни здоровенное полено, намереваясь использовать его как таран. Он ухмылялся во весь рот в предвкушении

потехи.

Если бы не тетя, Мэри, верно, не без интереса заглянула бы в закрытую комнату с заколоченными окнами. Однако Мэри привел в замешательство тот факт, что, найди они что-нибудь в этой комнате, и тетю и ее будут считать причастными к преступлениям дяди. Впервые до нее дошло, что доказать их полную невиновность окажется весьма трудно. Вряд ли им поверят, особенно если тетя станет слепо защищать своего мужа.

Она с волнением следила, как мистер Бассет и его слуга, ухватившись вдвоем за полено, колотили по дверному замку. Грохот эхом отдавался по всему дому. Некоторое время замок не поддавался, потом раздался треск и дверь распахнулась. Тетя Пейшнс тихонько охнула. Сквайр спешно вошел вовнутрь. Ричардс, опираясь на полено, отирал пот со лба, а Мэри через его плечо пыталась что-нибудь разглядеть. В комнате было темно. Заколоченные окна, прикрытые изнутри мешковиной, не пропускали свет.

-- Эй, кто-нибудь, подайте мне свечу! -- вскричал сквайр. -- Здесь темно, как в яме.

Слуга вытащил из кармана огарок свечи и зажег его. Подняв свечу высоко над головой, сквайр остановился посреди комнаты.

На мгновение воцарилась полная тишина. Сквайр посветил в каждый угол, тщательно осмотрел все помещение. Прищелкнув языком от досады и разочарования, обернулся и озадаченно посмотрел на стоящих на пороге Ричардса, Пейшнс и Мэри.

-- Ничего, -- сказал он, -- абсолютно ничего. Мерлин снова одурачил меня.

Не считая кучи мешков, сваленных в углу, в комнате было пусто. Все покрывал толстый слой пыли, на стенах висела паутина, никакой мебели, камин завален камнями, а пол выложен каменными плитами, как и в холле. Поверх мешков лежал тугой моток веревки.

Пожав плечами, сквайр вышел в коридор.

-- Ну что ж, мистер Джосс Мерлин выиграл эту партию, -- сказал он. -- На сей раз никаких улик.

Обе женщины проводили сквайра в холл, затем на крыльцо; он остановился, а слуга отправился на конюшню за лошадьми.

Мистер Бассет, постукивая хлыстом по голенищу, угрюмо смотрел перед собой.

-- Вам повезло, миссис Мерлин, -- произнес он. -- Найди я то, что ожидал в этой проклятой комнате, быть вашему мужу завтра в это же время в окружной тюрьме. Теперь же... -- Тут он с досадой снова прищелкнул

языком и умолк. -- Эй, Ричардс, пошевеливайся! -- прикрикнул он на слугу.
-- Я не могу больше понапрасну тратить свое время. Какого черта ты там возишься?

В воротах конюшни появился слуга с лошадьми.

-- А теперь послушайте-ка меня вы, -- сказал мистер Бассет, рукоятью хлыста указывая на Мэри. -- Ваша тетушка, может быть, и лишилась языка, а вместе с ним соображения, но вы-то, надеюсь, понимаете по- английски. Вы намерены утверждать, что ничего не знаете о делах вашего дяди? Здесь кто-нибудь появлялся -- днем или ночью?

Мэри посмотрела ему прямо в глаза.

-- Я ни разу никого не видела, -- ответила она.

-- А вам не приходилось раньше заглядывать в эту закрытую комнату?

-- Нет, никогда.

-- А зачем, по-вашему, он держит ее запертой?

-- Понятия не имею.

-- Не слышали ли вы по ночам шума колес во дворе?

-- Я сплю очень крепко, меня пушкой не разбудишь.

-- А куда отправляется дядя, когда уезжает из дома?

-- Не знаю.

-- Вам не кажется странным держать трактир на королевской столбовой дороге и при этом закрываться на замок от проезжих?

-- Мой дядя -- очень странный человек.

-- Это уж точно. Настолько странный, что половина людей по соседству не будет спокойно спать по ночам, пока не узнает, что его повесили. Как и его отца. Можете передать ему это.

-- Хорошо, мистер Бассет.

-- Вам не страшно жить здесь, не встречаясь ни с кем из соседей, в обществе полубезумной женщины?

-- Время идет своим чередом.

-- А вы неразговорчивая молодая особа, верно? Да, вам не позавидуешь. Иметь таких родственников... Я бы предпочел увидеть свою дочь скорее в могиле, чем живущей у Джосса Мерлина в "Ямайке".

Отвернувшись от Мэри, он взял лошадь за уздечку и взобрался в седло. Уже сидя верхом, мистер Бассет вновь обратился к ней:

-- Вы не встречали младшего брата Джосса Мерлина -- Джема Мерлина из Треворта?

-- Нет, -- уверенно ответила Мэри, -- он никогда здесь не бывает.

-- Ах, вот как? Ладно. Это все, что я хотел услышать от вас. Прощайте. Непрошенные гости поскакали прочь и вскоре скрылись за дальним

холмом.

Тетя Пейшнс сидела на кухне в полном изнеможении.

-- Да успокойтесь же наконец, -- устало проговорила Мэри. -- Мистер Бассет уехал ни с чем, злой как черт. Если бы в комнате хотя бы пахло бренди, было бы из-за чего слезы лить. А так вы с дядей Джоссом остались чистенькими.

Налив себе полный стакан воды, она выпила его одним духом. Терпение ее было на исходе. Ей пришлось лгать, спасая шкуру дядюшки, тогда как всем своим существом она жаждала его разоблачения. Когда обнаружилось, что за запертой дверью пусто, она не очень удивилась, вспомнив, что две ночи назад приезжали повозки. Мэри доконала та самая, свернутая в тугой моток омерзительная веревка. Из-за тети она вынуждена была спокойно стоять и молчать. Это было гнусно, другого слова не подберешь. Да, теперь и она вовлечена в обман. На попятную теперь не пойдешь, придется делить с обитателями "Ямайки" и радость и горе. Выпив второй стакан воды, Мэри цинично подумала, что в конечном итоге будет, возможно, повешена рядом с дядей. "Солгала-то я не только ради дядюшки, -- думала Мэри с возрастающим гневом, -- но и ради его братца Джема. Он тоже должен быть мне благодарен". Она не знала, отчего соврала и о нем. Об этом он, скорее всего, никогда не узнает, а узнав, воспримет как должное.

Сидя у огня, тетя Пейшис все еще всхлипывала и постанывала, но Мэри расхотелось утешать ее. Она чувствовала, что за один день сделала слишком много ради своих родственников. Нервы ее были перенапряжены. Еще минута -- и она взорвется. Возвратившись к корыту со стиркой, которое так и стояло на огороде возле курятника, она в бешенстве опустила руки в мыльную воду, теперь уже ледяную.

Джосс Мерлин вернулся около полудня. Мэри слышала, как он вошел на кухню через парадную дверь и был встречен истерическим бормотанием жены. Мэри продолжала стирать, решив предоставить тете Пейшнс возможность самой рассказать о случившемся.

Что происходило между супругами, понять было трудно. Мэри слышала тонкий, визгливый голос тети и громогласный бас дяди, который, перекрикивая жену, задавал вопросы. Немного погодя он поманил Мэри в окно, и она пошла в дом. Широко расставив ноги, дядя стоял у очага, лицо темнее тучи.

-- Ну, давай рассказывай! -- заорал он. -- Послушаю теперь тебя. От твоей тетки я услышал пустой набор слов, от сороки больше толку, черт возьми! Что все-таки здесь произошло, хотел бы я знать?

Спокойно, четко и коротко Мэри рассказала о том, что случилось утром. Она не упустила ничего, кроме вопроса сквайра о Джеме, и завершила свой рассказ словами мистера Бассета о том, что люди не смогут спать спокойно в своих постелях, пока трактирщик не будет повешен, как его отец.

Джосс Мерлин слушал ее молча. Когда она закончила, он грохнул кулаком по столу и выругался, отшвырнув ногой стул в другой конец комнаты.

-- Проклятый ублюдок, все разнюхивает! -- завопил он. -- У него не больше прав заходить в мой дом, чем у любого другого. Вся его болтовня о судебном постановлении -- сплошная брехня, а вы -- трепливые дуры; никаких постановлений у него в помине нет. Тоже мне -- мировой судья! Клянусь Богом, будь я здесь, отправил бы его назад в Норт-Хилл в таком виде, чтоб собственная жена не узнала. Да и проку ей от него было бы мало. Будь он проклят, чтоб глаза у него повылазили! Я покажу мистеру Бассету, кто хозяин в округе, да еще заставлю свой зад лизать. Он припугнул вас? Да я сожгу его дом дотла, если еще раз посмеет сыграть со мной такую шутку!

Джосс Мерлин вопил так, что можно было оглохнуть. Таким Мэри его не боялась: пустые угрозы и показуха. Он действительно становился опасен, когда понижал голос до шепота. Мэри показалось, что, несмотря на крик и шум, он все же испугался и не слишком уверен в своих силах.

-- Подайте мне что-нибудь поесть, -- приказал он. -- Мне надо снова уехать, и не мешкая. Прекрати выть, Пейшнс, или я разобью тебе рожу. Ты здорово держалась, Мэри, я этого не забуду.

Племянница посмотрела ему в глаза.

-- Уж не думаете ли вы, что я сделала это ради вас? -- спросила она.

-- А мне наплевать, почему ты это сделала. Все равно результат был бы тот же, -- ответил он. -- Этот разиня Бассет ничего не нашел -- он родился с мозгами набекрень. Отрежь мне ломоть хлеба и кончай разговоры да сядь в конце стола, где тебе положено.

Обе женщины заняли свои места, за едой все молчали. Закончив обед, хозяин поднялся из-за стола и, не сказав ни слова, отправился на конюшню. Мэри думала, что дядя выведет лошадь и укачет. Но он быстро вернулся и, миновав кухню, прошел в конец огорода, перелез через забор и выбрался в поле. Она проследила, как он пересек пустошь и зашагал по крутому склону по направлению к вершинам Толборо и Кодда.

Мгновение Мэри колебалась, сомневаясь в разумности родившегося у нее плана, но, услышав, как тетя Пейшнс ходит наверх, решилась. Она

дождалась, пока закрылась дверь тетиной спальни, сорвала с себя передник, схватила с крючка на стене толстый платок и выбежала в поле вслед за дядей. Добравшись до края поля, она спряталась за каменной оградой и, нагнувшись, стояла так, пока его фигура не исчезла за горизонтом. Не медля, она пустилась за ним, выбирая путь меж колючей травы и камней. Конечно, это было безумной, бессмысленной затеей, но Мэри повергла в отчаяние собственная ложь, а ее смятенная душа требовала хоть какого-то, но действия.

Девушка решила незаметно проследить за Джоссом Мерлином и, быть может, узнать что-нибудь о его темных делах. Без сомнения, приезд сквайра в "Ямайку" спутал планы трактирщика. Поэтому он поспешно ушел из дома и направился куда-то напрямик через Западное болото.

Было около половины второго -- лучшее время для прогулки. Благодаря крепким башмакам и короткой, до щиколоток, юбке Мэри легко шагала по неровной земле. Под ногами было довольно сухо, мороз сковал землю, и ей, привыкшей к влажной гальке Хелфорда и липкой грязи фермы, эта прогулка казалась нетрудной. Прежние вылазки научили ее осторожности. Она старалась идти по стопам дяди, обходя трясину.

Через несколько миль Мэри стало ясно, что задача эта оказалась не столь проста. Она хотела держаться от дяди на достаточном расстоянии, чтобы он ее не заметил. Но он шел таким быстрым, размашистым шагом, что вскоре Мэри осталась далеко позади. Он уже миновал вершину Кодды и повернул к западу, в сторону низины у подножия Браун-Вилли. Несмотря на свой гигантский рост, Джосс выглядел маленькой черной точкой на фоне коричневых просторов.

Мэри дошла до подножия высоченного утеса Браун-Вилли и остановилась. Она не ожидала, что ей придется карабкаться на высоту тысячи трехсот футов. Девушка стояла, утирая пот со лба. Она запыхалась и для удобства распустила волосы, и теперь ветер трепал их пряди. Отчего хозяину "Ямайки" вздумалось в декабрьский полдень лезть на самую высокую точку Бодминской пустоши, ей было непонятно. Однако, забравшись так далеко, она решила довести дело до конца и ускорила шаг.

Теперь под ногами стало сыро. Утренний лед растаял, перед глазами расстилалась размякшая, пропитанная влагой, бурая низина. В башмаках хлюпала вода, ноги мерзли. Подол юбки был заляпан грязью и местами оборван. Подвернув его и обвязав лентой, вынутой из волос, вокруг талии, Мэри продолжала идти по следу. Но дядя, исходивший эти места вдоль и поперек, двигался вперед с поразительной быстротой, и Мэри с трудом различала его фигуру среди черного вереска и огромных валунов у

подножия Браун-Вилли. Вдруг Джосс скрылся за высокой гранитной скалой, и она потеряла его из виду. Нечего было и думать отыскать тропинку, по которой он пересек трясины. Он миновал болото в одно мгновение, не оставив и следа. И все же она двинулась за ним, понимая, что совершает глупость. Но какое-то необъяснимое упрямство заставляло ее идти вперед. Когда она окончательно убедилась, что все равно не сможет найти тропу, которая вывела дядю через болото посуху, у нее все же хватило здравого смысла пойти в обход. Забрав на две с лишком мили в сторону и сделав порядочный крюк, она в конце концов благополучно выбралась наверх. Теперь догнать дядю надежды не было никакой.

Тем не менее Мэри все же решила попробовать взобраться на Браун-Вилли. Скользя и спотыкаясь о мокрый мох и камни, она начала карабкаться по гранитному склону. Обдирая руки о грубые, с острыми зазубринами камни, девушка медленно ползла вверх по круче, и с каждым шагом ее решимость таяла. Дикая овца выскакивала из-за валунов и, постукивая копытцами, оторопело глядела на нее. Неожиданно с запада подул ветер, наплзли тучи. Солнце скрылось.

Над холмами стояла поразительная тишина. Лишь однажды из-под ног у нее выпорхнул с громким криком ворон и полетел низко над землей, хлопая большими черными крыльями.

Наконец Мэри добралась до вершины холма. Небо очистилось; высоко над головой плыли облака, предвещая скорый закат. Близились сумерки. Внизу, над болотами, стелился туман. Взбираясь на вершину холма по самому крутому склону, Мэри потеряла почти час. Вот-вот совсем стемнеет. Рисковала она впустую: вокруг, насколько охватывал взор, не было ни одной живой души.

Джосс Мерлин давно исчез из виду. Вполне возможно, что он вовсе не взбирался на холм, а обошел его, скрытый от глаз вереском и камнями, а потом незаметно пропал куда-то, затерялся в складках дальних холмов.

Теперь уж Мэри не найти его. Самым разумным было бы спуститься с вершины кратчайшим путем, да побыстрей. Иначе придется провести ночь на болотах под покровом нависших гранитных скал, улегшись прямо на черный вереск. Тут только она поняла, как глупо и опасно было забираться в такую даль в холодный декабрьский день. Ведь она уже убедилась, как коротки сумерки на Бодминской пустоши. Мгла опускалась сразу после захода солнца. Да к тому же с болот поднимался туман, обволакивая все вокруг сплошной пеленой.

Обескураженная и подавленная, Мэри спускалась по крутому склону холма. От прежнего азарта не осталось и следа. Она не переставала думать

о надвигавшейся тьме и подстерегавшей ее топи. Прямо под ней лежало озерцо, откуда, как говорили, брала начало река Фауэй, впадавшая в море. Это место надо во что бы то ни стало обойти; земля вокруг была топкой, а озерцо могло оказаться довольно глубоким. Она взяла левее, но когда наконец спустилась и оказалась у подножия Браун-Вилли, вновь гордо возвышавшегося над ней, туман и мгла уже покрыли пустошь. В каком направлении идти дальше, она не знала.

Как бы там ни было, поддаваться панике и терять голову было нельзя. Несмотря на туман, вечер был ясный и не такой холодный. Если повезет, она еще, может быть, наткнется на дорожку, которая выведет ее к человеческому жилью.

Болота не представляли особой опасности, если держаться высоких мест. И вот, вновь подвернув юбку и поплотнее закутавшись в платок, Мэри зашагала вперед, нащупывая твердую почву и старательно обходя каждую кочку. Так она прошла мили две, как вдруг поняла, что бредет по незнакомым местам. Путь ей преградил ручей, через который она раньше не проходила. Идти вдоль него - значило снова очутиться в низине, у болот.

Не раздумывая, она шагнула прямо в воду и сразу погрузилась до колен. Вода в башмаках и мокрые чулки уже не останавливали ее. Можно считать, что ей повезло: ручей оказался не очень глубоким, а то пришлось бы переплывать его, и тогда она уж наверняка простудилась бы.

Сразу от кромки воды начинался подъем, и Мэри обрадовалась -- теперь она смело ступала по твердой почве. Впереди простиралась необозримая долина. Она прошла немалое расстояние, пока наконец не наткнулась на дорогу, вернее, колею -- пусть довольно ухабистую, но раз здесь когда-то проехала повозка, то, стало быть, пройдет и она. Худшее осталось позади, и девушка приободрилась. Но как только спало напряжение, в котором она находилась так долго, Мэри почувствовала неимоверную усталость и слабость. Ноги ее налились свинцом, веки слипались, руки повисли как плети; она еле тащилась. Ей подумалось, что за все время существования "Ямайки" вид ее высоких серых труб мог вызвать в ком-то радость и послужить утешением. Дорожка стала шире, вдруг Мэри очутилась на перекрестке. Она остановилась в нерешительности, соображая, куда пойти, направо или налево. И тут слева от себя она услышала громкое фыркание разгоряченной лошади, которая вынырнула откуда-то из темноты. Дерн смягчал стук копыт. Встав посреди дороги, Мэри напряженно ждала. Прямо перед ней появился всадник. В призрачном свете зимних сумерек и он и лошадь казались видением. Заметив Мэри, всадник резко натянул поводья.

-- Эй, кто здесь? -- вскричал он. -- Что случилось?

Сидя в седле, он наклонился, чтобы лучше разглядеть ее.

-- Женщина! -- удивленно воскликнул он. -- Что, собственно, вы тут делаете?

Мэри ухватила за уздечку, чтобы придержать норовистую лошадь.

-- Не можете вы вывести меня на дорогу? -- попросила она. -- Я оказалась далеко от дома и совсем заблудилась.

-- Ну-ка, спокойно, -- приказал он лошади, -- стой смирно! Откуда вы? Разумеется, я вам помогу, если сумею.

Голос у него был низкий и мягкий. Мэри подумала, что он, должно быть, из приличных людей.

-- Я живу в трактире "Ямайка", -- сказала она и тут же пожалела. Теперь он, конечно, не станет помогать ей. Услышав это название, он мог стегануть лошадь и предоставить ей самой выбирать на верную дорогу. Как же она сглупила!

Всадник молчал. Чего еще она могла ожидать! Но тут он вновь заговорил, голос его звучал так же спокойно и мягко.

-- "Ямайка", -- сказал он. -- Это очень далеко: вы, должно быть, шли в противоположном направлении. Знаете ли вы, что находитесь по другую сторону низины Хендра?

-- Мне это ни о чем не говорит, -- отвечала Мэри. -- Я никогда раньше здесь не бывала. Очень глупо с моей стороны было забраться так далеко в зимний день. Я была бы признательна, если бы вы могли показать мне, как дойти до столбовой дороги, а там уж я быстро доберусь до дому.

Несколько мгновений он молча рассматривал ее, затем соскочил с лошади.

-- Вы утомлены, -- сказал он, -- и не в состоянии и шагу сделать. К тому же я вам этого не позволю. Здесь неподалеку деревенька, вот туда вы сейчас и отправитесь. Давайте-ка я помогу вам сесть на лошадь.

Через мгновение она была уже в седле, а он стоял рядом, держа лошадь под узцы.

-- Вот так-то лучше, -- произнес он. -- Вы, видно, долго бродили по болотам, ваши башмаки промокли насквозь и подол платья тоже. Поедьте ко мне домой, обсушитесь, немного отдохнете и поужинаете, а потом я сам отвезу вас в "Ямайку".

Говорил он с такой заботой и спокойной уверенностью, что Мэри облегченно вздохнула, отбросив на время всякие сомнения и радуясь, что может довериться ему. Он поправил поводья, чтобы ей было удобнее править лошадью, и тут она в первый раз увидела его глаза, которые

смотрели прямо на нее из-под полей шляпы. Какие странные это были глаза -- прозрачные, как стекло, удивительно светлые, почти белые -- феномен, с которым ей раньше не приходилось сталкиваться. Они неотрывно глядели на нее испытующе, словно стремились проникнуть ей в душу. И Мэри как-то вся обмякла и поддалась этому взгляду, несколько не сопротивляясь. Из-под его черной как смоль шляпы выбивались пряди волос, тоже совсем белые. Девушка несколько озадаченно смотрела на этого человека, ибо на его лице не видно было морщин, и голос звучал молодо. И тут вдруг она поняла, в чем причина его необычной внешности, и в смущении отвела глаза. Он был альбиносом.

Незнакомец снял шляпу и поклонился.

-- Полагаю, мне следует представиться, -- произнес он с улыбкой. -- Как приличествует, несмотря на столь странные обстоятельства нашего знакомства. Меня зовут Фрэнсис Дейви, я викарий Олтернана.

7

В доме, где жил викарий, царила удивительная тишина, тишина, которую трудно описать. Он напоминал дом из старой сказки, который неожиданно вырастает из темноты в колдовскую летнюю ночь. Его окружает непроходимая изгородь из шипов и колючек, и через нее надо пробиваться с мечом, чтобы попасть в сад, где на непаханой земле буйно растут огромные цветы и кустарники. Гигантские папоротники и белые лилии на длиннющих стеблях заглядывают в окна. Стены обвивает густой плющ, закрывая собой вход. А сам дом вот уже тысячу лет как погружен в глубокий сон.

Мэри улыбнулась, удивляясь, как все это пришло ей в голову, и протянула руки к камину, где весело потрескивали поленья. Ей была приятна тишина этого дома, она успокаивала. Ни страха, ни усталости девушка больше не ощущала. Как все здесь отличалось от "Ямайки"! Там тишина была гнетущей, зловещей; заброшенные комнаты наводили тоску и уныние. Здесь же все было иначе. В комнате, где она сидела, чувствовалась непринужденная атмосфера гостиной, в которой обычно коротают вечера. В обстановке, в столе посередине, в картинах было что-то нереальное. Казалось, хозяева ушли, не расставив вещи по своим местам, и они словно застыли в дреме, ревниво храня память об ушедших.

Некогда здесь жили люди -- счастливо и безмятежно. Пожилые священники листали за этим столом старые книги. А в том кресле у окна любила сидеть с шитьем седовласая женщина в голубом капоте. Все это было давным-давно. Давно покоятся эти люди на погосте за церковной оградой, и на поросших мхом могильных камнях уж не разобрать их имен.

С тех пор как они покинули этот мир, дом будто бы застыл в вечном покое. И человек, живущий в нем ныне, не имел, как видно, желания что-нибудь менять.

Мэри наблюдала, как он накрывает на стол, и думала, что он поступил мудро, сохранив старинную атмосферу дома. Другой стал бы, наверно, болтать о пустяках или греметь чашками, чтобы как-то нарушить молчание. Она обвела взглядом комнату. Ее не удивило отсутствие картин на библейские темы. На полированном столе не было ни бумаг, ни книг, которые в ее представлении непременно должны были находиться в гостинной приходского священника. В углу стоял мольберт с неоконченным полотном, на котором был изображен пруд в Дозмери. Картина была писана, очевидно, в пасмурный день: тяжелые тучи нависли над серовато-синей гладью застывшего, как перед грозой, пруда. Мэри не могла отвести глаз от рисунка. Она совсем не разбиралась в живописи, но в картине была сила, которая чем-то ее завораживала. Девушка почти ощущала капли дождя на лице. Викарий, видимо, проследил за ее взглядом, потому что, подойдя к мольберту, поспешно повернул его к стене.

-- О, на это не стоит смотреть, -- сказал он. -- Это так, набросок, сделанный наспех. Если вы любите картины, я покажу вам кое-что получше. Но прежде мы поужинаем. Не двигайте кресло, я подставлю стол к вам.

Никогда в жизни за ней так не ухаживали. Однако он делал все так естественно, спокойно, без шума и суеты, как будто так и было положено, и Мэри не испытывала неловкости.

-- Ханна живет в деревне, -- объяснил он. -- Она уходит в четыре часа. Я предпочитаю коротать вечера в одиночестве. Люблю сам приготовить ужин и потом отдохнуть, как захочется. К счастью, как раз сегодня она испекла яблочный пирог; надеюсь, он окажется съедобным. Кондитер из нее весьма посредственный.

Он налил девушке горячего чая, добавив большую ложку сливок. Она все еще не могла привыкнуть к его неестественно светлым волосам и глазам; они совсем не вязались с его голосом и очень уж контрастировали с черными одеждами священника. Усталость брала свое, к тому же Мэри чувствовала некоторое смущение, находясь в незнакомой обстановке. Он это видел и понимал, что ей хочется помолчать. Мэри медленно ела, время от времени украдкой поглядывая в его сторону. Чувствуя ее взгляды, он всякий раз смотрел на нее своими холодными светлыми глазами, неподвижными и равнодушными, как у слепого. Она тотчас отворачивалась и принималась разглядывать то салатные стены, то мольберт, стоявший в

углу комнаты.

-- В том, что этой ночью я натолкнулся на вас на болотах, видна рука Провидения, -- произнес он наконец, когда Мэри отодвинула от себя тарелку и глубже опустилась в кресло, опершись щекой на руку; от тепла и горячего чая ее клонило в сон. -- Мой долг священника вынуждает меня порой посещать отдаленные дома и фермы, -- продолжал он. -- Сегодня днем я помогал появлению на свет младенца. Он будет жить, и его мать тоже. Эти люди с болот выносливы и бесстрашны. Вы, возможно, это сами заметили. Я испытываю глубокое уважение к ним.

Мэри было нечего сказать на это. Люди, которых она встречала в "Ямайке", не вызывали у нее уважения. Она все пыталась понять, откуда доносится запах роз, и наконец заметила на столике позади себя чашу с засушенными лепестками.

Он заговорил снова, все так же мягко, но с большей настойчивостью.

-- Что же все-таки занесло вас вечером на болото? -- спросил он.

Мэри встрепелась и посмотрела ему в глаза. В них было столько сострадания, а ей так хотелось довериться его доброте и пониманию. Сама того не желая, Мэри ответила:

-- Я попала в такую беду, -- проговорила она. -- Уже начала думать, что скоро стану совсем такой, как тетя, умом тронусь. Может быть, до вас и доходили какие-то слухи, но вы, конечно, не отнеслись к ним серьезно. Я прожила в "Ямайке" всего месяц, а кажется, уже двадцать лет. Я все о тете думаю. Если бы только можно было увезти ее оттуда. Но она ни за что не оставит дядю Джосса, как бы он с ней ни обращался. Каждую ночь ложусь спать и только и думаю что об этих повозках. Когда они приехали в первый раз, их было шесть или семь. Какие-то люди привезли большие тюки и ящики, все это снесли и заперли в дальней комнате с заколоченными окнами. В ту ночь убили человека. Я сама видела веревку, свисавшую с потолка в баре.

Она внезапно замолчала, кровь бросилась ей в лицо.

-- Я никогда об этом раньше не говорила, -- сказала она. -- А сегодня вот не выдержала. Очень уж трудно носить все это в себе. О Боже, что же я наделала! Как я могла все выболтать!

Некоторое время он ничего не отвечал, давая ей возможность прийти в себя. Когда Мэри немного успокоилась, викарий заговорил ласково и неторопливо, по-отечески утешая ее, как испуганного ребенка.

-- Не бойтесь, -- произнес он, -- о вашей тайне никто, кроме меня, не узнает. Вы очень утомлены. Мне следовало сразу же уложить вас в постель, а потом уж накормить. Вы, должно быть, пробыли на болотах не один час.

А места между Олтернаном и "Ямайкой" особенно скверные. Топи наиболее опасны именно в это время года. Когда вы отдохнете, я сам отвезу вас домой на двуколке и все объясню трактирщику, если пожелаете.

-- О, вы не должны делать этого, -- быстро произнесла Мэри. -- Если он хоть что-либо узнает о том, что я сегодня делала, то убьет меня, да и вас тоже. Вы и представить себе не можете, какой он. Это же совсем пропащий человек. Он ни перед чем не остановится. Нет уж, в крайнем случае, я знаю, как пробраться в дом: влезу на карниз и дотянусь до окна. Сплю я в комнате на втором этаже. Он ни за что не должен узнать, что я была у вас, даже то, что повстречалась с вами.

-- Не слишком ли разыгралось ваше воображение? -- спросил священник. - Я знаю, что могу показаться черствым и холодным, но ведь мы живем в девятнадцатом веке, и люди так просто друг друга не убивают, без всякой причины. Думаю, что имею не меньше прав, чем ваш дядя, провезти вас по королевской дороге. Раз уж вы рассказали мне так много, сообразовите сообщить и самое главное... Как вас зовут и как давно вы приехали?

Мэри подняла глаза и вновь увидела его бесцветное лицо, обрамленное короткими белыми волосами, и прозрачные глаза. Все-таки какой странной внешностью обладал этот человек: ему можно было дать и двадцать лет, и все шестьдесят. Стоило только ему попросить, и своим мягким вкрадчивым голосом он смог заставить ее открыть самые сокровенные тайны. Она могла довериться ему, и это, по крайней мере, сомнений не вызывало. И все-таки Мэри колебалась, обдумывая каждое произнесенное им слово.

-- Ну же, -- сказал он с улыбкой. -- Мне приходилось уже выслушивать исповеди. Не здесь, в Олтернани, а в Ирландии и в Испании. Ваша история не кажется мне такой уж необычной, как вам представляется. На свете много всякого происходит, не только в одной "Ямайке". Есть места и пострашнее.

От его слов она оробела и смутилась. При всей его учтивости и тактичности он как будто посмеивался над ней в глубине души. Наверно, из-за ее возраста счел ее излишне впечатлительной и наивной. И без дальнейших колебаний, сбивчиво и отрывисто, она начала свой рассказ с первой субботней ночи в баре. Затем вернулась назад, к тому, что предшествовало ее приезду в трактир. Ее рассказ звучал легковесно и неубедительно даже для нее самой, знавшей всю правду. Она так устала, что с трудом подыскивала слова; задумавшись, умолкала, затем вновь возвращалась к уже сказанному.

Он терпеливо выслушал ее до конца, не перебивая и не задавая вопросов. Но она все время чувствовала, как он внимательно наблюдает за ней. У него была привычка время от времени глотать слюну. Она про себя заметила это и каждый раз умолкала, когда он так делал. Она как бы слышала себя со стороны, и все ее муки, весь страх и сомнения, все, что она говорила, казалось лишь плодом ее воспаленного воображения. А когда она подошла к спору незнакомца и дяди в баре, ее слова прозвучали, как чистый вымысел, словно ей все это привиделось.

Хотя он и не показывал этого, Мэри чувствовала, что священник ей не верит. Она пыталась сгладить то смехотворное впечатление явного преувеличения и приукрашивания, которое должен был оставить ее рассказ. И все ее отчаянные усилия привели к тому, что дядя из злодея и негодяя превратился в обыкновенного сильно пьющего деревенского деспота, который колотит свою жену раз в неделю. Повозки теперь оказались безобидными телегами развозчиков товаров, которые ездили по ночам, чтобы ускорить доставку.

Посещение "Ямайки" сквайром в этот день могло бы подтвердить обоснованность ее подозрений, но пустая комната опровергала догадки. Единственная часть ее рассказа, которая звучала правдоподобно, была о том, как она заблудилась на болоте.

Когда она умолкла, священник поднялся с кресла и принялся ходить по комнате. Тихонько насвистывая, он крутил висевшую на одной нитке пуговицу сутаны. Затем остановился на коврике возле камина и, повернувшись спиной к огню, посмотрел на девушку, но в его глазах она ничего прочесть не смогла.

-- Конечно, я вам верю, -- задумчиво произнес он. -- Вы не похожи на лгунью, и сомневаюсь, чтобы вам известно было, что такое истерия. Однако в суде ваша история не была бы воспринята всерьез -- во всяком случае, в том виде, как вы поведали ее мне. Все это слишком похоже на выдумку. И вот что еще: конечно, все это позор и нарушение закона, всем это известно, но контрабанда широко распространена по всему графству, и половина мировых судей пользуется доходами от нее. Вас это шокирует, не правда ли? Но, уверяю вас, дело обстоит именно так. Будь закон строже, и надзора было бы больше, и тогда от небольшой шайки вашего дяди давно и следа бы не осталось. Мне приходилось пару раз встречаться с мистером Бассетом. Полагаю, что он честный малый, но, между нами, глуповат. Он готов долго говорить и угрожать, но на большее не способен. Не думаю, чтобы он стал распространяться о своей сегодняшней вылазке. В сущности, он не имел права врываться в трактир и учинять обыск. Ведь если

распространятся слухи, что он к тому же ничего не нашел, он станет посмешищем всей округи. Но одно я вам точно могу сказать: его визит наверняка напугал вашего дядю, и на время он утихомирится. Повозок в "Ямайке" долго теперь не будет. Думаю, в этом вы можете быть уверены.

Она-то надеялась, что, поверив ее рассказу, он придет в ужас. Он же не только не был потрясен, но воспринял все как самое заурядное дело. Наверно, он заметил на ее лице разочарование и продолжил:

-- Если хотите, я могу повидаться с мистером Бассетом и изложить ему вашу историю. Но пока он не поймает вашего дядю с поличным, пока в "Ямайку" не придут повозки, шансов разоблачить его мало. Вот что вы должны отчетливо себе представлять. Боюсь, что все это звучит малоутешительно, но положение создалось сложное со всех точек зрения. Вы ведь не хотите, чтобы ваша тетя оказалась замешанной в этом деле? Но я не представляю себе, как этого можно будет избежать, если дело дойдет до ареста.

-- Что же мне тогда делать? -- беспомощно произнесла Мэри.

-- На вашем месте я бы просто ждал, -- ответил он. -- Внимательно следите за вашим дядей и, когда появятся повозки, сразу сообщите мне, и мы вместе решим, как лучше поступить. Разумеется, в том случае, если вы мне доверяете.

-- А как быть с незнакомцем, который исчез? -- спросила Мэри. -- Ведь его убили! Я уверена в этом. Что же, так это и оставить?

-- Что же тут можно сделать? Разве что найдут его тело, а это весьма маловероятно, -- сказал викарий. -- Вполне возможно, что его вообще не убивали. Простите, но мне думается, что вы слишком дали волю своему воображению. Не забывайте, что вы видели всего лишь кусок веревки. Если бы вы собственными глазами видели этого человека мертвым или даже раненым, тогда другое дело.

-- Но я слышала, как дядя угрожал ему, -- настаивала Мэри. -- Разве этого мало?

-- Милое дитя, люди бросают друг другу угрозы чуть ли не каждый день, но их за это не вешают. Теперь послушайте-ка меня. Я ваш друг, и вы можете доверять мне. Если когда-нибудь вас что-то встревожит или обеспокоит, приходите ко мне и поведайте обо всем. Судя по сегодняшнему дню, длительные прогулки вас не страшат, а Олтернан всего в нескольких милях от вас, если идти по дороге. Если меня не окажется дома, Ханна всегда будет на месте и позаботится о вас. Ну как, договорились?

-- Очень вам благодарна, -- ответила Мэри.

-- Что же, теперь надевайте чулки и башмаки, а я пойду на конюшню

за двуколкой и отвезу вас в "Ямайку".

Мысль о возвращении была ей ненавистна, но приходилось мириться с ней. Главное -- не думать об этой уютной гостиной, освещенной мягким светом свечей, где так тепло и приятно от топившегося дровами камина, не сравнивать ее с холодной мрачной "Ямайкой" и ее собственной, крохотной, как чулан, комнатой над самым крыльцом и твердо помнить, что можно прийти сюда снова, если захочешь.

Ночь стояла ясная, звездная; тучи, затянувшие было небо на закате, рассеялись. Мэри устроилась на высоком сиденье коляски рядом с Фрэнсисом Дейви. На нем был черный плащ с бархатным воротником. Двуколку тянула не та лошадь, на которой он ездил по болотам, а крупный серый мерин, свежий и полный сил. Он резво взял с места. Поездка была странная и будоражащая. Ветер дул Мэри в лицо, колол глаза. Вначале дорога от Олтернана вела вверх по склону холма. Но как только они выбрались на столбовую дорогу, ведущую к Бодмину, священник подстегнул коня, и тот, прижав уши, понесся во весь опор.

Копыта стучали по твердой белой дороге, взметая клубы пыли. Мэри бросило в сторону и прижало к священнику, но он не сделал попытки сдержать лошадь. Взглянув на него, Мэри с удивлением заметила, какая странная улыбка играет на его губах.

-- Ну давай же, давай, -- кричал он, -- ты ведь можешь и побыстрей!

Голос его звучал низко и взволнованно, и казалось, что он говорит сам с собой. Мэри в замешательстве посмотрела на него: впечатление было странное и даже пугающее -- он словно перенесся в другое место, забыв о ее существовании.

Она впервые видела его в профиль. У него были четкие заостренные черты лица, на котором выделялся тонкий с горбинкой нос. Она никогда не встречала такого лица. Может быть, он выглядел так чудно оттого, что был альбиносом.

Подавшись вперед, широко расставив руки, в развевающемся по ветру плаще, он походил на птицу. Но вот он повернул голову, улыбнулся ей и снова стал обычным человеком.

-- Я люблю эти пустоши, -- сказал он. -- Конечно, ваше знакомство с ними началось неудачно, и вам трудно понять меня. Но если бы вы знали их так же хорошо, как я, видели их во всякую пору -- и зимой, и летом, -- вы бы тоже прониклись к ним любовью. Я не знаю других мест во всем графстве, которые так притягивали бы к себе. Мне кажется, они хранят в себе нечто от самого начала мироздания. Первыми были сотворены пустоши, затем леса, долины и море. Поднимитесь как-нибудь утром до

восхода солнца на Раф-Тор и прислушайтесь, как поет ветер в скалах. Тогда поймете, что я имею в виду.

Мэри вспомнился их хелфордский пастор -- маленький веселый человек с целым выводком детей, очень похожих на него. Его жена делала наливку из слив. На Рождество он всегда произносил одну и ту же проповедь, и прихожане, зная ее наизусть, могли подсказать ему с любого места. Она попробовала представить, о чем мог говорить Фрэнсис Дейви в своей церкви в Олтернани. О Раф-Торе, о том, как отражается свет в пруду у Дозмери?

Дорога привела их к лесистой ложбине, где протекала река Фауэй. Дальше начинался подъем, за ним лежала совершенно голая земля. Отсюда уже видны были высокие трубы "Ямайки", четко вырисовывавшиеся на горизонте. Поездка подходила к концу, и девушкой вновь овладели страх и отвращение к дяде. Священник остановил лошадь на поросшей травой обочине неподалеку от двора.

-- Никаких признаков жизни, -- тихо произнес он. -- Все будто вымерло. Хотите, я пойду посмотрю, не заперта ли дверь?

Мэри покачала головой.

-- Она всегда закрыта на засов, -- прошептала она, -- а окна закрыты ставнями. Моя комната вон там, над крыльцом. Я могу вскарабкаться туда, если вы подставите мне плечо. Дома мне приходилось забираться и повыше. Верхняя часть окна опущена. Мне бы только залезть на крышу крыльца, дальше все просто.

-- Вы можете поскользнуться на черепице, -- отвечал он. -- Я не пущу вас, это глупо. Разве нет другого пути? А если с черного хода?

-- Дверь в бар заперта, и на кухню тоже, -- ответила Мэри. -- Можно потихоньку обогнуть дом и проверить, если хотите.

Она повела его вокруг дома и вдруг, быстро обернувшись к нему, приложила палец к губам.

-- На кухне свет, -- прошептала Мэри. -- Стало быть, дядя там. Тетя Пейшнс уходит к себе всегда рано. На окне нет занавесок, и он нас увидит, если мы пройдем мимо.

Девушка плотно прижалась спиной к стене. Ее спутник знаком приказал ей не двигаться.

-- Хорошо, -- тихо проговорил он, -- я постараюсь заглянуть в окно так, чтобы он меня не увидел.

Он прошел вдоль стены и сбоку заглянул в окно. Несколько минут он молча рассматривал что-то внутри. Потом кивком головы подозвал Мэри к себе. На устах его вновь появилась жесткая улыбка. Под полями черной как

смоль шляпы лицо его выглядело неестественно бледным.

-- Этой ночью объяснений с хозяином "Ямайки" не предвидится, -- сообщил он.

Мэри подошла к окну. На кухне горела свеча, криво воткнутая в бутылку. Пламя металось от сквозняка -- дверь была настежь распахнута.

У стола, пьяный до бесчувствия, сидел Джосс Мерлин, развалившись на стуле и широко расставив свои ноги. Остекленевшие глаза его уставились на бутылку с оплывшей свечой. Шляпа была сдвинута на затылок. Другая бутылка с отбитым горлышком лежала на столе рядом с пустым стаканом. Камин потух.

Фрэнсис Дейви показал на дверь.

-- Можете спокойно войти и подняться наверх, -- произнес он. -- Дядя даже не увидит вас. Закройте за собой дверь и задуйте свечу. Вы же не хотите, чтобы случился пожар. Спокойной вам ночи, Мэри Йеллан. Если у вас будут неприятности и понадобится моя помощь, буду ждать вас в Олтернэне.

Он повернул за угол дома и исчез.

Мэри на цыпочках вошла на кухню, закрыла дверь и накинула крючок. Хлопни она громко дверью, дядя все равно не пошевелился бы. Он пребывал в своем царствии небесном, и мир вокруг больше для него не существовал. Задув свечу, она оставила его одного в темноте.

8

Джосс Мерлин пьянствовал пять дней. Большую часть времени он лежал в бесчувствии на постели, которую Мэри с тетей соорудили для него на кухне. Он спал с широко открытым ртом и храпел так, что было слышно в комнатах наверху. Часов в пять вечера он просыпался на каких-то полчаса, с воплем требовал бренди и рыдал, как ребенок. Жена тут же шла к нему, успокаивала и поправляла ему подушку. Она давала ему немного бренди, сильно разбавленного водой, и, поднося стакан к его губам, разговаривала с ним, как с больным дитятей. А он таращил на нее свои налитые кровью, лихорадочно блестящие глаза, что-то невнятно бормотал и дрожал, словно побитая собака.

Тетя Пейшнс совершенно преобразилась; она демонстрировала выдержку и присутствие духа, на которые Мэри не считала ее способной. Она полностью отдалась уходу за своим непутевым мужем, считая своим долгом делать для него все. Мэри же не могла заставить себя даже близко подойти к дяде и с чувством глубокого отвращения наблюдала, как тетя меняет ему постель и белье. Та же принимала все как должное, не обращая внимания на ругань и проклятия, которыми Джосс осыпал ее. Сейчас он

был полностью в ее власти и безропотно позволял ей класть себе на лоб полотенца, смоченные горячей водой, подтыкать одеяло, разглаживать спутанные волосы. Через несколько минут он засыпал вновь и храпел, как бык. Лицо его было багровым, рот широко открыт, язык вываливался наружу.

Жить на кухне было невозможно, и они с тетей перебрались в маленькую пустовавшую гостиную. Впервые тетя Пейшнс составила Мэри хоть какую-то компанию. Она с удовольствием болтала о давних временах в Хелфорде, когда они с сестрой были еще девчонками. Теперь тетя двигалась по дому быстро и легко, а, забегаая на кухню, возвращалась, тихо напевая старинные гимны.

Насколько Мэри могла понять, запои у Джосса Мерлина случались каждые два месяца. Раньше такое с ним бывало реже. Теперь же тетя Пейшнс не могла угадать, когда на него накатит. На сей раз запой был вызван визитом в трактир сквайра Бассета. Хозяин, как рассказала тетя, сильно рассердился и расстроился и, вернувшись в тот день домой около шести вечера, прямиком направился в бар. Тут уж она знала, чего ожидать.

Рассказ Мэри о том, как она заблудилась на болотах, не вызвал у тети особого интереса. Она заметила только, что топей следует опасаться. Мэри испытала большое облегчение, ей не хотелось вдаваться в подробности, и она твердо решила ничего не говорить о встрече со священником из Олтернана.

Джосс Мерлин лежал в забытьи на кухне, и обе они провели пять относительно спокойных дней.

Все это время стояла холодная и пасмурная погода, и выходить из дома не хотелось. На пятый день с утра ветер стих, выглянуло солнце, и Мэри решила забыть недавнее приключение и вновь бросить вызов болотам. В девять утра хозяин проснулся и сразу принялся дико орать. Его вопли, вонь из кухни, проникшая теперь в другие комнаты, и вид тети Пейшнс, которая поспешно спускалась по лестнице со свежим одеялом, вызвали в Мэри приступ ненависти и отвращения.

Стыдясь этих чувств, она выскользнула из дома, завернув в носовой платок сухарик, пересекла дорогу и направилась к пустошам. На сей раз она зашагала в сторону Восточного болота, к Килмару. Поскольку впереди был целый день, заблудиться она не боялась.

По пути Мэри продолжала размышлять о Фрэнсисе Дейви, этом странном священнике из Олтернана. Как мало он рассказал о себе; она же за один вечер выложила ему всю свою жизнь. Как чудно, должно быть, он выглядел, стоя подле мольберта у этого пруда в Дозмери. Она вновь

представила, как он с непокрытой головой в ореоле белых волос пишет свой пейзаж, а вверху выются налетевшие с моря чайки и камнем падают вниз, касаясь крыльями водяной глади. Так, наверное, выглядел пророк Илия в пустыне. Мэри гадала, что же побудило его избрать стезю священника, был ли он по душе прихожанам.

Приближается Рождество, и в Хелфорде, должно быть, уже украшают жилища ветками остролиста, омелы [Дикорастущий вечнозеленый кустарник с белыми цветами и ягодами. По старинной английской традиции, бытующей и поныне в сельских районах, влюбленный юноша вешал перед Рождеством ветку омелы у дверей дома любимой девушки, как бы испрашивая разрешение поцеловать ее. (Примеч. пер.)] и вечнозеленых кустарников, пекут много пирогов, готовят сладости, откармливают рождественских индюшек и гусей. А их маленький пастор в праздничной одежде добродушно взирает на труды и старания своей паствы. В канун праздника он, бывало, ездил после дневного чая в Треловарен отведать сливовой наливки. Интересно, Фрэнсис Дейви тоже украшает свою церковь остролистом и ниспосылает благословение своим прихожанам? Увы, одно ей было совершенно ясно: в "Ямайке" на Рождество веселья будет мало.

Минуло уже не меньше часа, и Мэри вышла к ручью. Он тек в долине меж холмов, прокладывая себе путь через болота. Разделившись на два рукава, ручей преградил Мэри дорогу, и она вынуждена была остановиться. Местность была ей незнакома. За гладкой зеленоватой поверхностью скалы, что высилась впереди, она увидела вдали высоко поднятую к небу пятерню Килмара. Снова девушка оказалась у Тревортской трясины, где бродила в ту, первую, субботу после своего приезда, но теперь она шла на юго-восток, и холмы, ярко освещенные солнцем, выглядели иначе. Ручей весело журчал по камням; чуть выше виднелась запруда; болота оставались слева. Легкий ветерок колыхал травинки, они дружно шелестели и будто вздыхали, а на фоне этой нежной зеленой травки резко выделялись островки жесткой, желтоватой, коричневой на концах, болотной травы. Они выглядели такими упругими и вполне надежными. Но ступи на них, они тут же уходили из-под ног в трясины, а на поверхность выступали синесерые струйки воды, вскипали пеной и затем чернели.

Мэри повернулась к болотам спиной и перешла через ручей. Стараясь держаться высокого места, она шла между холмов вдоль извилистого рукава ручья. Сквозь облака пробивались лучи солнца. Они высвечивали зеркала болот, которые остались уже позади. Одиноким кроншнеп задумчиво стоял у ручья, словно любясь своим отражением. Вдруг с молниеносной быстротой он метнулся в камыши, захлопал лапками по

жидкой грязи, потом, склонив головку набок и подобрав лапки, с печальным криком поднялся в воздух и полетел к югу.

Видно, птицу что-то испугнуло. Вскоре Мэри поняла, в чем дело. По склону холма проскакали вниз несколько лошадей. Они спешили прямо к ручью, на водопой. Животные сгрудились у воды, звонко стуча копытами о камни, размахивая хвостами.

Чуть поодаль, слева, она заметила ворота. Их створки были широко распахнуты и подперты камнями. Лошади, должно быть, примчались оттуда. От ворот шла узкая, разбитая, размытая дождями колея. Прислонясь к воротам, Мэри продолжала наблюдать за лошадьми. Краешком глаза она вдруг заметила человека, который с ведрами в руках шел по колее. Она собралась было двинуться дальше по склону холма, как вдруг человек замахал ведром и что-то прокричал ей.

Это был Джем Мерлин. Времени убежать не оставалось, и Мэри остановилась и подождала, пока он подойдет к ней. На нем была рубаша, которая, похоже, ни разу не стиралась, и заляпанные грязью, навозом, с прилипшим конским волосом, бриджи. На нем не было ни шапки, ни куртки. Лицо Джема покрывала густая щетина. Он смеялся, сверкая зубами, и был очень похож на своего брата, только двадцатью годами моложе.

-- Значит, ты отыскала-таки дорогу ко мне, -- сказал он. -- Не ждал я тебя так скоро, а то испек бы к твоему приходу свежего хлеба. Три дня не мылся и жил на одной картошке. Подержи-ка ведро.

И, не дожидаясь ответа, сунул ей ведро, спустился к воде, где резвились лошади.

-- Ну ты, здоровый черный дьявол! -- прикрикнул он. -- Назад, нечего мутить воду. Пошел отсюда!

Он огрел ведром по крупу вороного коня, и весь табун стремглав выскочил за ним из ручья и дал ходу.

-- Сам виноват, не закрыл ворота, -- объяснил он Мэри. -- Дай-ка второе ведро -- на той стороне вода почище.

Взяв ведро, он зачерпнул воды и, оглянувшись, широко улыбнулся.

-- А что бы ты стала делать, если б не застала меня дома? -- спросил он, утирая лицо рукавом.

Мэри не могла сдержать улыбки.

-- Я вовсе не знала, что ты здесь живешь, -- ответила она, -- и, уж конечно, не проделала бы весь этот путь только ради тебя. Знала бы -- свернула бы в другую сторону.

-- Не верю, -- заявил он. -- Ты и погулять-то пошла в надежде

встретить меня, нечего притворяться. И подросла ты в самый раз -- сготовишь мне обед. У меня есть кусок баранины.

Он повел ее по грязной тропинке к дому. За поворотом показался маленький серый домик, прилепившийся к склону холма. Позади находились сколоченные из грубых досок надворные постройки, а за ними виднелось картофельное поле. Из низкой трубы тонкой струйкой вился дым.

-- Очаг уже растоплен, и этот кусочек мяса быстро сварится. Стряпатьто ты, надеюсь, умеешь? -- спросил он.

Мэри смерила Джема взглядом.

-- Ты всегда так используешь людей? -- сказала она.

-- Такая возможность подворачивается нечасто, -- ответил он. -- Раз уж ты здесь, то можешь и пособить. С тех пор как умерла матушка, я стряпаю себе сам, ни одной женщины тут еще не было. Да заходи же.

Вслед за ним она вошла в дом, пригнув, как и он, голову под низкой притолокой.

Комната была маленькой и квадратной, вполтину меньше кухни в "Ямайке". В углу находился большой открытый очаг. На грязном полу валялись картофельные очистки, капустные кочерыжки, хлебные крошки. Все разбросано, навалено как попало, покрыто пеплом от сгоревшего торфа. Мэри растерянно озиралась.

-- Ты что, никогда здесь не прибираешь? -- спросила она. -- Превратил кухню в свинарник. Как не стыдно! Оставь мне ведро и поищи метлу. В такой грязи я есть не стану.

Не теряя времени, она взялась за работу. Все в ней, привыкшей к чистоте, восставало против этой грязи и беспорядка. Через полчаса на кухне было прибрано, пол сиял чистотой, мусор вынесен. Найдя в чулане глиняную посуду и рваную скатерть, Мэри принялась накрывать на стол. На огне стояла кастрюля с бараниной, картошкой и репой. Аппетитный запах распространился по дому, и в дверях появился Джем, потягивая носом, как голодный пес.

-- Придется, видно, нанять кухарку, -- заявил он. -- Может, оставишь свою тетю и переберешься ко мне хозяйничать?

-- Придется много платить, денег не хватит, -- отвечала Мэри.

-- До чего же скарედный народ эти женщины! -- сказал он, усаживаясь за стол. -- Денег они не тратят, а что с ними делают -- ума не приложу. Моя матушка была такой же. Всегда упрятывала монеты в старый чулок, только я их и видел. Ладно, поторапливайся с обедом, живот от голода подвело.

-- А ты нетерпелив, -- заметила Мэри. -- Ни слова благодарности за

мои труды. Не хватай же руками, горячо.

Она поставила перед ним дымящееся блюдо с бараниной. Джем аж причмокнул.

-- Видать, кое-чему тебя там, дома, научили, -- заявил он. -- Я всегда говорил, что женщинам от природы дано умение делать две вещи, одна из них -стряпня. Принеси-ка кувшин с водой, он во дворе.

Мэри уже налила в кружку воды и молча придвинула к нему.

-- Мы все родились здесь, в комнате наверху, -- кивнул он головой на потолок. -- Когда я еще цеплялся за материнскую юбку, Джосс и Мэт были уже здоровенными парнями. Отца приходилось видеть нечасто, но когда он бывал дома, тут уж держись. Как-то раз он бросил в мать ножом и рассек ей бровь. У нее по лицу лилась кровь. Я перепугался, убежал и спрятался в углу за очагом. Мать ничего не сказала, только промыла глаз водой и стала подавать отцу ужин. Она была смелой женщиной, надо отдать ей должное. Хотя говорила она с нами мало и не очень-то сытно кормила. Меня считали ее любимчиком, поскольку я был младшим, и братья частенько колотили меня за ее спиной. Но они и между собой не очень ладили, дружбы в нашей семье вообще не было. Я видел, как Джосс избивал Мэта так, что тот уже на ногах не мог держаться. Мэт был каким-то чудным -- тихоня, вроде матери. Он потонул там, на болотах. Кричи не кричи, здесь тебя никто не услышит, разве что птицы да лошади. Однажды я сам так чуть не пропал.

-- А давно твоей матушки не стало? -- спросила Мэри.

-- На Рождество семь лет будет, -- ответил он, уплетая баранину. -Отца повесили, Мэт утонул, Джосс взял да уехал в Америку, а я рос без присмотра, как звереныш. Мать сделалась совсем уж набожной, молилась часами, взывая к Господу. Не смог я этого вынести и смылся отсюда. Какое-то время мотался на шхуне из Падстоу, но морская жизнь не по мне. Вернулся домой; мать была уже худой, как скелет. "Ты должна больше есть", -- говорил я ей, но она не слушалась. Я снова уехал, поболтался немного в Плимуте, делал за пару шиллингов, что придется. Вернулся сюда как-то к рождественским праздникам, прямо к обеду, но нашел дом брошенным и закрытым. Чуть не спятил от голода, ведь целые сутки не ел. Пошел в Норт-Хилл и там узнал, что мать померла три недели назад и ее похоронили. А я тащился из самого Плимута. Вот тебе и весь рождественский обед. Там в шкафу позади тебя есть кусок сыру. Могу дать тебе половину. В нем, правда, завелись черви, но вреда от них не будет.

Мэри покачала головой и предоставила ему самому лезть за сыром.

-- Что это ты? -- удивился он. -- У тебя вид, как у захворавшей телки. Неужто бараниной объелась?

Мэри смотрела, как он, сев на место, положил кусок высохшего сыра на черствый хлеб.

-- Скорей бы в Корнуолле не осталось ни одного Мерлина, -- сказала она. -- Вы хуже чумы. Вы с братом с рождения дурные. Ты никогда не задумывался, что должна была выстрадать твоя мать?

Не донеся руки до рта, Джем взглянул на нее с удивлением.

-- Да матушка была вроде ничего, -- ответил он. -- Она никогда не жаловалась, отдавала нам все силы. Замуж-то она вышла в шестнадцать лет, и страдать ей было некогда. Через год родился Джосс, а потом Мэт. Она лишь ими и занималась. Только они подросли, как родился я. Ведь я последыш. Своим рождением я обязан тому, что отец напился на ярмарке в Лонстоне, продав трех краденых коров. Так-то вот, а то не сидел бы я сейчас перед тобой. Поддай-ка мне кувшин.

Мэри закончила есть, поднялась и молча убрала со стола.

-- Ну, как там хозяин "Ямайки"? -- спросил ее Джем, раскачиваясь на стуле и глядя, как Мэри моет посуду.

-- Все пьянствует, как ваш папаша, -- сухо ответила она.

-- Это его погубит, -- серьезно заметил Джем. -- Он надирается до бесчувствия и валяется, как бревно, по нескольку дней. Как-нибудь так вот и сдохнет, чертов дуралей. Который это у него день?

-- Пятый.

-- Ну, для Джосса это еще ничего. Он и неделю проваляется, дай ему волю. Потом очухается, подыметесь, еле на ногах стоит, как новорожденный теленок, а рот у него весь черный, будто болотная жижа. Но вот как из него начнет выходить хмель, тут он звереет. Тогда держись от него подальше.

-- Меня он не тронет, уж об этом я позабочусь, -- ответила Мэри. -- У него появилось теперь немало других хлопот.

-- Да будет тебе тень на плетень наводить, -- сказал он. -- Чего это ты так важно киваешь и губы поджала? Что, в "Ямайке" что-нибудь стряслось?

-- Ну, это как посмотреть, -- ответила Мэри, вытирая тарелку и украдкой наблюдая за ним. -- Мистер Бассет из Норт-Хилла побывал у нас на прошлой неделе.

Джем с шумом опустил на стуле.

-- Черт побери! -- воскликнул он. -- Ну и что же сказал вам сквайр?

-- Дяди Джосса дома не было, -- начала рассказывать Мэри, -- и мистер Бассет настоял на том, чтобы войти в трактир и осмотреть помещение. Он и его слуга взломали дверь в комнату, что в конце коридора, но ничего в ней не нашли. Сквайр был весьма удивлен и раздосадован и ускакал в бешенстве. Между прочим, он спрашивал про тебя, но я сказала, что в глаза

тебя не видела.

Тихо насвистывая, Джем с равнодушным видом слушал ее рассказ. Когда же она упомянула его имя, глаза Джема сузились. Потом он рассмеялся.

-- А зачем ты соврала ему? -- спросил он.

-- Мне показалось, что так будет лучше, -- ответила Мэри. -- Подумай я хорошенько, наверняка сказала бы ему правду. Ведь тебе нечего от него скрывать?

-- Нечего, если не считать вороного, что ты видела у ручья, -- он принадлежит сквайру, -- обронил Джем. -- Он встал ему в копеечку, и он сам вырастил его. На прошлой неделе этот конь был еще серым в яблоках. Если повезет, я смогу выручить за него несколько фунтов в Лондоне. Пошли, сама посмотришь.

Они вышли на воздух. Светило солнце. Вытерев руки о передник, Мэри остановилась на пороге, а Джем направился к лошадям. Дом его стоял на склоне холма над ручьем Уити-Брук, который бежал, извиваясь, по долине и терялся где-то за дальней грядой. За домом простиралась широкая равнина, по обе стороны обрамленная высокими холмами. Этим зеленым лугам, где было раздолье скоту, не видно было ни конца ни края, лишь скалистая громада Килмара вставала у самого горизонта. Это, видимо, и было место, зовущееся болотом Дюжины Молодцов. Мэри представила себе маленького Джосса Мерлина с копной волос, падавшей на глаза челкой. Вот он выбегает из дома; на пороге суровая одинокая фигура матери. Сложив руки на груди, она с тревогой следит за сыном. Должно быть, стены этого небольшого дома вместили в себя целый мир скорби и молчания, горечи и гнева...

Послышались гиканье и стук копыт, и из-за угла дома к ней подскакал Джем верхом на вороном.

-- Вот какого молодца я бы выбрал для тебя, -- сказал он, -- но ведь ты крепко держишься за свои денежки. А он бы славно служил тебе. Сквайр вырастил его специально для своей жены. Ты не передумала?

Покачав головой, Мэри рассмеялась.

-- Ты что же, хочешь, чтобы я держала его на конюшне в "Ямайке", - ответила она, -- и чтобы мистер Бассет увидел его, когда заедет следующий раз? Спасибо тебе за заботу, но я рисковать не стану. Я уже достаточно врала ради вашей семейки, Джем Мерлин.

Лицо Джема вытянулось, и он соскочил на землю.

-- Ты упускаешь самую выгодную в своей жизни сделку, -- заявил он. - Такого случая тебе больше не представится. В сочельник поеду с ним в

Лонстон, там перекупщики оторвут его с руками. -- Джем хлопнул коня по крупу. -- Пошел отсюда, -- приказал он.

Испуганный вороной рванул вниз, к пруду. Джем сорвал травинку и стал жевать ее, искоса поглядывая на Мэри.

-- Интересно, а что надеялся найти в "Ямайке" сквайр Бассет? -- спросил он.

Девушка посмотрела ему прямо в глаза.

-- Тебе это, должно быть, лучше известно, -- ответила она.

В задумчивости Джем продолжал жевать травинку, сплевывая на землю.

-- А тебе-то что известно? -- резко спросил он, отшвырнув стебелек.

Мэри пожала плечами.

-- Я пришла сюда не для того, чтобы отвечать, как на допросе. Довольно с меня мистера Бассета, -- заметила она.

-- Джоссу повезло, что товар успели переправить, -- спокойно сказал Джем. -- Говорил я ему на прошлой неделе, что он перегибает палку. Его точно схватят за руку -- это вопрос времени. А он только и способен, что напиться, когда надо думать, как бы не попасться, дурак проклятый!

Мэри промолчала. Если Джем играет в откровенность, пытаясь подловить ее, он просчитался.

-- Наверное, из твоей комнатухи над крыльцом все хорошо видно? -- продолжал он. -- Кажется, они нарушают твои ночные грезы?

-- А откуда ты знаешь, что это моя комната? -- быстро спросила Мэри.

Вопрос застал Джема врасплох, в его глазах заметно было смущение. Потом он рассмеялся и сорвал стебелек травы.

-- Когда я приезжал к вам, то заметил, как ветер колышет там штору. Прежде я никогда не видел, чтобы в "Ямайке" открывали окна.

Объяснение выглядело вполне правдоподобным, но не настолько, чтобы Мэри могла поверить. Страшное подозрение закралось ей в душу. А не был ли Джем тем самым таинственным незнакомцем, который прятался в ту субботнюю ночь в комнате для гостей? Мэри вся похолодела.

-- Почему ты так скрытничаешь? -- спросил Джем. -- Думаешь, я пойду к братцу и скажу ему: "Послушай, эта твоя племянница распускает язык"? Черт побери, Мэри, ты же не слепая и не глухая. Даже ребенок, проживи он месяц в "Ямайке", почует что-то неладное.

-- Что ты пытаешься вытянуть из меня? -- спросила Мэри. -- Какое тебе дело до того, что мне известно? Меня беспокоит лишь одно: как поскорей вытащить оттуда тетю. Об этом я тебе уже говорила, когда ты наведывался в трактир. Уговорить ее удастся не сразу, но надо набраться

терпения. Что до твоего брата, то пусть он упьется хоть до смерти -- мне наплевать. Ему решать, как распорядиться своей жизнью, я тут ни при чем.

Джем присвистнул и подкинул ногой камешек.

-- Стало быть, ты не считаешь контрабанду таким уж страшным преступлением? -- произнес он. -- Пусть мой брат набивает себе все комнаты в "Ямайке" бочонками с бренди и ромом, а ты и слова не проронишь? Ну а что, как он замешан в других делах, от чего зависит жизнь людей? Или в убийстве? Что тогда?

Он повернулся и внимательно поглядел на нее. Было видно, что на этот раз он не шутил; его беззаботной и насмешливой манеры как не бывало, глаза смотрели серьезно. Но что скрывалось за этим взглядом, она не могла понять.

-- Не знаю, о чем это ты, -- сказала Мэри.

Он долгое время, молча и испытующе, смотрел на нее. Похоже было, ему хотелось прочесть на ее лице ответ на мучивший его вопрос. Всякое сходство с братом вдруг исчезло. Джем казался тверже и вроде бы старше -- это был совсем другой человек.

-- Может, ты и вправду не знаешь, -- проговорил он наконец, -- но еще узнаешь, если поживешь там подольше. Почему твоя тетушка выглядит как сущее привидение, можешь мне сказать? Спроси у нее, как только ветер снова подует с северо-запада. -- И, засунув руки в карманы, он снова принялся тихо насвистывать.

Мэри молча глядела на него. Говорил он загадками, и непонятно было, хотел он напугать ее или нет. Она уже привыкла думать о Джете как о конокраде -- беспечном малом, вечно без гроша в кармане. Но вот он представился ей в совершенно ином свете, и она не была уверена, нравится ли он ей таким.

Джем вновь коротко рассмеялся и пожал плечами.

-- Однажды мы с Джоссом схватимся, и пожалеть об этом придется ему, а не мне, -- сказал Джем.

С этими загадочными словами он повернулся па каблуках и отправился на пустошь ловить лошадей. Накинув на плечи платок, Мэри задумчиво смотрела ему вслед.

Значит, ее первая догадка была правильной, за контрабандой крылось кое-что посерьезнее. Незнакомец в баре говорил об убийстве, а теперь эти слова повторил Джем. И вовсе она не дуручка и не истеричка, что бы там ни думал священник из Олтернана.

Какую роль играл во всем этом Джем Мерлин, сказать было трудно, но, несомненно, он имел к этому какое-то отношение. И если тогда именно

он спускался украдкой по ступенькам вслед за дядей, то мог знать, что в эту ночь она выходила из своей комнаты и, спрятавшись, подслушивала их разговор. В таком случае он не хуже других должен был помнить о веревке, оставшейся висеть в баре, и догадаться, что она тоже видела ее, когда он и трактирщик ушли.

Если Джем был тем самым человеком, то понятно, почему он задал ей все эти вопросы. "А тебе-то что известно?" -- ведь так он спросил. Но она ему ничего не сказала.

Разговор с Джемом безнадежно испортил ей настроение. Мэри захотелось поскорее уйти, отделаться от него, остаться наедине со своими мыслями. Она стала медленно спускаться с холма к Уити-Брук.

Мэри уже дошла до запруды, когда услышала за спиной быстрые шаги Джема. Он обогнал ее и загородил дорогу. Небритый, в засаленных и заляпанных грязью бриджах он походил на бродягу цыгана.

-- Куда это ты собралась? -- спросил он. -- Рано еще, до четырех не стемнеет. Я провожу тебя до дороги на Рашифорд. Да погоди, что с тобой? - Он взял ее за подбородок и заглянул в лицо. -- Ты вроде как боишься меня? -спросил он. -- Вообразила, наверное, что у меня там в комнатенках наверху спрятаны бочонки с бренди и мешки, полные табаку, и что я их тебе покажу, а потом тебя прирежу. Мол, мы, Мерлины, народ отпетый, а Джем хуже всех. Ведь так?

Сама того не желая, она невольно улыбнулась в ответ.

-- Что-то вроде этого, -- призналась Мэри. -- Но я тебя вовсе не боюсь, напрасно ты так думаешь. Ты бы мог даже понравиться мне, если бы не был так похож на своего брата.

-- Ничего не могу поделать со своей рожей, -- заявил он. -- К тому же я куда симпатичнее Джосса, ты не находишь?

-- Да уж, твое самомнение с лихвой перекрывает все прочие твои недостатки, -- согласилась Мэри, -- и красоты тебе не занимать. Любой девушке разобьешь сердце. А теперь я пойду, до "Ямайки" путь недалек, а снова заблудиться на болотах я не хочу.

-- А когда это ты заблудилась? -- спросил Джем.

Мэри слегка нахмурилась; она пожалела о своей обмолвке.

-- На днях я отправилась в полдень прогуляться в сторону Восточного болота, -- сказала она. -- Туман опустился рано, и я долго плутала, пока не нашла дорогу назад.

-- Бродить так в одиночку -- большая глупость, -- заявил он. -- Между "Ямайкой" и Раф-Тором есть такие места, что могут поглотить целое стадо, не говоря уж о тростинке вроде тебя. И вообще, это не дело для женщины.

Зачем тебе понадобилось идти туда?

-- Хотелось размять ноги, я несколько дней просидела взаперти.

-- Ладно, Мэри Йеллан, в следующий раз, когда захочешь размять ноги, приходи опять сюда. Иди по левой стороне болота, как сегодня, и не ошибешься. А поедешь со мной в Лонстон в сочельник?

-- А что ты собираешься делать там, Джем Мерлин?

-- Только вот продам за мистера Бассета его лошадку. А тебе, моя милая, зная норы моего братца, советую держаться подальше от "Ямайки". Он как раз начнет приходить в себя после запоя, и тут жди неприятностей. В "Ямайке" уже привыкли к тому, что ты шатаешься по болотам, и на твое отсутствие никто не обратит внимания. А к ночи я доставлю тебя домой. Ну скажи, что придешь, Мэри!

-- А что как тебя поймают в Лонстоне с лошастью Бассета? Окажешься в дураках, да и я тоже, коли меня упрячут в тюрьму вместе с тобой.

-- Никто меня не поймает, во всяком случае в этот раз. Ну, наберись смелости, Мэри. Неужто тебе не хочется поразвлечься? Ты так дрожишь за свою шкуренку, что и рискнуть боишься? Ну и робкий же народ родится в Хелфорде.

Мэри сразу же попалась на эту удочку.

-- Ладно, Джем Мерлин, не думай, что я трушу. Лучше уж попасть в тюрьму, чем жить в "Ямайке". А как мы доберемся до Лонстона?

-- Поедем в моей повозке, а сзади привяжем вороного. Ты знаешь дорогу через болота до Норт-Хилла?

-- Нет.

-- Ноги сами тебя приведут. Пройдешь с милю по столбовой дороге, возьмешь вправо и доберешься до прохода в ограде на вершине холма. Прямо перед тобой будет утес Кэрей-Тор, а позади справа -- Хокс-Тор. Если пойдешь дальше все время прямо, не заблудишься. А я встречу тебя по пути. Придется ехать вдоль пустоши, в сочельник по большой дороге не проедешь.

-- А когда мне выйти?

-- Подождем, пока в Лонстоне соберется побольше народу; часикам к двум улицы заполнятся. Можешь выходить из "Ямайки" часов в одиннадцать.

-- Ничего твердо не обещаю. Если меня долго не будет, то не жди. Не забывай, что я могу понадобиться тете Пейшнс.

-- Ну да, давай, придумывай себе оправдание.

-- Я знаю, где перейти ручей, -- сказала Мэри, -- не ходи со мной дальше. Сама найду дорогу. Надо ведь идти по бровке этого холма?

-- Мое почтение хозяину. Скажи ему, что Джем, мол, надеется, что он смягчился и не сквернословит, как раньше. Да, спроси его, не желает ли он, чтобы я повесил букетик омелы у входа в "Ямайку". Смотри, не свались в воду. Хочешь, я перенесу тебя через запруду, а то ноги промочишь?

-- Да хоть по пояс окунись, это мне не повредит. Всего тебе хорошего, Джем Мерлин.

Мэри смело шагнула в быстрый ручей. Однако ей пришлось приподнять подол юбки. Джем рассмеялся, но она уже перешла на другой берег, зашагала по направлению к холму, так и не обернувшись, чтобы махнуть рукой на прощание.

"Попробовал бы он помериться силой с парнями с юга, -- подумала она, - хотя бы, к примеру, из Хелфорда, Гвика или Мэнэкэна. А в Константине жил один кузнец, который мог бы уложить его одним пальцем. Чем гордится этот Джем Мерлин? Конокрад, заурядный контрабандист, мошенник, а может быть, и убийца. Превосходные мужчины рождаются на этих болотах, сразу видно! Однако его она нисколько не боится и докажет это: вот возьмет и поедет с ним на сочельник в Лонстон!"

Уже надвигались сумерки, когда она пересекла дорогу и вошла во двор "Ямайки". Как обычно, дверь была заперта на засов, окна наглухо закрыты ставнями. Трактир выглядел мрачным и необитаемым. Она обогнула дом и постучалась в дверь кухни. Тетя тотчас открыла. Она выглядела бледной и взволнованной.

-- Дядя спрашивал о тебе целый день, -- сообщила она. -- Где ты была? Сейчас почти пять, а ушла ты с утра.

-- Гуляла на болотах, -- ответила Мэри. -- Не думала, что я тут нужна. С чего это дядя Джосс заинтересовался мной?

Не без испуга она посмотрела в угол кухни, где стояла его постель. Дяди не было.

-- Куда он ушел? -- спросила Мэри. -- Ему полегче?

-- Он захотел посидеть в гостиной, -- сообщила тетя. -- Сказал, что на кухне ему надоело. С полудня сидит там у окна и тебя высматривает. Постарайся сейчас угодить ему, Мэри, разговаривай с ним учтиво и не перечь. Очень уж с ним тяжело, как он начинает приходить в себя... Силы к нему возвращаются, и он становится своенравным и вспыльчивым. Будь поосторожнее в разговорах с ним, хорошо, Мэри?

Перед ней была прежняя тетя Пейшнс; она нервно подергивала руками и жевала ртом, беспрестанно оглядывалась назад. На нее было жалко смотреть, и Мэри разволновалась сама.

-- И зачем это вдруг я ему понадобилась? -- переспросила она. -- Он ведь никогда не находит, о чем поговорить со мной. Что ему может быть нужно?

Тетя Пейшнс часто моргала, губы ее привычно подрагивали.

-- Это просто его причуда, -- ответила она. -- Он все что-то бормочет и разговаривает сам с собой; тебе не нужно обращать внимания на то, что он говорит в такие минуты. Он в самом деле сам не свой. Пойду скажу ему, что ты дома.

Она направилась по коридору в гостиную.

Мэри подошла к кухонному столу и налила себе стакан воды. В горле у нее пересохло, руки дрожали. "Какая я дура", -- подумала она. Только что на болотах, казалось, ничто не могло ее испугать, но стоило ей очутиться в трактире, как мужество покинуло ее, она затрепетала и занервничала, как ребенок.

Тетя Пейшнс вернулась.

-- Он успокоился, -- прошептала она. -- Задремал в кресле. Теперь может проспать до вечера. Мы поужинаем с тобой, чтобы пораньше покончить с этим. Для тебя есть кусок холодного пирога.

У Мэри пропало всякое желание есть, она с трудом глотала. После второй чашки горячего чая она отодвинула тарелку. Обе молчали. Тетя Пейшнс все время пугливо поглядывала на дверь. Когда с ужином было покончено, она молча убрала со стола. Мэри подбросила немного торфа в огонь и подсела к очагу. Поднимавшийся вверх горьковатый сизый дым ел глаза; тепла же почти не прибавилось.

Вдруг из холла донеслось хриплое надсадное дыхание часов. В тревожной тишине дома грозно раздалось шесть ударов. Мэри слушала с замиранием сердца. Казалось, прошла целая вечность, пока не отзвучал, гулко прокатившись по всему дому, последний удар. Медленное тикание часов продолжалось, и из гостиной не доносилось больше ни звука. Мэри вздохнула свободнее. Тетя Пейшнс сидела у стола, низко наклонив голову, и при свете свечи пыталась вдеть нитку в иголку. Поглощенная своим занятием, она сжала губы и наморщила лоб.

Длинный вечер подходил к концу, а в гостиной по-прежнему стояла мертвая тишина. Голова Мэри отяжелела, глаза слипались. Сквозь дрему она слышала, как тетя тихо отодвинула стул и положила свое шитье в шкаф, а потом прошептала над ее ухом:

-- Я пошла спать, дядя теперь уже не проснется. Должно быть, он устроился там на ночь, тревожить его не стану.

Мэри пробормотала что-то в ответ; из коридора слышались легкие

шаги и скрип ступенек, дверь наверху тихо закрылась.

Девушка чувствовала, как все больше проваливается в сон, голова ее опустилась на грудь. Мерное покачивание маятника превращалось в ее сознании в звук тяжелых медленных шагов: раз... два... раз... два... Шаги следовали один за другим. Мэри видела во сне болота и журчащий ручей. Она шла, и ноша на ее плечах была непомерно тяжелой... Если бы она могла опустить ее хоть ненадолго и прилечь на берегу, отдохнуть, уснуть... Ей было очень холодно, ноги насквозь промокли. Надо бы взобраться повыше, подальше от воды...

Очаг совсем погас. Мэри открыла глаза и обнаружила, что лежит на полу рядом с кучкой белого пепла. На кухне было холодно и темно -- свеча еле горела. Она зевнула, ежась от холода, вытянула вперед онемевшие руки и, подняв глаза, вдруг увидела, как дверь на кухню тихо и медленно открывается.

Опершись руками о пол, она замерла в испуге. Минуло несколько мгновений, но ничего не произошло. Дверь опять слегка приоткрылась и вдруг распахнулась настежь, громко ударив о стену. Вытянув перед собой руки и покачиваясь, на пороге вырос Джосс Мерлин.

Вначале девушка подумала, что он не видит ее. Уставясь в стену прямо перед собой, Джосс замер, словно не решаясь войти. Он стоял, не издавая ни звука. Мэри казалось, что в наступившей тишине слышно, как громко стучит ее сердце, и она низко пригнула голову. От Джосса ее отделял кухонный стол. Дядя медленно повернулся и некоторое время молча смотрел в ее сторону. Когда он наконец заговорил, голос его звучал хрипло и напряженно, еле слышно.

-- Кто здесь? -- спросил он. -- Что ты тут делаешь? Почему не отвечаешь?

Его бледное лицо было похоже на серую маску, налитые кровью глаза смотрели, не узнавая. Мэри затаилась.

-- Убери нож, -- прошептал он, -- убери, тебе говорю!

Мэри скользнула рукой по полу и коснулась кончиками пальцев ножки стула, но ухватиться за нее не смогла -- ей было не дотянуться. Боясь пошевеливаться, она затаила дыхание. Нагнув голову и растопырив руки, Джосс вошел в кухню и стал красться к ней вдоль стены. Мэри следила за его руками: вот они на расстоянии ярда от нее, вот она уже чувствует его дыхание...

-- Дядя Джосс, -- тихо произнесла она, -- дядя Джосс...

Он глянул вниз, потом низко склонился к ней и коснулся пальцами ее волос и лица.

-- Мэри... -- сказал он, -- это ты, Мэри? Почему не отвечаешь? А куда ушли те? Ты их видела?

-- Вы ошиблись, дядя Джосс, -- успокоила она его, -- здесь никого нет, я одна. Тетя Пейшнс наверху. Вам плохо? Помочь вам?

Он оглядывал полутемную комнату, высматривая что-то в углу.

-- Им меня не испугать, -- шептал он. -- Мертвые не причиняют вреда. Их нет, они -- как сгоревшая свеча. Правда, Мэри?

Она кивнула, наблюдая за его взглядом. Он дотянулся до стула и сел, положив руки на стол, тяжело вздохнул и облизал губы.

-- Это сны, -- сказал он, -- это все сны. Из темноты возникают лица, совсем как живые, и я просыпаюсь весь в поту. Мне хочется выпить, Мэри. Вот ключ, сходи в бар и принеси мне бренди. -- Он порылся в кармане и вытащил связку ключей. Мэри взяла их дрожащими руками и выскользнула из кухни в коридор. На мгновение она замешкалась в раздумье, не подняться ли ей потихоньку в свою комнату, запереться там на ключ и оставить его одного на кухне наедине со своим бредом. На цыпочках она стала продвигаться вдоль коридора к холлу. Вдруг из кухни донесся его крик:

-- Куда это ты идешь! Я сказал тебе принести бренди из бара.

Она услышала, как он с шумом отодвинул стул. Поздно! Открыв дверь бара, Мэри нащупала в буфете бутылку бренди. Когда она вернулась на кухню, Джосс по-прежнему сидел у стола, уронив голову на руки. Сначала она подумала, что он вновь заснул, но при звуке ее шагов Джосс поднял голову, оперся на руки и откинулся на спинку стула. Мэри поставила перед ним бутылку и стакан. Наполнив стакан наполовину, он взял его обеими руками и стал смотреть на нее.

-- Ты хорошая девчонка, -- сказал он, -- и нравишься мне. Ты, Мэри, сообразительная и смелая и можешь быть хорошей подружкой любому мужчине. Тебе следовало бы родиться мальчишкой.

Он потихоньку смаковал бренди и, глупо улыбаясь, подмигнул ей и погрозил пальцем.

-- Там, на севере, за это бренди платят золотом, -- произнес он. - Лучшего бренди не бывает. В погребах самого короля Георга нет такого бренди. А много ли плачу я? Ни пенса. В "Ямайке" мы пьем задаром. -- Он рассмеялся и показал ей язык. -- Трудное это дело, Мэри. Настоящее мужское дело. Я подставлял свою шею не один десяток раз. За мной гнались по пятам, пули свистели над самым ухом. Только не поймать им меня, Мэри. Слишком я хитер и давно этим занимаюсь. До приезда сюда я работал в порту Пэдстоу. Раз в две недели в пору весенних приливов мы

ходили на люгере. Тогда со мной было еще пятеро. Но на мелком деле не зарабатываешь. Нужны крупные сделки, большие заказы. Сейчас нас больше сотни, и обеспечиваем мы все районы -- от границы аж до самого побережья. Клянусь богом, Мэри, мне пришлось немало видеть крови на своем веку. Десятки раз видел, как убивают людей. Но теперешнее дело похлеще будет: это как бег наперегонки со смертью.

Он поманил ее к себе, вновь подмигнул и посмотрел на дверь.

-- Сядь ко мне поближе, -- прошептал он, -- чтобы я мог спокойно поговорить с тобой. Как я вижу, ты девка с характером и не из трусливых, не то что твоя тетя. Нам с тобой надо работать вместе.

Он схватил Мэри за руку и заставил сесть на пол рядом с собой.

-- От этой проклятой пьянки я дурею, -- сказал он. -- Сама видишь, становлюсь слабым, как мышь. И мне снятся сны... кошмары. Мерещатся вещи, которых я ничуть не боюсь, когда трезв. Тысячу проклятий, Мэри! Я убивал людей собственными руками, топил их, забивал камнями и никогда после не вспоминал об этом. Как дитя, спокойно спал по ночам. Но стоит мне напиться, как я все вижу во сне... их серые лица... они таращат на меня глаза, изъеденные рыбами... тела их растерзаны, мясо отстает от костей, в волосах морские водоросли... Была там и женщина, Мэри. Она цеплялась за спасательный плот, волосы ее разметались по спине, в руках она держала ребенка. Понимаешь, их корабль сел у берега на скалы. Все они могли бы выбраться живыми, все до единого. Ведь вода местами не доходила и до пояса. Она кричала мне, молила о помощи, а я ударил ее по лицу камнем, она упала навзничь, пыталась ухватиться за край плота, потом выпустила ребенка из рук, и я снова ударил ее. Они утонули на глубине в четыре фута. Мы тогда здорово перепугались, боялись, что кто-то все же выберется на берег... Впервые не рассчитали время прилива. Еще полчаса, и они смогли бы посуху дойти до берега. Нам пришлось забить камнями всех до единого, Мэри. Им перебили руки и ноги, и они пошли ко дну, как та женщина с ребенком, хотя вода не доходила и до плеч. Они потонули потому, что мы забрасывали их валунами и булыжниками, пока они могли стоять...

Он вплотную придвинулся к ней, впился глазами в ее лицо. Она видела каждую красную прожилку, чувствовала его дыхание на щеке.

-- Тебе не приходилось прежде слышать о грабителях судов, потерпевших крушение? -- шепотом спросил он.

В коридоре часы пробили час ночи, и их удар прозвучал, как звук гонга, возвещавшего о начале суда. Оба замерли. В комнате стоял холод, камин совсем погас, из приоткрытой двери сильно сквозило. Желтое пламя свечи то затухало, то вспыхивало вновь. Он взял ее за руку. Она

безжизненно лежала у него в ладони. Джосс, вероятно, заметил на лице Мэри выражение ужаса, потому что сразу отпустил ее руку и отвернулся. Теперь он уставился на пустой стакан и принялся барабанить пальцами по столу.

Скрючившись, сидя на полу подле него, Мэри следила, как по его руке ползет муха. Вот она пробралась по коротким черным волосам, вздувшимся венам и по костяшкам и поползла к концам длинных тонких пальцев. Тут девушке вспомнилось, как быстро и ловко двигались эти пальцы, когда он нарезал для нее хлеб в тот первый вечер после ее приезда. Наблюдая теперь, как эти пальцы барабанят по столу, Мэри живо представила, как они ухватывают острый камень и с размаху запускают его в человеческую плоть.

Трактирщик вновь повернулся к ней лицом и, кивнув в сторону часов, заговорил хриплым шепотом:

-- Их бой звучит у меня в ушах. Когда недавно пробило час, мне почудилось, что зазвонил колокол на бакене у входа в залив. Я слышал бой этого колокола, разносимый западным ветром. Бом... бом... бом... Будто звонят по мертвым. Я и во сне слышу этот звон. И этой ночью я слышал его тоже. Какой заунывный, похоронный звон! Он вынимает из тебя всю душу, жутко делается. Так вот, нужно подплыть на лодке и обернуть язык колокола фланелью, тогда он умолкает. Представь себе, как темной ночью, когда над водой стелется густой туман, кругом мгла и ни зги не видно, какое-нибудь судно пытается найти фарватер и рыщет, как гончая, но колокольного звона не слышать. И тогда оно входит в залив, пробираясь сквозь туман, и налетает прямо на скалы. Удар, судно все содрогается, и прибой настигает его. А мы уже поджидаем поблизости.

Он потянулся к бутылке, медленно налил себе в стакан, понюхал и попробовал на язык, затем сделал глоток.

-- Доводилось тебе видеть мух, попавших в банку с патокой? -- спросил он. -- Вот и люди так: пытаюсь спастись, грудятся у тросов, строп, цепей, цепляются за снасти, кричат от страха, когда накатывает приливная волна. Облепят реи, как мухи. Глянешь с берега -- ну точь-в-точь черные мухи. Я видел однажды, как корабль раскололся под ними, мачты рухнули, и ванты полопались, как нитки. Людей сбросило в море, и они что было сил поплыли к берегу. Но там, Мэри, их поджидала смерть.

Он отер рот тыльной стороной ладони и уставился на нее.

-- Мертвые ничего не расскажут, Мэри, -- заключил он.

Его лицо приблизилось к ней, потом вдруг расплылось и пропало. Мэри чудилось, что она не стоит больше на коленях, ухватившись руками

за ножку кухонного стола; что она снова была ребенком и бежала рядом с отцом по скалам за Сент-Кеверном. Отец подхватил ее и усадил себе на плечи. С ними бежали другие мужчины и что-то громко кричали. Кто-то показывал рукой в сторону видневшегося вдалеке моря. Прижавшись к отцу, она смотрела на белый корабль, похожий на огромную птицу. Он беспомощно качался на волнах, мачты были сломаны, паруса поникли и опустились в воду.

-- Что они там делают? -- спросила она, но никто не ответил. Люди остановились и в ужасе наблюдали за судном. Вот оно легло на бок и стало погружаться.

-- Господи, помилуй их! -- произнес отец.

Мэри заплакала и стала звать маму, которая сразу же подбежала к ней, пробравшись через толпу, взяла на руки и унесла.

Видение оборвалось. Но Мэри вспомнила, что, когда она подросла и стала кое-что понимать, мать рассказала ей о том, как они ездили в Сент-Кеверн и на их глазах затонуло огромное парусное судно со всем экипажем и грузом, разбившись о страшную скалу Мэнэкл.

Мэри вздрогнула и глубоко вздохнула. Над ней снова нависло лицо дяди в обрамлении спутанных волос, и снова она стояла на коленях у стола на кухне "Ямайки". Она чувствовала себя совсем больной, руки и ноги заledenели. Мэри мечтала лишь об одном -- поскорее добраться до постели, зарыться в подушку, накрыться с головой одеялом, прижать ладони к глазам -- только бы отгородиться от всего, стереть из памяти лицо дяди, забыть весь ужас рассказанного им. Может быть, заткнув уши, она сумеет заглушить звук его голоса и гул прибоя. Ей по-прежнему мерещились лица утопленников, воздетые над водой руки; слышались крики ужаса и плач, похоронный звон колокола на бакене, покачивавшемся на волнах. Мэри вновь охватил озноб.

Посмотрев на дядю, она увидела, что тот сидит на стуле, уронив голову на грудь. Широко раскрыв рот, он храпел и что-то бормотал во сне. Его длинные ресницы опустились на щеки, руки покоились на столе, ладони сложены, словно в молитве.

9

Под сочельник небо затянуло тучами, запахло дождем. За ночь потеплело, и во дворе, там, где прошли коровы, земля раскисла. У Мэри в спальне стены отсырели, а в углу проступило желтое пятно высохшего клея. Высунувшись из окна, она ощутила на лице мягкий влажный воздух. Джем Мерлин должен был ждать ее на болоте, чтобы вместе с ней отправиться на ярмарку в Лонстон. От нее зависело, встретятся они или

нет, а она никак не могла решиться.

За четыре дня, что прошло, она стала намного старше: из покрытого пятнами треснувшего зеркала на нее глядело усталое осунувшееся лицо; щеки впали, под глазами были темные круги. Ночью она подолгу не могла уснуть, есть не хотелось. Впервые Мэри заметила у себя сходство с тетей. У них была одинаковая складка на лбу и та же форма рта. Если ей еще поджать губы, то перед ней будет вторая тетя Пейшнс, только с каштановыми волосами, спадающими на плечи прямыми прядями. Привычку кусать губы и нервически ломать пальцы перенять было нетрудно. Девушка отвернулась от предательского зеркала и принялась ходить по тесной комнате взад и вперед.

Последние несколько дней она старалась подольше оставаться в своей комнате, ссылаясь на простуду; избегала долгих разговоров с тетей, опасаясь, что глаза выдадут ее. Невольно они стали бы смотреть друг на друга с немым ужасом, скрытым состраданием, и тетя поняла бы... Теперь их соединяла общая тайна, но об этом она должна молчать. Мэри гадала, сколько же лет тетя Пейшнс носила все в себе. Никто никогда не узнает, как сильно она страдала. Куда бы она отсюда ни уехала, ей никогда не избавиться от ужаса пережитого. Лишь теперь Мэри была в состоянии понять, отчего у тети такое бледное лицо, откуда этот нервный тик, эти руки, беспрестанно теребящие одежду, этот застывший взгляд. Причина отныне была очевидна.

Вначале девушка чувствовала себя разбитой и больной, вконец больной. В ту ночь она молила Бога ниспослать ей сон, но эта благодать не была ей дарована. Она лежала в полузабытьи, и перед ней бесконечной чередой проплывали незнакомые лица утопленников. Она видела лицо ребенка, у которого были перебиты кисти рук, и женщину с длинными мокрыми волосами, залепившими глаза. Потом возникли искаженные страхом лица тех, кто не умел плавать. Вдруг ей показалось, что среди них ее мать и отец. Они смотрели на нее широко открытыми глазами, губы их побелели; они тянули к ней руки.

Наверное, те же кошмары преследовали по ночам и тетю Пейшнс. Ей тоже являлись лица страдальцев, молили о помощи, а она отворачивалась от них, отталкивала от себя, ибо ждать помощи от нее было нечего. Тетя Пейшнс по-своему тоже была убийцей. Она убивала своим молчанием. Ее вина была не меньше, чем Джосса, потому что она -- женщина, а он -- чудовище, но она не разорвала путы, которыми была связана с ним.

Так прошло три дня. Боль как будто притупилась, девушкой овладели безразличие и усталость. Теперь ей казалось, что она давно знала всю

правду и в глубине души была готова к ней. Уже первая встреча с Джоссом Мерлином, стоявшим на крыльце с фонарем в руке, была ей предостережением, а шум удалявшейся почтовой кареты звучал как прощание с прежней жизнью.

О разбоях на морском побережье говорили в прежние времена в Хелфорде вполголоса, с сомнением покачивали головой, делясь сплетнями, передавая случайно услышанные обрывки разговоров. Мужчины, как правило, больше помалкивали, всякие беседы на эту тему быстро обрывались. В то время, лет двадцать, а может, все пятьдесят, тому назад, когда отец Мэри был молодым, ко всему этому можно было, наверное, так относиться, но теперь, в век нынешний... И вновь перед ней возникло лицо дяди и слышался его шепот: "Тебе не приходилось прежде слышать о грабителях судов, потерпевших крушение?" Нет, об этом она и слыхом не слыхивала, но ведь тетя Пейшнс вот уже десять лет как уживается со всем этим.

Джосс Мерлин уже не занимал мыслей Мэри так, как раньше. Его она больше не боялась, в душе остались лишь ненависть и отвращение. Для нее он перестал быть человеком, а превратился в рыщущего по ночам зверя. Теперь, когда она увидела его, потерявшего свой облик от пьянства, ему уже не испугать ее. Не боялась она и остальных членов шайки. И она не успокоится, пока не уничтожат этих выроdkов, отравляющих все, чего ни коснутся, не очистят от них округу, не растопчут их в прах. И никакие родственные чувства не удержат ее.

Оставались еще тетя Пейшнс да Джем Мерлин. Он ворвался в ее мысли внезапно, помимо ее воли. И без него хватало забот. Уж слишком он похож на своего брата: те же глаза, рот, улыбка. Какое опасное сходство! Вспоминая его походку, поворот головы, она легко могла себе представить, каким был Джосс десять лет тому назад. Теперь ей стало понятно, как тетя могла совершить такую страшную глупость, выйдя за него замуж. В Джеме Мерлина действительно легко влюбиться -- Мэри это хорошо понимала. До сих пор мужчины мало что значили для нее. На ферме было слишком много дел, чтобы думать о них. Находились парни, которые улыбались ей в церкви, делили с ней в поле трапезу во время сбора урожая, а однажды после выпитого сидра сосед поцеловал ее за стогом сена. Ей это показалось очень глупым, и с тех пор она избегала этого, весьма безобидного, парня, который минут через пять уже, наверное, забыл о том эпизоде.

Она все равно никогда не выйдет замуж, уж это она давно для себя решила. Найдет способ накопить денег, заведет ферму и будет трудиться на ней не хуже любого мужчины. Как только она сможет покинуть "Ямайку",

забудет обо всем и как-то устроится с тетей Пейшнс, вряд ли у нее будет время думать о мужчинах.

И тут, помимо ее воли, перед ней вновь возникло заросшее щетиной лицо Джема. В грязной рубаше, похожий на бродягу, он смотрел насмешливо и вызывающе. В нем напрочь отсутствовала нежность, он был грубоват, в нем чувствовалась даже некая жестокость. К тому же он был вор и обманщик. Словом, воплотил в себе все, что она презирала, ненавидела и опасалась. И все же Мэри знала, что могла бы полюбить его, ведь никакие предубеждения над природой не властны. Вероятно, мужчины и женщины вели себя так же, как животные на ферме в Хелфорде. Все живые существа подчиняются одной силе -взаимному влечению. И стоит двоим коснуться друг друга, ощутить близость тела, как их начинает неодолимо тянуть друг к другу. Все это свершается не по разумению. Звери на земле и птицы в небе не рассуждают.

Мэри не была ханжой. Она выросла в деревне и видела, как спариваются животные, как плодятся, как умирают. В природных проявлениях романтического мало, и нечего надеяться, что ее собственная жизнь сложится иначе.

В Хелфорде ей приходилось видеть девушек, гулявших с местными парнями. Влюбленные держались за руки, смущались и краснели, громко вздыхали. Она замечала, как парочки проходят мимо их дома к зеленой заросшей аллее, которую называли "аллеей влюбленных", хотя у людей старшего возраста для этого места было название похлеще. Молодежь ходила в обнимку, целовалась, любовалась луной и звездами, а в летнюю пору -- долго пламеневшими закатами. У Мэри же, выходявшей из коровника и утиравшей мокрыми руками пот с лица, мысли в это время были заняты только что народившимся теленком, которого она оставила возле его матери. Глядя вслед удалявшейся парочке, она, пожав плечами, снисходительно улыбалась и, войдя на кухню, сообщала матушке, что до конца месяца, как видно, быть в Хелфорде свадьбе.

Потом звонили церковные колокола, разрезался свадебный пирог, и жених в воскресном костюме стоял с сияющим лицом на ступенях ведущей в храм лестницы, переминаясь смущенно с ноги на ногу рядом с невестой, наряженной в муслиновое платье. Ради такого торжества ее прямые волосы были старательно завиты. Но и года не пройдет, как, глядишь, нынешний молодожен, наработавшись в поле, возвращается домой и начинает браниться, что, мол, ужин подгорел и его даже собаке не скормишь. А жена в ответ огрызается сверху, из спальни. Фигура ее уже расплылась, локонов нет и в помине, а на руках -- запеленутый, орущий, словно взбесившаяся

кошка, ребенок, который никак не хочет спать. И она будет ходить с ним взад и вперед по комнате. Тут уж не до разговоров о луне и звездах, отражающихся в тихой воде реки.

Нет, Мэри не питала романтических иллюзий. Влюбленность -- всего лишь красивое слово, и ничего больше. Джем Мерлин был мужчиной, а она женщиной. И что в нем было такого, она не знала: руки ли его, кожа, улыбка, но только что-то в нем притягивало ее, сама мысль о нем вызывала в ней и тревогу и радость одновременно. От этого чувства ей было не уйти; она знала, что встреча их неизбежна.

Девушка снова глянула на серое небо и низкие облака. Если ехать в Лонстон, то надо поскорее собираться и отправляться в путь. Не станет она придумывать никаких объяснений. За последние четыре дня она как-то ожесточилась. Пусть тетя Пейшнс думает все, что угодно. Если в ней осталась хоть капля интуиции, она должна сообразить, что видеться с ней Мэри не хочет. А взглянув на своего мужа, на его налитые кровью глаза и трясущиеся руки, она, может быть, все поймет.

Алкоголь, быть может, в последний раз развязал ему язык, его тайна выплыла наружу, и теперь судьба его была у Мэри в руках. Она еще не решила окончательно, как ей следует поступить, но выгораживать она его больше не станет. Сегодня она поедет с Джемом в Лонстон, и на сей раз пусть-ка он ответит на ее вопросы. Возможно, поняв, что она их больше не боится, а, напротив, может подвести под погибель, когда сочтет нужным, он станет разыгрывать раскаяние. Ну а завтра... что ж, завтра будет видно. В крайнем случае, можно обратиться к Фрэнсису Дейви. Он обещал помочь ей, и в его доме в Олтернэне она всегда найдет приют и покой.

Ну и Святки выдались, думала она, шагая по пустоши и поглядывая на Хокс-Тор. По обе стороны возвышались холмы. В прошлом году в это время она, стоя на коленях в церкви рядом с матерью, молилась, чтобы им обоим было даровано здоровье, мужество и силы. Она молилась и о душевном спокойствии и благополучии, просила Господа, чтобы мать подольше оставалась с ней, а ферма их процветала. В ответ на мольбы пришла, однако, болезнь, нищета и смерть. Она осталась совсем одна, попала в сети жестокости и преступления, вынуждена жнть под крышей дома, который ненавидела, и среди людей, которых презирала. И вот она бредет по безжизненной, угрюмой пустоши на встречу с конокрадом и убийцей. В это Рождество она уже не обратится с молитвой к Господу.

Мэри ждала Джема на возвышенности у Рашифорда. Вдалеке показалась повозка, запряженная одной лошастью; сзади были привязаны две других. Возница в знак приветствия приподнял кнут. Мэри

почувствовала, как в лицо ей бросилась кровь. Что за мучительная слабость! О, если бы это чувство было чем-то материальным, его можно было схватить, бросить под ноги и растоптать. Девушка засунула руки под платок и нахмурилась. Насвистывая, Джем подкатил и бросил ей под ноги небольшой сверток.

-- С Рождеством тебя, -- проговорил он. -- Вчера в моем кармане завелась серебряная монетка и чуть не проггла в нем дырку. Это тебе новая косынка.

Мэри собиралась встретить его холодным молчанием и уж никак не любезничать, но такое начало ее обескуражило.

-- Очень мило с твоей стороны, -- ответила она. -- Но, боюсь, потратился ты напрасно.

-- Меня это не беспокоит, дело привычное, -- бросил Джем и оглядел ее с дерзким видом с головы до ног, тихонько посвистывая.

-- Что-то ты рано пришла, -- заявил он. -- Небось боялась, что уеду без тебя?

Она уселась рядом с ним на телегу и взялась за вожжи.

-- Мне приятно снова поддержать их в руках, -- сказала она, не обращая внимания на его колкость. -- Мы с матушкой, бывало, ездили в базарный день в Хелстон. Кажется, это было давным-давно. Как вспомню, сердце сжимается. Мы с ней не унывали даже в трудные времена. Тебе это не понять, ведь ты ни о ком, кроме себя, никогда не думал.

Сложив на груди руки, он следил, как она управлялась с вожжами.

-- Эта лошадь проедет через болото даже с завязанными глазами, - объявил он. -- Доверься ей. Она ни разу в жизни не споткнулась. Вот так-то лучше. Она сама тебя довезет, не беспокойся. Так что ты там говорила?

-- Ничего особенного, -- ответила Мэри. -- Я скорее разговаривала сама с собой. Ты вроде собираешься продать на ярмарке двух лошадей?

-- Двойной барыш, Мэри Йеллан. А ты получишь новое платье, коли поможешь мне. Нечего улыбаться и пожимать плечами. Терпеть не могу неблагодарности. Что это с тобой нынче? Румянец сошел, глаза потускнели. Тошнит тебя, что ли? Или живот болит?

-- Я не выходила из дому с тех пор, как мы виделись с тобой в последний раз, -- отвечала она. -- Сидела у себя наедине со своими мыслями, а это ох как невесело! Просто состарилась за четыре дня.

-- Жаль, что нынче ты не так хороша, -- продолжал он. -- А я-то воображал, что прискачу в Лонстон с красоткой, парни будут заглядываться на тебя и мне подмигивать. Отчего ты так сникла? Не ври мне, Мэри, я не настолько слеп, как ты думаешь. Все-таки что приключилось в "Ямайке"?

-- Ничего не приключилось. Тетушка возится на кухне, а дядя сидит с бутылкой бренди у себя и держится за голову. Одна лишь я изменилась.

-- Приезжих больше не было?

-- Нет, насколько мне известно. Во двор трактира никто не заезжал.

-- Рот у тебя, как каменный, под глазами синяки, вид измученный. Мне встречалась одна такая женщина, но у нее были на то причины. Ее муж ушел в море на целых четыре года; только недавно воротился, из Плимута приехал. А у тебя что за причина? Или ты все обо мне думаешь и тоскуешь?

-- Как не думать, -- отвечала она, -- думала... кого раньше повесят, тебя или твоего братца. Но что проку гадать.

-- Если Джосса повесят, то по его собственной вине, -- произнес Джем. -- Когда человек сам набрасывает веревку себе на шею, никуда ему не деться -- точно повесят. А он прямо-таки лезет на рожон. И когда грянет гром, никто не принесет ему бутылочку бренди. Висеть он будет трезвым.

Они ехали не спеша, оба молчали. Джем поигрывал кнутом. Мэри обратила внимание на его руки. Краешком глаза она заметила, что кисти их были длинные и тонкие, в них угадывалась та же сила и то же изящество, что и у его брата. Но эти руки привлекали, а те отталкивали. Впервые она поняла, как зыбка грань между ненавистью и любовью. От этой мысли она вся съежилась. А что, если бы рядом с ней сидел Джосс, такой, каким он был лет десять или двадцать назад? Она содрогнулась от страшной картины, что нарисовало ее воображение. Теперь она знала, отчего ненавидит своего дядю.

Голос Джема прервал ее мысли.

-- На что это ты так смотришь? -- спросил он.

Мэри отвела взгляд и принялась смотреть вперед.

-- Я обратила внимание на твои руки, -- коротко ответила она. -- Они у тебя, как у твоего брата. Сколько нам еще ехать по этой пустоши? А что это вьется впереди, не столбовая ли дорога?

-- Мы свернем на нее подальше, мили через две-три. Так ты, значит, обращаешь внимание на мужские руки? Вот уж никогда не подумал бы. Оказывается, ты все-таки женщина, а не чуть оперившийся деревенский парнишка. Ну, так расскажешь, почему просидела четыре дня молча в своей комнате, или хочешь, чтобы я сам догадался? Женщины любят напускать на себя таинственность.

-- Нет тут никакой тайны. Когда мы виделись в прошлый раз, ты спросил, знаю ли я, почему тетушка похожа на привидение. Ведь ты именно так сказал? Так теперь я знаю почему. Вот и все.

Джем внимательно поглядел на нее и снова засвистел.

-- Пьянство -- странная штука, -- произнес он, помолчав. -- Однажды в Амстердаме я напился. Это было в тот раз, когда я убежал в море. Помню, часы пробили половину десятого, и я вроде бы очнулся и обнаружил, что сижу на полу и обнимаю рыжеволосую девицу. А дальше помню только, что проснулся уже в семь часов утра в канаве, без сапог и штанов. Частенько думаю, что я делал все эти десять часов. И будь я проклят, ежели смогу вспомнить.

-- Вот счастье-то какое! -- заметила Мэри. -- А брату твоему не повезло. К нему, напротив, возвращается память, когда он напивается.

Лошадь замедлила ход, и девушка тряхнула вожжами.

-- Когда Джосс Мерлин один, пусть он разговаривает сам с собой, - продолжала она. -- Стенам "Ямайки" в конце концов наплевать. Но на сей раз, когда он очнулся от пьяного беспамятства и его посетили видения, рядом оказалась я.

-- И, услышав рассказ об одном таком видении, ты заперлась в своей спальне на целых четыре дня?

-- Можешь считать, что ты почти угадал, -- ответила она.

Внезапно Джем нагнулся к ней и быстро перехватил у нее вожжи.

-- Ты не смотришь, куда едешь, -- резко произнес он. -- Я, конечно, говорил, что эта лошадь никогда не спотыкается, но это не значит, что ее можно направлять на гранитный валун размером с пушечное ядро. Ну- ка, позволь мне.

Мэри откинулась назад, и править лошадью стал Джем. Она заслужила его упрек, ведь и вправду она совсем отвлеклась. Лошадь прибавила ходу и перешла на рысь.

-- И как же ты думаешь поступить? -- спросил он.

-- Еще не решила, -- ответила Мэри. -- Ведь я должна подумать, как это отразится на тете Пейшнс. Да не рассчитываешь ли ты, что я тебе все сейчас и выложу?

-- А почему бы и нет? Я ведь не защищаю Джосса.

-- Ты ему брат, и этого достаточно. Здесь много неясного, и ты как раз мог бы заполнить пробелы в этой истории.

-- Ты что же, думаешь, у меня есть время работать на брата?

-- Насколько я могла заметить, на это уходит не так много времени. А выгода большая, да и платить за товар ничего не надо. Мертвецы ведь ни о чем не расскажут, Джем Мерлин.

-- Они-то нет, да разбившиеся корабли говорят о многом, когда их выбрасывает на камни. В поисках гавани судно ищет световой сигнал.

Приходилось тебе видеть, как мотылек летит на огонь свечи и обжигает крылышки? То же случается и с кораблем, если он идет навстречу ложному сигналу. Такое может произойти незамеченным один, два, может быть, три раза, но если подобное произойдет четвертый раз, поднимается шум, вся страна приходит в возбуждение, все хотят знать о причинах гибели кораблей. Мой братец потерял над собой контроль, и теперь его самого несет на скалы.

-- И ты с ним заодно?

-- Я-то? А при чем тут я? Это он сует голову в петлю. Мне случалось пользоваться его табачком, и я привозил кое-какой груз. Но скажу тебе одно, Мэри Йеллан: хочешь верь, хочешь нет, это уж твое дело -- я никогда никого не убивал. Пока, во всяком случае.

Он яростно щелкнул кнутом над головой лошади, и испуганное животное пустилось галопом.

-- Впереди, вон там, где каменистая гряда поворачивает к востоку, есть брод. Через полмили переждем на другую сторону и выберемся на Лонстонскую дорогу. До города останется миль семь. Ты еще не устала?

Мэри покачала головой.

-- В корзине под сиденьем есть хлеб и сыр, -- сообщил он, -- пара яблок и несколько груш. Скоро ты проголодаешься... Так ты думаешь, что я тоже навожу корабли на скалы и наблюдаю с берега, как тонут люди? А потом, когда вздувшиеся тела выносит на сушу, обшариваю их карманы? Да, красивая картина получается.

Было ли его негодование искренним или напускным, Мэри не знала. Но она видела, как он твердо сжал губы, а на щеках его выступили красные пятна.

-- Однако ты еще не доказал своей непричастности, -- заявила она.

Он посмотрел на нее с презрением и насмешкой, а затем рассмеялся, как над глупым ребенком. Она ощутила приступ ненависти к нему. Интуитивно Мэри догадалась, какой вопрос он ей теперь задаст, и ее бросило в жар.

-- Если ты обо мне такого мнения, почему едешь со мной в Лонстои? - спросил он.

Джем явно намеревался посмеяться над ней. Ее уклончивый ответ, невнятное бормотание дали бы ему хороший повод. Сжав зубы, Мэри решила напустить на себя веселость.

-- Ради твоих прекрасных глаз, Джем Мерлин, -- пошутила она, - исключительно поэтому.

Весело рассмеявшись, он покачал головой и снова стал насвистывать.

Они вдруг сразу перешли на непринужденный, по-мальчишески приятельский тон. Смелость ее слов обезоружила Джема. Он даже не заподозрил скрывавшейся за ними слабости, которую девушка питала к нему. В тот момент они были добрыми друзьями, без всякой натянутости, идущей от различия полов.

Наконец они выехали на главную дорогу. Лошадь шла рысью, и двуколка изрядно громыкала, а позади цокали копытами две краденые. Тяжелые тучи заволокли небо; дождя пока не было, туман еще не затянул возвышавшиеся вдали холмы. Где-то слева от дороги находился Олтернан. Мэри подумала о Фрэнсисе Дейви и принялась гадать, что сказал бы он, поведай она ему все. Наверно, теперь уж он не предложил бы ей выждать, да не был бы он ей рад, свались она ему на голову под Рождество. Тут она представила себе тихий дом викария, мирный и спокойный, а вокруг -- большой поселок, много домов, над которыми, словно страж, возвышается колокольня.

В Олтернани ее ждало тихое пристанище, само название городка звучало умиротворяюще. И голос Фрэнсиса Дейви сулил покой и забвение. В этом человеке было нечто необычное, что-то будоражащее ее воображение и вместе с тем приятное: и нарисованная им картина, и то, как он правил лошадью, и как молча, ненавязчиво угощал ее ужином. Но поразительнее всего была тишина, что царила в его комнате, лишенной какого-то ни было отпечатка его личности. Будто он был всего лишь тенью человека. Когда Мэри попыталась вызвать в памяти облик викария, он ускользал от нее, в нем не было ничего реального, человеческого. Никакого проявления мужской натуры, которая так чувствовалась в сидевшем рядом с ней Джеме. Он был как бы лишен плоти. Отчетливо вспоминались лишь его бесцветные глаза и голос, мягко звучащий в ночной тишине.

Неожиданно лошадь дернула в сторону. Громкая брань Джема прервала ее раздумья, и она задала ему вопрос наугад.

-- Здесь где-нибудь поблизости есть церковь? -- спросила она. - Несколько месяцев я прожила как язычница, и от этого мне как-то не по себе.

-- Выбирайся оттуда, черт тебя побери! -- вскричал Джем, ударив лошадь по морде. -- Ты что, хочешь, чтобы мы угодили в канаву?! Ты говоришь, церковь? Да на кой черт мне знать про церкви! Я всего-то раз и был в церкви, когда мать внесла меня туда на руках и вынесла нареченным Иеремией. Ничего не могу сказать тебе о церквях, но думаю, что они там держат золотишко под замком.

-- Кажется, в Олтернани есть церковь? -- промолвила Мэри. -- До нее

от "Ямайки" можно добраться пешком. Я могла бы сходить туда завтра.

-- Лучше раздели со мной рождественский обед. Индейку предложить тебе не могу, но раздобыть гусыню можно -- у старого фермера Такета из Норт-Хилла. Он стал так плохо видеть, что не заметит пропажи.

-- Джем Мерлин, а кто викарий в Олтернэне?

-- Не знаю, Мэри Йеллан, никогда раньше не являлся с попами, и вряд ли придется в дальнейшем. Чудная это порода. Знал я одного священника из Норт-Хилла, когда был еще мальцом. Он был совсем близорук и, как рассказывали, раз в воскресное богослужение перепутал бутылки и налил в чашу бренди вместо вина -- так и причащал им прихожан. В деревне прослышали про это, и, знаешь, в церковь набилось столько народу, что и колени преклонить негде было. Люди стояли вдоль стен и ждали, когда наступит их черед. Батюшка ничего не мог понять, ведь никогда в церкви не собиралось столько верующих. Взошел он на кафедру и оглядел всех -- и глаза его сияли из-под очков. Тут он и начал читать проповедь о заблудших овцах, вернувшихся в стадо. Эту историю мне поведал брат Мэтью. Он дважды подходил причаститься, а священник этого даже не заметил. Знаменитый то был день в Норт-Хилле. Доставай-ка хлеб и сыр, Мэри, а то у меня живот совсем подвело.

Мэри покачала головой и вздохнула.

-- Ты к чему-нибудь в жизни относишься серьезно? -- спросила она. -- Ты что же, никого и ничего не уважаешь?

-- Я уважаю свое нутро, -- доверительно сообщил он, -- а оно требует пищи. Ящик с припасами у меня под ногами. А ты, если считаешь себя праведницей, можешь скушать яблочко. В Библии о нем говорится, уж об этом-то я знаю.

В половине третьего они въехали в Лонстон, разгоряченные, громко и озорно пересмеиваясь. Мэри на время забыла о своих тревогах и о чувстве долга и, вопреки твердому решению, которое она приняла утром, предалась веселью, заразившись этим настроением от Джема. Вдали от мрачных стен "Ямайки" к ней вернулись свойственные ее возрасту задор и жизнерадостность. Спутник сразу же это заметил и поспешил воспользоваться такой переменой.

Мэри смеялась, потому что ей было весело, да еще Джем вовсю смешил ее. Заразительна была и сама праздничная атмосфера вокруг -- оживление, гомон, суeta -- одним словом, Рождество. На улицах было полным-полно людей, магазинчики выглядели нарядными и веселыми, на мощеной площади теснились повозки, тележки, кареты... Все выглядело красочно, все было в движении. Толпы радостно возбужденных людей

сгрудились у ярмарочных прилавков и киосков. Индейки и гуси яростно долбили клювами свои клетки, пытаясь выбраться на волю. Женщина в ярко-зеленой накидке, широко улыбаясь, держала на плече корзину с яблоками, такими же алыми, как ее щеки.

Как все это было ей знакомо и дорого, как напоминало Хелстон в рождественские дни. Но в Лонстоне ощущался дух большого города, он был многолюднее, пестрее, ярче. Люди держались непринужденно, раскованно, не то что в провинциальном Хелстоне. Все же по другую сторону реки лежало графство Девоншир, а это -- уже Англия. Фермеры из-за Девона заигрывали на улицах с крестьянками из Восточного Корнуолла. Среди толпы сновали лавочники, пирожники и их мальчишки-подручные, торгуя с лотков горячими пирожками, колбасками, кексами, печеньем, сладостями.

Вот из кареты вышла дама в шляпе с перьями, в синей бархатной накидке и направилась к ярко освещенному ресторану "Белый олень" в сопровождении джентльмена в светло-сером пальто. Он подносил к глазам лорнет и важно вышагивал, ну точь-в-точь как павлин.

Мэри с головой окунулась в этот веселый и счастливый мир. Город расположился на холмах. На вершине самого высокого из них стоял, словно попавший сюда из старинного предания, каменный замок. Вокруг росли деревья, на склонах холма зеленела трава, а внизу серебрилась речка. Безжизненные призрачные пустоши, где жить могли только нелюди, остались далеко позади. Мэри и думать о них забыла. Да, в Лонстоне кипела жизнь. Рождество пришло в город и выплеснулось на улицы, соединило людей и наполнило радостью их сердца. Даже солнце пробилось сквозь тучи, будто возжелало принять участие в празднестве.

Мэри все же надела подаренный Джемом платочек и даже позволила ему завязать концы под подбородком. Они оставили двуколку с лошадьёю в конюшне, и теперь Джем прокладывал себе путь через бурлящую толпу, ведя на поводу двух краденых лошадей. Мэри следовала за ним. Он уверенно направился к главной площади, заставленной палатками и шатрами, где собирался весь город.

Для торговли всякой домашней живностью канатом было отгорожено специальное место. Ринг с лошадьёю окружили хуторяне и жители деревень, здесь же толкались барышники. Подходили и господа. Ближе к рингу сердце Мэри забилося чаще: что, если тут окажется кто-нибудь из Норт-Хилла или фермер из соседней деревни? Они наверняка опознают краденых лошадей. Джем невозмутимо насвистывал, сдвинув шляпу на затылок. Оглянувшись, он подмигнул Мэри. Толпа раздвинулась и

пропустила его к рингу. Мэри стояла в сторонке, позади толстой торговки с огромной корзиной. Она увидела, что Джем занял место в ряду торговцев лошадьми. Он кивнул кому-то и принялся раскуривать трубку, незаметно скользнув взглядом по другим выставленным на продажу лошадям. Вид у него был уверенный и спокойный. Тотчас к Джемму протиснулся крикливо одетый малый в квадратной шляпе и кремовых бриджах. Говорил он громко и важно, похлопывая по сапогу хлыстом и указывая на лошадей. По его виду и тону, которым он говорил, Мэри догадалась, что это барышник. Вскоре к нему присоединился невысокого роста человек с рысьими глазами и в черном сюртуке. Он толкал барышника локтем и что-то нашептывал ему на ухо.

Девушка заметила, что он пристально разглядывает вороного, принадлежавшего прежде сквайру Бассету. Подойдя поближе, он наклонился и пощупал у лошади ноги, а затем прошептал что-то в ухо барышнику. Мэри с беспокойством наблюдала за ними.

-- Откуда у тебя эта лошадь? -- спросил громогласный барышник, хлопнув Джема по плечу. -- Экая голова, а грудь... На пустошах такие не рождаются.

-- Он появился на свет четыре года тому назад в Коллингтоне, - небрежно ответил Джем, не выпуская трубку из рта. -- Я купил его годовалым жеребенком у старины Тима Брейя -- ты помнишь Тима? В прошлом году он распродал свое имущество и подался в Дорсет. Старина Тим говаривал, что я сполна верну свои денежки, купив этого коня. Мать его была ирландской породы и принесла Тиму несколько призов. Хочешь взглянуть поближе? Учти только, дешево не продам.

Пока эти двое внимательно осматривали вороного, Джем равнодушно попыхивал трубкой. Процедура затягивалась. Наконец они распрямились и обратились к Джемму.

-- А что у него с шерстью? -- спросил покупатель с рысьими глазами. - На ощупь она грубая и колючая, как щетина. К тому же от него чем-то пахнет. Ты, случаем, не подмешивал ему чего-нибудь в сено?

-- Нет у него никаких болячек, -- возразил Джем. -- Вот этот, второй, начал было летом чахнуть, но удалось его выходить. Я бы подержал его у себя до весны, но уж больно дорого он мне обходится. Нет, к этому вороному не придраться. Ну, если уж начистоту, то есть одна малость. Старина Тим Брей не знал, что его кобыла должна была ожеребиться -- он в то время был в Плимуте, а за кобылой присматривал его мальчишка. Когда же до Тима дошло, уж задал он пареньку трепки, да было поздно. Я думаю, что жеребец-папаша был серым. Поглядите-ка, у корней волос серый. Тиму

не повезло, он мог бы продать вороного и подороже. Гляньте только на круп, сразу видна порода. Словом, готов отдать его за восемнадцать гиней.

Человек с рысьими глазами отрицательно покачал головой, но барышник колебался.

-- Пусть будет пятнадцать -- и по рукам, -- предложил он.

-- Нет, восемнадцать гиней, и ни пенса меньше, -- заявил Джем.

Двое, торговавшие лошадь, стали советовать и, видно, не пришли к согласию. Мэри услышала что-то про мошенничество и увидела, как Джем через головы стоящих рядом бросил на нее быстрый взгляд. В толпе послышался тихий шепот. Человек с рысьими глазами снова наклонился и пощупал ноги вороного.

-- На твоём месте я бы проконсультировался насчёт этой лошади, - сказал он барышнику. -- Меня кое-что смущает. А где ваше клеймо?

Джем показал узкий надрез на ухе, и тот внимательно исследовал его.

-- А вы, видать, знаток, -- заметил Джем. -- А то можно подумать, что я украл эту лошадь. Что-то не так с меткой?

-- Да с виду нет. Но тебе повезло, что Тим Брей уехал в Дорсет. Он никогда не признал бы этого вороного за своего, что бы ты там не говорил. Не стал бы я связываться, Стивен, будь я на твоём месте. Как бы тебе не влипнуть. Лучше пошли отсюда.

Барышник с сожалением посмотрел на вороного.

-- Уж больно он хорош, -- сказал он во всеуслышание. -- Мне плевать, кто там был его хозяином и какой масти был жеребец -- да хоть пегим. С чего это ты так придираешься, Билл?

Снова человек с рысьими глазами стал дергать барышника за рукав и шептать ему на ухо. Тот прислушался, лицо его вытянулось, и он кивнул головой в знак согласия.

-- Ладно, -- произнес он вслух. -- Пожалуй, ты прав, у тебя есть нюх. Может, и правда лучше не ввязываться в это дело, а то нарвешься на неприятность. Оставь эту лошадку себе, -- добавил он, обращаясь к Джему. -Моему партнеру она не нравится. Послушай моего совета и скинь цену. Если она долго у тебя задержится, то, может, пожалеешь об этом.

Усиленно работая локтями, он проложил дорогу через толпу, и оба скрылись в направлении "Белого оленя". Мэри с облегчением вздохнула. По выражению лица Джема трудно было что-либо понять, он все так же посвистывал. Покупатели сменяли один другого. Неказистые лошаденки с вересковых пустошей продавались за два-три фунта, и их хозяева уходили, довольные сделкой. К вороному больше никто не приближался. Толпа зевак посматривала на него с подозрением. К четырем часам Джем сумел продать

за шесть фунтов вторую лошадь. Ее купил простодушный веселый фермер. Они долго и мирно торговались. Фермер заявил, что согласен заплатить пять фунтов, Джем настаивал на семи. Наконец, сошлись на шести, и фермер тут же, улыбаясь во весь рот, оседлал свое приобретение.

От долгого стояния на месте Мэри начала уставать. Незаметно сгустились сумерки, на площади зажглись фонари. Девушка уже начала подумывать, что пора возвращаться домой, когда у нее за спиной раздался женский голос и жеманный смех. Обернувшись, она увидела ту самую даму в синей накидке и шляпе с перьями.

-- Ах, Джеймс, -- щебетала она, -- посмотри, какая прелестная лошадка. Посадка головы точь-в-точь как у нашего бедного Красавца. Поразительное сходство, только, конечно, он другой масти и не так породист. Досадно, что Роджера здесь нет. Мне так и не удалось уговорить его отложить деловую встречу. Ну, что ты думаешь об этой лошадке, Джеймс?

Ее спутник поднес лорнет к глазам и внимательно взглянул на вороного.

-- Черт побери, Мария, -- произнес он, манерно растягивая слова. -- Я ничего не смыслю в лошадях. Твой пропавший Красавец был, кажется, серым? А эта тварь черная, как смоль, совершенно черная, моя дорогая. Ты хочешь ее купить?

Дама залилась радостным смехом.

-- Это был бы прекрасный рождественский подарок для детей, -- сказала она. -- После пропажи Красавца они замучили бедного Роджера просьбами. Спроси, пожалуйста, о цене, Джеймс.

Господин с важностью выступил вперед.

-- Послушай-ка, любезный, -- обратился он к Джемму, -- не желаешь ли продать этого вороного?

Джем покачал головой.

-- Я уже обещал его одному приятелю. Не хотел бы нарушать слова. Кроме того, он вас не выдержит, на нем ездили дети.

-- Ах, так? Понятно. Благодарю. Мария, этот парень говорит, что лошадь не продается.

-- Вот как? Какая досада! Уж очень она мне приглянулась. Пусть назначит цену, я заплачу. Спроси еще раз, Джеймс.

Снова он поднес к глазам лорнет и произнес, растягивая слова:

-- Милейший, этой даме очень понравился твой вороной. Она недавно лишилась своей лошади и хотела бы возместить потерю. И ее дети будут очень расстроены, если не получат новую лошадку К чертям твоего

приятеля, знаешь ли, он обойдется. Так какова твоя цена?

-- Двадцать пять гиней, -- быстро проговорил Джем. -- По крайней мере, столько готов заплатить мой друг. И вообще я не горю желанием продавать моего вороного.

Дама с перьями на шляпе выплыла вперед.

-- Я дам вам за него тридцать, -- сказала она. -- Я миссис Бассет из Норт-Хилла и хочу купить эту лошадь в подарок моим детям. Ну пожалуйста, не упрямитесь. У меня в кошельке половина этой суммы, но этот господин доплатит остальное. Мистер Бассет сейчас в Лондоне, и мне хочется сделать ему сюрприз. Мой конюх заберет лошадь и сейчас же отправится с ней в Норт-Хилл, пока мистер Бассет еще в городе. Вот вам деньги.

Сняв шляпу, Джем низко поклонился.

-- Премного благодарен, мадам, -- произнес он. -- Надеюсь, мистер Бассет будет доволен вашей покупкой. Эта лошадь как нельзя лучше подходит для детей, вы сами убедитесь.

-- О, я уверена, что муж будет очень рад. Разумеется, этого коня не сравнишь с тем, что у нас украли. Красавец был чистопородным и стоил намного дороже. Но и этот достаточно красив и доставит детям удовольствие. Пойдемте, Джеймс, уже темнеет, и я продрогла до костей.

Дама проследовала к карете. Высокий лакей поспешно распахнул перед ней дверцу.

-- Я только что купила лошадь для господина Роберта и господина Генри, -- сообщила она. -- Найдите, пожалуйста, Ричардса и скажите, чтобы он доставил ее домой. Я хочу сделать сюрприз сквайру.

Приподняв юбки, она села в карету. За ней последовал ее спутник.

Быстро оглянувшись, Джем хлопнул по плечу паренька, стоящего позади.

-- Эй, хочешь заработать пять шиллингов?

Разинув рот от удивления, парень утвердительно кивнул головой.

-- Тогда поддержи-ка эту лошадку, и когда придет конюх, отдай ему ее, согласен? Мне только что передали, что жена разродилась двойней и жизнь ее в опасности. Надо спешить. Вот, держи уздечку. Счастливого тебе Рождества!

Через мгновение он уже быстро шагал по площади, засунув руки глубоко в карманы бриджей. Мэри из предусмотрительности следовала за ним на расстоянии десяти шагов. Лицо ее было пунцовым, она не смела поднять глаз. Смех душил ее, и она прикрывала рот платком. Перейдя площадь, они остановились подальше от кареты и группы людей вокруг

нее. Схватившись за бока, Мэри расхохоталась. Джем с лицом серьезным, как у судьи, ждал, пока она успокоится.

-- Джем Мерлин, ты заслуживаешь виселицы, -- сказала она, с трудом переводя дух. -- Стоять на базарной площади с таким невинным видом и продавать миссис Бассет украденного у нее же коня! У тебя дьявольское нахальство. Я, верно, поседела, глядя на все это, ей-Богу!

Он откинул назад голову и расхохотался так заразительно, что и ее вновь охватил приступ смеха. Их смех звонко разносился по улице. Прохожие стали оборачиваться, улыбаясь и смеясь вместе с ними. Весь Лонстон, казалось, покатывался со смеху; веселье охватило улицы. Шум и гам ярмарки смешивался с выкриками торговцев, звучали песни. Свет факелов, вспышки ракет бросали причудливые отблески на лица людей. Гул голосов, всеобщее возбуждение заполнили площадь.

Джем схватил Мэри за руку и сжал ее пальцы.

-- Ты ведь рада теперь, что поехала со мной? -- спросил он.

-- Да, -- ответила она беззаботно.

Они окунулись в гущу ярмарочной толпы, и она закружила их. Джем купил Мэри малиновую шаль и золотые серьги в виде колец. Потом их заманила старая цыганка. Зайдя в ее шатер, они сели и, посасывая апельсины, слушали ее гаданье.

-- Опасайся темноволосого незнакомца, -- предсказывала она Мэри.

Посмотрев друг на друга, они снова принялись смеяться.

-- На твоей руке, молодой человек, я вижу кровь, -- продолжала цыганка, обращаясь к Джему. -- Ты убьешь человека.

-- Ну, что я тебе говорил утром? -- спросил он у Мэри. -- Видишь, в этом я еще не повинен. Теперь-то ты веришь?

Она покачала головой. Как знать...

Капли дождя стали падать им на лицо, но они не обращали на это внимания. От порывов ветра заколыхались тенты, с прилавков в разные стороны полетели бумага, шелковые ленты. Вдруг задрожала и рухнула большая полосатая палатка, яблоки и апельсины покатались в лужи. Ветром раскачивало фонари. Хлынул дождь, и люди, смеясь и громко окликая друг друга, побежали к укрытиям.

Обхватив Мэри за плечи, Джем потащил ее к крыльцу ближайшего дома, притянул к себе и крепко поцеловал.

-- Опасайся темноволосого незнакомца, -- произнес он, смеясь, и снова поцеловал ее.

Небо закрыли черные тучи, сделалось совсем темно. Ветер задувал факелы, фонари горели тусклым желтым светом; яркой красочной суете

наступил конец. Площадь опустела, полосатые ларьки и палатки уныло мокли под дождем. При порывах ветра теплый дождь заливал крыльцо, и Джем спиной старался заслонить от него Мэри. Развязав платок на ее голове, он гладил ей волосы. Его рука нежно скользнула вниз и коснулась плеча. Тут она решительно оттолкнула его.

-- Ну, будет, я уж и так наделала сегодня немало глупостей, Джем Мерлин, -- проговорила она. -- Пора подумать о возвращении.

-- Ты что, в такой ветер поедешь в открытой повозке? -- возразил он. - Дует с моря, чего доброго, еще перевернемся по дороге. Нет, придется переночевать в Лонстоне.

-- Что ж, вполне возможно, и перевернет. Пойди и приведи лошадь, Джем, пока ливень поутих. Я подожду тебя здесь.

-- Не будь такой пуританкой, Мэри. На Бодминской дороге насквозь вымокнешь. Ну притворись, что влюблена в меня, что тебе стоит? И останься со мной.

-- Ты говоришь со мной так, потому что я прислуживаю в баре "Ямайки"?

-- К черту "Ямайку"! Мне приятно смотреть на тебя и прикасаться к тебе. И этого достаточно для любого мужчины. Должно быть, и для женщины тоже.

-- Смею думать, что для некоторых -- вполне. Но я сделана из другого теста.

-- Что же, там, у реки Хелфорд, вас делают иначе, чем женщин в других местах? Останься со мной этой ночью, Мэри, и мы это проверим. К утру ты станешь, как все, готов поклясться.

-- Не сомневаюсь. Поэтому-то лучше рискну промокнуть в двуколке.

-- Господи, да у тебя сердце из кремня, Мэри Йеллан. Ты еще пожалеешь, когда снова останешься одна.

-- Ну и пусть пожалею.

-- Может, если я тебя поцелую еще раз, ты передумаешь?

-- Не передумаю.

-- Да, неудивительно, что с тобой в доме мой братец запил и на целую неделю занемог. Небось псалмы ему пела.

-- Да, если хочешь.

-- Никогда не встречал такой несговорчивой особы. Да куплю я тебе обручальное кольцо, если тебе так важно соблюсти приличия. Не так уж часто у меня в кармане достаточно денег, чтобы я мог с ходу сделать предложение.

-- И скольких же жен ты так уговорил?

-- В Корнуолле наберется шесть или семь, не считая тех, что по ту сторону Теймара.

-- Для одного мужчины совсем неплохо. На твоём месте я бы повременила брать восьмую.

-- А у тебя острый язычок. Знаешь, на кого ты сейчас похожа? В этой шали... глазки блестят... ну просто вылитая обезьянка. Ладно уж, пойду за двуколкой и доставлю тебя к твоей тетушке. Но сперва, хочешь -- не хочешь, опять поцелую.

Взяв Мэри за подбородок, он проговорил:

-- Если встретишь ты сороку, то не жди от мужа проку; встретишь две -- то повезет, будет с ним не жизнь, а мед [Из английской прибаутки:

Если встретишь ты сороку, то не жди от мужа проку; Встретишь две -- то повезет, будет с ним не жизнь, а мед; Встретишь трех -- родишь девочку, Четырех -- так жди мальчонку. Перевод и примеч. А. Л. Немченко.]. Остальное доскажу, когда будешь поговорчивее. Жди здесь, скоро вернусь.

Пригнувшись, он в три прыжка пересек улицу и, обогнув длинный ряд палаток, скрылся за углом.

Девушка стала поближе к двери, укрывшись под навесом. Она отлично понимала, какое им предстоит путешествие под проливным дождем и злым ветром. А до "Ямайки" целых одиннадцать миль. При мысли о том, что она могла бы остаться с Джемом в Лонстоне, её сердце сильно забилося. Думать об этом было тревожно и сладко теперь, когда он ушел и она могла дать себе волю. Ему, наверно, хотелось, чтобы она потеряла голову, но такого удовольствия она ему не доставит. Поступись она хотя бы раз своими принципами, и прости-прощай её независимость. Она уже не вольна будет распоряжаться собой, как ей заблагорассудится, и даже свобода её суждений может оказаться под угрозой. Нет, она уже и без того достаточно поддалась своей слабости, теперь ей трудно будет отказаться от Джема. Отныне стены "Ямайки" станут ещё постылее. Раньше ей было легче переносить одиночество. Сейчас же от сознания, что он живет всего в четырех милях от неё, безмолвие, царящее над болотами, станет ей мукой.

Мэри поплотнее укуталась в шаль. О, если бы женщины не были так слабы и беззащитны! Если бы она могла решиться так же беспечно, как и Джем, провести с ним ночь, а поутру расстаться без печали и забот! Увы, она была женщиной и, стало быть, поступить так не могла. Всего несколько поцелуев -- и она едва не потеряла голову!

Мэри подумала о тете Пейшнс, которая неотступно, как тень, следовала за своим хозяином. Если Господь обойдет её, Мэри Йеллан,

своей милостью и лишит покровительства, ее ждет та же участь.

Порыв ветра рванул на ней одежду, дождь хлестнул по крыльцу. Становилось холоднее. Грязная вода бежала по булыжной мостовой. Огни погасли, улицы опустели. Лонстон как-то внезапно поблек. День Рождества обещал быть холодным и невеселым.

Притопывая ногами и дыша на руки, Мэри ждала, но Джем все не появлялся. Он был, конечно же, раздосадован и, видимо, решил наказать ее, оставив мокнуть под дождем и мерзнуть под этим ненадежным укрытием. Шли томительные минуты, а Джем не приезжал. Если он избрал такой способ отомстить, это было неумно. Где-то часы пробили восемь; он отсутствовал уже полчаса, а до места, где они оставили двуколку с лошадью, было всего пять минут ходу. Девушка совсем загрустила. С полудня она была на ногах, и теперь, когда возбуждение улеглось, она чувствовала сильную усталость и ей хотелось отдохнуть. Ее беззаботное и легкомысленное настроение улетучилось, с уходом Джема пропала вся веселость.

Наконец ожидание сделалось нестерпимым, и Мэри решила пойти поискать своего спутника. Длинная улица была безлюдна; лишь несколько человек, как и она, прятались от безжалостно хлеставшего дождя.

Через несколько минут Мэри подошла к конюшне, где они оставили двуколку и лошадь. Дверь была закрыта. Заглянув в щель, она убедилась, что сарай пуст -- значит, Джем уехал. Она постучалась в дверь соседней лавки. Спустя некоторое время ей открыл тот самый парень, который днем пустил их на конюшню. Он был явно недоволен тем, что его побеспокоили. К тому же он попросту не узнал Мэри в намокшей шали, с растрепанными волосами.

-- Что вам угодно? -- спросил он. -- Мы здесь не подаем.

-- Да я не за этим пришла, -- отвечала Мэри. -- Я ищу своего спутника. Мы вместе приехали сюда на двуколке, если припоминаете. Но конюшня пуста. Вы его не видели?

Парень пробормотал что-то похожее на извинение.

-- Вы, конечно, извините меня. Ваш друг уехал уж минут двадцать назад, не меньше. Он очень торопился, и с ним был еще один человек. Не могу сказать точно, но, по-моему, это официант из "Белого Оленя". Во всяком случае они повернули в ту сторону.

-- Насколько я понимаю, он ничего не просил мне передать.

-- Сожалею, но он ничего не сказал. Быть может, он в "Белом Олене". Знаете, где это?

-- Да, спасибо. Попробую его разыскать. Доброй ночи.

Парень захлопнул дверь, радуясь, что отделался от нее. Мэри снова направилась к центру города. Что могло понадобиться Джемму от официанта из "Белого Оленя"? Верно, парень ошибся. Однако ей ничего не оставалось, как пойти туда. Она вернулась на мощеную площадь к "Белому Оленю". Он был ярко освещен и выглядел гостеприимно, но ни лошади, ни двуколки поблизости не было. У Мэри упало сердце. Неужто Джем мог уехать без нее? Немного поколебавшись, она открыла дверь и вошла в ресторан. Зал был полон господ, которые весело болтали и смеялись. Ее простая деревенская одежда и намокшие, в беспорядке рассыпавшиеся волосы вызвали замешательство. Кто-то из obsługi быстро подошел к ней и попросил удалиться.

-- Я ищу мистера Джема Мерлина, -- твердо возразила Мэри. -- Он приехал в двуколке, и его видели с одним из ваших служащих. Простите за беспокойство, но мне очень важно найти его. Не справитесь ли вы о нем?

Человек нехотя отошел. Мэри осталась ждать у входа, повернувшись спиной к небольшой группе мужчин, стоявших у камина и с любопытством наблюдавших эту сцену. Среди них она узнала барышника и невысокого человека с рысьими глазами.

Ее охватило дурное предчувствие. Через некоторое время официант вернулся с подносом, уставленным стаканами, и обнес собравшихся у камина гостей. Немного погодя он принес им пирог и ветчину. На Мэри он не обращал никакого внимания, и только когда она окликнула его в третий раз, удосужился подойти к ней.

-- Извините, -- сказал он, -- но у нас сегодня и так хватает посетителей, чтобы еще заниматься теми, кто понаехал по случаю ярмарки. Нет тут человека по фамилии Мерлин. Я спросил даже на улице, никто о нем не слышал.

Мэри тотчас повернула к дверям, но ее опередил человек с рысьими глазами.

-- Если это темноволосый, цыганского типа парень, который днем пытался продать лошадь моему партнеру, то я могу кое-что рассказать о нем, -- заявил он, широко улыбнувшись и обнажив гнилые зубы.

Стоявшие у камина рассмеялись. Мэри обвела их взглядом.

-- Ну, так что вы имеете сказать? -- обратилась она к человеку с рысьими глазами.

-- Всего десять минут назад он был здесь в обществе одного господина, -- отвечал тот, все еще улыбаясь и разглядывая ее с головы до ног, -- и не без нашей помощи его убедили сесть в ожидавшую у дверей карету. Сперва-то он пытался возражать, но взгляд того господина, видно,

заставил его передумать. Вы, очевидно, знаете, что произошло с его вороным? Цена, которую он запросил, была чересчур высока. Он, без сомнения, слишком много за него запросил.

Его заявление вызвало новый взрыв смеха у собравшихся возле камина. Мэри смотрела на человека с рысьими глазами спокойно.

-- Так вы знаете, куда он уехал? -- спросила она.

Он пожал плечами и изобразил на лице сожаление.

-- Куда он направился, мне неизвестно, -- ответил он. -- И я с сожалением должен сказать, что ваш спутник не оставил прощального послания. Однако сегодня сочельник, вечер только начинается, и вы уже могли убедиться, как неприятно оставаться на улице в такую погоду. Если вы пожелаете подождать здесь, пока ваш друг соблаговолит вернуться, я и все присутствующие джентльмены будем рады развлечь вас.

С этими словами он положил свою вялую руку на плечо Мэри.

-- Каким же мерзавцем должен быть этот парень, чтобы бросить вас, - вкрадчиво произнес он. -- Зайдите, отдохните и забудьте о нем.

Не отвечая, девушка повернулась и пошла к дверям, слыша его смех за спиной.

Снова Мэри очутилась на опустевшей базарной площади, по которой гулял ветер и хлестал дождь. Значит, случилось худшее -- кража лошади была раскрыта. Другого объяснения быть не могло. Джема куда-то увезли. Тупо уставясь на темневшие перед ней дома, Мэри гадала, какое можно получить наказание за кражу лошади. А вдруг за это вешают, как за убийство?

Все тело болело, как будто ее побили. В голове был полнейший туман, перед глазами все плыло. Что же теперь? Как быть? Все кончено, она навсегда потеряла Джема и больше никогда его не увидит. Их короткому роману пришел конец. Мысль эта потрясла ее. Она брела, не ведая куда, и почему-то направилась в сторону холма с замком на вершине. Согласись она остаться в Лонстоне, всего этого не случилось бы. Они нашли бы где-нибудь комнату, были бы вместе и любили бы друг друга. И даже если бы утром его поймали, у них осталась бы эта ночь. Теперь, когда его не было рядом, горечь и сожаление терзали ее душу и тело; она поняла, что жаждала его любви. Это из-за нее его схватили, и она ничего не могла сделать для него. Без сомнения, его повесят, он умрет той же смертью, что его отец.

Стена замка, казалось, сурово взидала на нее. По канаве вдоль дороги бежал ручей из дождевой воды. Лонстон утратил всякую привлекательность, это было мрачное, серое, отвратительное место. Беда

подстерегала здесь на каждом углу. Мэри брела, спотыкаясь, нимало не заботясь о том, куда идет, забыв, что долгие одиннадцать миль отделяют ее от "Ямайки".

Если эта боль, отчаяние, бред и были любовью к мужчине, она не хотела такой любви. Это чувство лишало разума, душевного покоя и воли. Она, прежде такая уравновешенная и сильная, превратилась в растерянного ребенка.

Вдруг перед ней вырос крутой холм. Вот по этой дороге спускались они нынче днем, она еще заметила тогда сучковатый ствол дерева в проеме изгороди. Джем насвистывал песенку, и она, уловив мотив, напела пару куплетов. Тут Мэри словно очнулась и замедлила шаг. Идти дальше было безумием, впереди тянулась белая лента дороги. Под дождем и при свирепом ветре сил у нее хватит не больше, чем на две мили. Девушка поглядела назад -- туда, где светились огни города. Быть может, кто-нибудь пустит ее переночевать хотя бы на полу? Но у нее не было денег, а поверят ли ей в долг? Ветер срывал с головы шаль, пригибал к земле деревья. Лонстон встречал наступление Рождества непогодой.

Мэри опять двинулась по дороге. Ветер гнал ее, как осенний лист. Неожиданно в темноте она различила карету, медленно взбирающуюся на холм. Черная, приземистая, похожая на жука, она с трудом преодолевала встречный ветер. Девушка с унынием смотрела на нее, думая, что так же вот по неведомой дороге ехал сейчас навстречу гибели Джем Мерлин. Карета поравнялась с Мэри и чуть было не проехала мимо, но тут девушка, встрепенувшись, подбежала к ней и окликнула закутанного по уши кучера.

-- Вы не по Бодминской дороге поедете? -- прокричала она.

Кучер отрицательно покачал головой и стегнул лошадь, но не успела Мэри отступить в сторону, как из кареты высунулась рука и чья-то ладонь легла ей на плечо.

-- Что это Мэри Йеллан делает одна в Лонстоне в сочельник? -- прозвучал голос из кареты.

Рука была твердой, а голос мягкий. В глубине темной кареты она увидела черную как смоль шляпу, бледное лицо, бесцветные глаза, белые волосы. Это был викарий Олтернана.

10

В полумраке кареты Мэри разглядывала профиль викария, резко очерченный, с топким крючковатым носом, похожим на изогнутый клюв птицы; губы, узкие и бледные, плотно сжаты. Он сидел, несколько подавшись вперед, опираясь подбородком на рукоять трости из черного дерева, которую держал меж колен.

В этот момент его глаза, прикрытые белесыми ресницами, не были ей видны. Но тут он повернул голову и поглядел на нее, ресницы его затрепетали. Устремленные на девушку глаза были тоже беловатыми, прозрачными и ничего не выражавшими, точно стеклянными.

-- Итак, мы едем вместе во второй раз, -- сказал он по-женски мягким и тихим голосом. -- Мне посчастливилось вновь оказать вам помощь на дороге. Вы промокли до нитки, и вам следует снять одежду. -- Он смотрел с холодным равнодушием, как она, слегка растерявшись, принялась расстегивать булавку, которой была сколота шаль.

-- Этот сухой плед послужит вам до конца пути, -- продолжал он. -- Что до ног, то лучше вам остаться босиком. В карете очень дует.

Без лишних слов она скинула с себя насквозь промокшие шаль и корсаж и завернулась в предложенный ей ворсистый плед. Волосы ее выбились из-под ленты и укрыли обнаженные плечи. Она чувствовала себя как ребенок, которого уличили в проделке, и теперь он сидит, смиренно сложив руки и покорно внимая нотациям учителя.

-- Ну? -- строго глядя на нее, произнес он, и она сразу же сбивчиво принялась рассказывать обо всем, что с ней произошло. Как и в первую их встречу в Олтернэне, она совершенно растерялась, говорила путанно и неубедительно, как глупая деревенская девчонка. Из ее рассказа вышла банальная история о молодой женщине, которая позволила по отношению к себе некоторые вольности на ярмарке, и, будучи брошенной своим дружкой, вынуждена была добираться домой сама. Ей было стыдно назвать имя Джема. Запинаясь на каждом слове, она описала его как человека, который зарабатывал себе на жизнь, объезжая лошадей. Она познакомилась с ним случайно, когда бродила по пустоши. А вот теперь у него какие-то неприятности из-за продажи лошади; видимо, он уличен в нечестности.

Мэри мучила мысль о том, что подумает о ней Фрэнсис Дейви: молодая девушка едет в Лонстон с малознакомым человеком, замешанным в бесчестном поступке, он куда-то пропадает, а она бежит ночью по городу, промокшая и неопрятная, как какая-нибудь уличная девка.

Он выслушал ее до конца молча и несколько раз сглотнул слюну. Эта привычка запомнилась ей с первой их встречи.

-- Стало быть, вы все же не были столь одинокой? -- спросил он наконец. -- "Ямайка" оказалась не таким уж изолированным от людей местом, как вы полагали?

Мэри покраснела. Хотя в темноте викарий не мог видеть ее лица, она знала, что его глаза устремлены на нее, и чувствовала себя виноватой, словно совершила дурной поступок.

-- Так как же зовут вашего спутника? -- спокойно спросил он.

На мгновение она заколебалась, испытывая еще большее чувство вины и неловкости.

-- Это брат моего дяди, -- нехотя ответила она, как на исповеди, словно принуждая себя сознаться в содеянном грехе.

Каким бы ни было мнение Фрэнсиса Дейви о ней до сих пор, оно вряд ли теперь улучшилось. Ведь всего неделю назад она называла Джосса Мерлина убийцей, а теперь поехала с его братом как ни в чем не бывало поразвлечься на ярмарку, будто обычная прислуга из бара.

-- Вы, конечно, дурно думаете обо мне, -- поспешно продолжила она. - Не доверяя дяде и презирая его, едва ли было благоразумно довериться его брату. Сам он тоже нечестен, более того -- он вор, я это знаю. С самого начала он признался мне в этом. Но за всем этим... -- Тут она вконец сбилась и умолкла. Ведь Джем и вправду не стал отрицать своей вины и не пытался опровергнуть ее подозрений. А она без всяких оснований и вопреки здравому смыслу сама для себя пыталась оправдать его, не в силах освободиться от чувства, что вспыхнуло в ней, когда под покровом ночи он обнимал и целовал ее.

-- Вы полагаете, брат ничего не знает о ночном промысле трактирщика? - вопрошал мягкий голос. -- Он не связан с теми, кто пригоняет повозки в "Ямайку"?

Горестно покачав головой, Мэри произнесла:

-- Я не знаю, у меня нет доказательств. Он не желает говорить об этом, только плечами пожимает. Но одну вещь он мне сказал: он за всю жизнь никого не убил. И тут я ему верю. Он говорил также, что мой дядя сам так и лезет в руки правосудия и скоро попадетсЯ. Он наверняка не стал бы так утверждать, если бы был с ним в одной шайке.

Теперь она говорила, стараясь скорей разубедить себя, чем своего собеседника. Невинность Джема вдруг стала для нее важнее всего на свете.

-- Помнится, вы упомянули, что немного знакомы со сквайром, -- быстро промолвила она. -- Может быть, вы имеете на него влияние. Вы, несомненно, могли бы уговорить его проявить к Джему милосердие. Все-таки он молод и мог бы начать жизнь заново. При вашем положении это нетрудно.

Из-за молчания викария Мэри испытывала еще большее унижение. Чувствуя на себе холодный взгляд его бесцветных глаз, она поняла, какой нелепой дурочкой должна была казаться ему, как по-женски глупо вела себя. Должно быть, он догадывался, что она просит за мужчину, с которым

впервые в жизни целовалась, и, конечно же, в душе презирал ее.

-- Мое знакомство с мистером Бассетом из Норт-Хилла весьма поверхностно, -- мягко ответил он наконец. -- Раз или два мы обменялись с ним приветствиями и поговорили немного о наших приходах. Едва ли ради меня сквайр пощадит вора, особенно если тот окажется виновным, да к тому же выяснится, что он брат хозяина "Ямайки".

Мэри молчала. Снова этот служитель церкви произносил слова, продиктованные логикой и житейской мудростью, и ей нечего было возразить ему. Но, охваченная любовной лихорадкой, она не способна была внять голосу разума. Его слова лишь еще больше будоражили ее и приводили в полнейшее смятение.

-- Я вижу, вас беспокоит его судьба, -- произнес викарий, и Мэри попыталась уловить, что прозвучало в его голосе -- насмешка, укор или понимание. Но, не дав ей времени на раздумья, он продолжал: -- А если ваш новый друг повинен и в других вещах -- в сговоре с братом, в посягательстве на имущество, а может быть, и на жизнь других людей, -- что тогда, Мэри Йеллан? Вы по-прежнему будете пытаться спасти его? -- Она почувствовала, как на ее ладонь легла его рука, прохладная и бесстрастная. И тут Мэри не выдержала: все, что она испытала за этот долгий день, все тревоги и волнения, страх и отчаяние, безрассудная любовь, овладевшая ею к человеку, которого она сама же погубила, -- все переполняло ее сердце, и она разрыдалась, как ребенок.

-- Я не могу этого вынести, -- проговорила она, всхлипывая в отчаянии. -- Я готова была терпеть и жестокость дяди, и жалкую тупую покорность тети Пейшнс, даже страх и одиночество в этой жуткой "Ямайке". Нет, я бы не сбежала. Одиночество меня не страшит. От этого единоборства с дядей испытываешь некоторое, хоть и горькое, удовлетворение. Оно даже придает храбрости, и я чувствую, что в конце концов смогу одержать над ним верх, что бы он там ни говорил и ни делал. Я приготовилась вырвать тетю из его рук и добиться, чтобы свершилось правосудие, а потом, когда все будет кончено, устроиться где-нибудь на ферме, работать и жить независимо, как живут мужчины, как жила прежде сама. Теперь же я больше не в силах рассуждать и строить планы на будущее. Я мечусь, как зверек, попавший в силки. И все из-за этого человека, которого я презираю. Мой разум, мои понятия восстают против чувства, которое я испытываю к нему. Я не хочу любить вот так по-женски, мистер Дейви. Я не желала такой любви. Не нужна мне эта страсть, боль... Не желаю мучиться так всю жизнь. Я не могу этого вынести!

Обессилев, девушка откинулась назад и, стыдясь своей

несдержанности, отвернувшись к стенке кареты. Ей уже было безразлично, что думает о ней викарий. Он священник и, стало быть, отрешен от ее маленького мира бурь и страстей. Как ему понять все это! Как тяжело, как горько было у нее на душе!

-- Сколько вам лет? -- неожиданно спросил викарий.

-- Двадцать три, -- ответила Мэри.

Она услышала, как он громко сглотнул и, убрав руку с ее ладони, снова оперся подбородком на рукоять трости.

Между тем карета миновала лонстонскую долину, усаженную деревьями и кустарником, и стала взбираться по дороге, ведущей к пустоши. Вовсю задул ветер; на мгновение утихнув, ливень усилился вновь. Порой сквозь низко нависшие облака пробивалась одинокая звездочка и тут же опять скрывалась за темной завесой дождя. В узкое окно кареты был виден лишь черный квадрат неба.

В долине дождь был тише, а деревья и холмы защищали их от ветра. Здесь же, на возвышенности, ничто не сдерживало его от бешеных порывов. Ветер выл и стenal над вересковой пустошью.

Мэри начала дрожать от холода и невольно придвинулась поближе к своему спутнику, словно собачонка в поисках тепла. Впервые она физически ощутила его присутствие, почувствовала у виска его дыхание. Тут он заговорил, и девушка вдруг осознала, что он совсем рядом -- его голос прозвучал прямо над ее ухом. Неожиданно при мысли, что ее мокрые шаль и корсаж лежат на полу, а она сидит в нижней юбке, прикрытая одним только пледом, Мэри испытала сильное смущение.

-- Вы очень молоды, Мэри Йеллан, -- тихо произнес он. -- Вы -- всего лишь птенец, только что вылупившийся из яйца. Все пройдет, не такая уж это беда. Женщинам, подобным вам, нет нужды лить слезы из-за мужчины, которого вы видели раз или два. Первому поцелую не стоит придавать значения. Скоро вы забудете вашего приятеля и всю эту историю с украденной лошадью. Успокойтесь, утрите слезы. Вы не первая, кто страдает по утраченному возлюбленному.

Он не принял ее горести всерьез, считая их пустяками, подумалось Мэри. При этом ее удивило, что мистер Дейви не прибег к обычным словам утешения, ничего не сказал о спасительной молитве, о мире Господнем, о вечном блаженстве. Потом она вспомнила, как он вез ее домой в первый раз, как, охваченный азартом бешеной скачки, напрягшись, вцепившись в вожжи, он неистово стегал лошадь, бормоча что-то непонятное себе под нос. Как и тогда, у Мэри вновь возникло неприятное чувство, какая-то неловкость, которую она невольно связывала с его необычным цветом

волос и глаз. Его физическая аномалия словно отделяла его от остального мира. Среди животных существо с подобной аномалией вызывает отвращение, его преследуют, уничтожают или изгоняют из стаи. Едва подумав об этом, Мэри уже упрекала себя в ограниченности и непонимании, в том, что забыла о христианской любви. Он был таким же человеком, как и она, да к тому же священнослужителем. Бормоча извинения за свое глупое поведение, чувствуя, что произносит слова, которые пристали девице непотребного поведения, она подняла с полу одежду и незаметно под пледом стала натягивать ее на себя.

-- Так, значит, я не ошибался, прощаясь с вами тогда? В "Ямайке" все оказалось спокойно? -- спросил он немного погодя, следуя, очевидно, за ходом своих мыслей. -- Повозки больше не тревожили ваш мирный сон? И хозяин проводил время наедине со стаканом и бутылкой?

Мэри все еще пребывала в полном смятении и тревоге, всецело поглощенная мыслями о человеке, которого потеряла. Девушка не сразу поняла, о чем он спрашивает ее. За долгие часы она ни разу не вспомнила о дяде. Вдруг весь кошмар прошедшей недели вернулся к ней: нескончаемые бессонные ночи и долгие дни, проведенные в отчаянии и одиночестве. И перед ней снова возникли налитые кровью глаза дяди, его пьяная ухмылка. Мэри отчетливо представила, как он на ощупь пробирается на кухню, как его руки тянутся к ней.

-- Мистер Дейви, -- прошептала она, -- вы когда-нибудь слышали о людях, которые заманивают корабли в ловушку на погибель, чтобы ограбить их?

Никогда прежде она не произносила таких слов вслух, боясь даже подумать об этом. Мэри ужаснулась, услышав, как странно прозвучали они, как непристойно, словно богохульство. Она не могла разглядеть выражения его лица, но услышала, как громко он сглотнул. Широкие поля шляпы скрывали его глаза, ей был виден лишь профиль, острый подбородок и выдающийся вперед нос.

-- Однажды, много лет назад, еще маленькой девочкой я слышала, как один сосед говорил о них, -- продолжала она. -- Позже, когда я стала кое-что понимать, время от времени опять возникали подобные слухи. Иногда я ловила отрывки фраз, но темы этой избегали и разговоры быстро обрывались. Если кто-то из фермеров, вернувшись из поездки к северному побережью, начинал что-то рассказывать, то его сразу же заставляли замолчать. Старики запрещали говорить на эту тему, считая это верхом неприличия. Сама я во все это не верила. Спросила как-то матушку, и она сказала, что это страшные выдумки злых людей. Такого не было и не могло

быть. Но она ошибалась, мистер Дейви. Мой дядя -- один из таких злодеев, он сам признался мне в этом.

Викарий по-прежнему хранил молчание. Он сидел неподвижно, как каменное изваяние, и Мэри продолжала тихим голосом:

-- Все они вовлечены в это дело, от морского побережья до берегов Теймара, -- люди, которых я видела в ту первую субботу в баре "Ямайки". Цыгане, браконьеры, моряки, разносчик со сломанными зубами. Они своими руками убивали женщин и детей, держали их под водой, пока те не захлебнутся, добивали острыми камнями. Повозки, что разъезжают ночью по дорогам, это повозки смерти. Товары, которые они перевозят, это не просто контрабандные бочонки с бренди и тюки с табаком -- это груз с потерпевших крушение кораблей. Он залит кровью невинных обманутых жертв. Вот почему дядю боятся и ненавидят мирные люди во всей округе; вот почему все запираются от него, а экипажи не останавливаются у трактира, но проносятся мимо. Люди обо всем знают, только доказать не могут. Моя тетя живет в смертельном страхе перед разоблачением. А дядя, стоит ему напиться и потерять контроль, готов разболтать свою тайну первому встречному. Вот, мистер Дейви, теперь вы знаете о "Ямайке" правду.

Задохнувшись, она в изнеможении откинулась на спинку сиденья, кусая губы и заламывая от волнения руки, с которыми не могла справиться. Где-то в глубине ее сознания маячил неясный образ, неумолимо требуя к себе внимания. Со всей ясностью перед ее взором всплыло лицо Джема Мерлина -- человека, которого она любила. Оно было странно искажено и казалось злым, неожиданно и полностью слившееся с лицом старшего брата.

Но тут его заслонило другое, бледное, прикрытое полями черной как смоль шляпы. Белые ресницы трепетали, губы шевелились.

-- Значит, хозяин много болтает, когда пьян? -- услышала она его голос. В нем не было обычной мягкости, тон стал резче. Но когда она посмотрела на него, то встретила все тот же холодный и бесстрастный взгляд.

-- Да, и еще как, -- отвечала девушка. -- Прожив пять дней, не взяв в рот ничего, кроме бренди, он готов был раскрыть душу всему миру. Он сам предупредил меня об этом в первый же вечер моего приезда. И он не был тогда пьян. А вот четыре дня назад, впервые очнувшись от беспамятства, он, пошатываясь, зашел в полночь на кухню и вот тут уж заговорил. Вот откуда мне стало все известно. И наверное, поэтому я потеряла веру в людей, и в Бога, и в себя и поэтому, поехав сегодня в Лонстон, позволила себе потерять голову.

Они доехали до поворота. Теперь их путь лежал на запад. Ветер бушевал все сильнее. Карета еле ползла и вдруг встала, покачиваясь на высоких колесах, не в силах преодолеть напор встречного ветра. По окнам яростно барабанил ливень. Вокруг лежала голая незащищенная равнина. Облака стремительно неслись над землей, разбиваясь о вершины холмов. Ветер доносил соленый запах моря, лежавшего в пятнадцати милях от этих мест.

Фрэнсис Дейви наклонился вперед.

-- Мы приближаемся к развилке Пяти Дорог, здесь поворот на Олтернан, - сказал он. -- Кучер едет в Бодмин и довезет вас до "Ямайки". Я сойду у развилки и доберусь до деревни пешком. Так что же, я единственный человек, которого вы удостоили своим доверием, или разделяю эту честь с братом трактирщика?

И снова Мэри послышалась в его голосе то ли ирония, то ли насмешка.

-- Джем Мерлин знает, -- нехотя призналась она. -- Мы говорили об этом сегодня утром. Он был немногословен, но я знаю, что с дядей он не в ладах. Но теперь это уже не имеет значения, ведь Джема повезли в тюрьму за другое преступление.

-- А что, если бы он попробовал спасти свою шкуру, выдав брата? А, Мэри Йеллан? Вот о чем вам следует поразмыслить.

От его слов Мэри затрепетала. Да, то был новый шанс. На мгновение она готова была ухватиться за эту соломинку. Но викарий, должно быть, прочел ее мысли. Взглянув на него с надеждой, она увидела, что он улыбается: его тонкие холодные губы вдруг растянулись, и лицо стало похоже на маску -- на маску, которая дала трещину. Испытывая неловкость, словно она нечаянно подсмотрела нечто, не предназначенное для посторонних глаз, Мэри поспешно отвернулась.

-- Вам было бы легче, да и ему тоже, если бы ваш друг не был замешан в этих делах, -- продолжал священник. -- Но ведь у вас все же есть сомнения? И ни вы, ни я не знаем всей правды. Виновный человек обычно не затягивает веревку на собственной шее.

Мэри беспомощно развела руками. Видимо, он заметил отчаяние, проступившее на ее лице, ибо голос его зазвучал мягче, и он положил руку ей на колено.

-- "Угас наш день. Лишь сумрак впереди" [Неточная цитата из трагедии В. Шекспира "Антоний и Клеопатра". (Примеч. пер.)], - произнес он задумчиво. -- Если бы было дозволено использовать строки Шекспира, странная проповедь прозвучала бы завтра в Корнуолле, Мэри Йеллан. Однако ваш дядя и его сообщники не принадлежат к числу моих прихожан.

Да и будь они ими, все равно не поняли бы меня. Вы качаете головой; я говорю загадками. "Этот человек не способен дать утешения, -- говорите вы себе -Он чудовище, выродок... эти белесые волосы и глаза". Не отворачивайтесь, я знаю, что вы думаете. Скажу вам, чтобы успокоить вас, и можете сделать из этого вывод для себя. Через неделю наступит Новый год. Обманные сигнальные огни на море свое отсветили, кораблекрушений больше не будет. Конец. Свечам больше не гореть.

-- Я вас не понимаю, -- сказала Мэри. -- Откуда вам это известно и какое это отношение имеет к Новому году?

Он убрал свою руку и принялся застегивать пальто, готовясь выйти. Дернув за шнур и открыв окно, он приказал кучеру придержать лошадей. В карету ворвался холодный ветер, хлестнул колючий дождь.

-- Я возвращаюсь с совещания в Лондоне, -- ответил он, -- уже далеко не первого за последние несколько лет, и там было объявлено, что правительство Его Величества наконец решило в следующем году принять меры по охране побережья Королевства. Теперь на тропах, ныне известных лишь людям, подобным вашему дяде и его сообщникам, станут нести охрану стражи закона. Вся Англия, Мэри, будет охвачена плотной сетью, которую прорвать окажется нелегко. Теперь вы понимаете?

Фрэнсис Дейви открыл дверцу кареты и ступил на дорогу. Он обнажил перед ней голову, и дождь падал на его густые белые волосы. Он улыбнулся и, поклонившись, взял ее руку и на мгновение задержал в своей.

-- Вашим тревогам пришел конец, -- произнес он. -- Колесам повозок отныне суждено ржаветь, а закрытая комната с заколоченным окном станет гостиной. Ваша тетушка сможет снова спокойно спать, а дядя либо допьется до смерти и избавит вас от себя, либо обратится в веслианского праведника [Джон Весли -- проповедник методистской церкви в XVII века. (Примеч. пер.)] и пустится в странствия, читая проповеди на дорогах. Что до вас, то вы уедете на юг и там найдете себе возлюбленного. Спите эту ночь спокойно. Завтра Рождество, и в Олтернэне будут звонить колокола, призывая к миру и согласию. Я буду думать о вас.

Он махнул рукой, и карета тронулась.

Мэри высунулась в окно, желая окликнуть его, но он уже свернул куда-то у развилки и исчез из виду.

Карета загрохотала по Бодминской дороге. Надо было проехать еще мили три до того, как на горизонте замаячат высокие трубы "Ямайки". Но эти мили вдоль пустоши навстречу бушевавшему ледяному ветру оказались самыми долгими из всех двадцати с лишком миль, сделанных за сегодняшний день.

Теперь Мэри пожалела, что не сошла вместе с Фрэнсисом Дейви. В Олтернана ветер не выл бы так остервенело, а густые кроны деревьев защитили бы от дождя. Завтра она могла бы преклонить колени в церкви и помолиться впервые с тех пор, как уехала из Хелфорда. Если то, что сказал викарий, было правдой, то есть чему радоваться и за что благодарить Господа.

Дни кровожадного грабителя кораблей сочтены, он будет раздавлен новым законом и его сообщники вместе с ним. Их сметут с лица земли и уничтожат, как лет двадцать -- тридцать назад поступили с пиратами. И не останется от них следа, их имена вычеркнут из памяти, они не будут больше расстреливать души. Народится новое поколение, которое ничего не будет знать о них. Корабли будут плыть в Англию, не опасаясь, что станут добычей разбойников. В прибрежных пещерах, слышавших хруст гальки под их ногами и эхо их голосов, вновь воцарятся тишина и спокойствие, нарушаемые лишь криком чаек. Морские глубины сокроют останки безымянных жертв, остовы старых кораблей и потускневшие золотые монеты. Ужас, испытанный погибшими мореплавателями, останется навеки погребен вместе с ними. Все покроется забвением. Грядет заря нового века. Отныне люди смогут путешествовать безбоязненно, они будут хозяевами своей земли. Здесь, на этих просторах, фермы станут возделывать свои участки и сушить торф, как и прежде. Но исчезнет висевшая над ними тень страха, а на том месте, где стоит трактир "Ямайка", снова зазеленеет трава и зацветет вереск.

Сидя в углу кареты, Мэри погрузилась в мечты о новом мире, как вдруг ночную тишину разорвал звук выстрела. Через открытое окно она услышала отдаленный крик, мужские голоса и топот ног. Девушка высунулась из кареты, в лицо ей хлестнул дождь. Карета взбиралась вверх по крутому склону холма, а на горизонте виднелись трубы "Ямайки", очертаниями напоминающие виселицу. Кучер испуганно вскрикнул, лошадь дернула в сторону и споткнулась. Навстречу карете по дороге быстро бежала группа людей во главе с человеком, размахивавшим фонарем. Он высоко, как заяц, подпрыгивал на бегу. Снова раздался выстрел, кучер внезапно скорчился на сиденье и рухнул наземь. Лошадь опять споткнулась и, словно ослепнув, метнулась в канаву. Карету швырнуло в сторону, она закачалась на высоких колесах и остановилась. Кто-то непристойно выругался; раздался хохот, свист, крик.

В окно кареты просунулась голова с включенными волосами, из-под челки глянули налитые кровью глаза, в дикой улыбке сверкнули белые зубы. В окно посветили фонарем. Мэри увидела длинную руку с тонкими

изящными пальцами и забитыми грязью овальными ногтями. Другая сжимала пистолет, ствол его дымился.

Джосс Мэрлин улыбнулся своей безумной пьяной улыбкой. Его рука с пистолетом потянулась к Мэри, дуло уперлось ей в горло. Затем, засмеявшись, он швырнул пистолет через плечо и распахнул дверцу. Схватив девушку за руку, он выволок ее на дорогу и поднял повыше фонарь, чтобы все могли ее рассмотреть. С ним было человек десять или двенадцать. Они стояли посреди дороги, нечесанные, грязные, небритые. Половина из них были пьяны, как их предводитель. Они дико таращили на девушку глаза. Одни держали пистолеты, другие вооружились горлышками бутылок с острыми отбитыми краями, у третьих в руках были ножи и камни. Возле лошади стоял разносчик Гарри, а в канаве лицом вниз, подломив под себя руку, неподвижно лежал кучер.

Не отпуская девушку, Джосс Мерлин посветил ей в лицо, и, когда они ее узнали, раздался взрыв смеха, а разносчик, засунув в рот пальцы, громко засвистел.

Трактирщик повернулся к племяннице и с пьяной серьезностью отвесил ей поклон. После чего, ухватив ее за распущенные волосы и накрутив их на руку, он по-собачьи обнюхал ее.

-- А, так это ты? -- сказал он. -- Решила вернуться, поджав хвост и скуля, как сучка?

Мэри не отвечала. Стоя в толпе мужчин, она переводила глаза с одного на другого. Окружив ее кольцом, они глазели на нее, насмехаясь и глумясь, показывая на ее промокшую одежду и дергая за корсаж и юбку.

-- Ты что это, онемела? -- закричал дядя и ударил ее по лицу тыльной стороной ладони.

Она вскрикнула и заслонила, но он, схватив ее за запястье, вывернул руку за спину. От боли Мэри застонала, а он снова засмеялся.

-- Не станешь меня слушать -- убью, -- пригрозил он. -- Ишь, как зло глядит, плутовская рожа! И что, позвольте узнать, ты делаешь ночью в наемной карете на королевской дороге полуголая, с распущенными волосами? Выходит, ты просто обыкновенная шлюха.

Он сжал Мэри запястье и так дернул, что она упала.

-- Оставьте меня в покое, -- воскликнула она, -- вы не имеете права ни прикасаться ко мне, ни говорить со мной в таком тоне! Вы -- злодей, убийца и грабитель! Судебным властям об этом известно. Да, весь Корнуолл знает об этом. Вашему царствованию пришел конец, дядя Джосс. Я ездила сегодня в Лонстон, чтобы все рассказать о вас.

Поднялся гвалт. Вся шайка двинулась на Мэри, крича и требуя

разъяснений. Но трактирщик рыкнул на них так, что они отступили.

-- Назад, чертовы болваны! Не видите, что ли, что она все врет, выкрутиться хочет, чтобы я ее не трогал? -- обрушился он на них. -- Как она может донести на меня! Что может она знать? Да ей в жизни не пройти одиннадцать миль до Лонстона. Поглядите на ее ноги. Да она провела время с мужиком где-нибудь на дороге, а когда ему надоела, он посадил ее в карету и отправил назад. Подымайся, а не то ткну тебя носом в грязь!

Он рывком поднял Мэри на ноги и, крепко держа, поставил рядом с собой. Потом показал на небо. Низкие тучи разошлись под напором порывистого ветра, в прорыве выглянула звезда.

-- Гляньте-ка на небо! -- завопил он. -- Проясняется, дождь скоро кончится. Нужно поспеть, пока на море шторм и туман. Рассвет наступит через шесть часов, хватит терять время. Приведи свою лошадь, Гарри, и запряги ее. В карете поместится половина из нас. И возьми еще на конюшне телегу и коня, а то он за неделю совсем застоялся. Ну, вы, ленивые, пьяные черти! Неужто не хотите почувствовать, как золото и серебро текут вам в руки? Я сам провалялся семь дней, как боров, а сегодня чувствую себя так, будто заново родился. Меня снова тянет на берег. Так кто едет со мной в сторону Кэмелфорда?

Дружный вопль вырвался из глоток, руки взвились вверх. Один парень заорал песню, размахивая бутылкой и пошатываясь, но тут же споткнулся и угодил лицом в грязь. Разносчик пнул его ногой, но тот даже не пошевелился. Взяв лошадь под уздцы, Гарри потянул ее вперед, понукая криками и ударами одолеть крутой подъем. Карета поехала колесами по упавшему парню. Дергая ногами, как подстреленный заяц, крича от ужаса и боли, он так и остался барахтаться в грязи, потом затих.

Остальные бросились бегом за каретой. Джосс Мерлин, глянув на Мэри с дурацкой пьяной ухмылкой, вдруг схватил ее за руку и потащил к карете. Распахнув дверцу, он толкнул девушку в угол на сиденье и забрался сам. Высунувшись из окна, он крикнул разносчику, чтобы тот подхлестнул лошадь. Бежавшие рядом с каретой подхватили его крик; несколько человек вспрыгнули на подножку и прижались к окну, остальные забрались на сиденье кучера и обрушили на лошадь удары палок и камней. Покрывшись испариной, испуганное животное задрожало и галопом пустилось вверх по дороге, подгоняемое полдюжиной обезумевших детей, которые вцепились в поводья и вопили что было мочи.

"Ямайка" сверкала огнями; двери были распахнуты настежь, ставни открыты. Трактирщик походил на огнедышащее чудовище, возникшее в ночной тьме.

Трактирщик зажал Мэри рот рукой и с силой придавил ее к стенке кареты.

-- Так хочешь донести на меня? -- проговорил он. -- Побежишь к судье, и я буду болтаться на веревке, какдохлая кошка? Ну что ж, у тебя еще будет время, Мэри. Сначала постоишь на берегу моря, ветер и брызги остудят тебя, ты увидишь закат и прилив. Ведь ты знаешь, что все это значит? Знаешь, куда я собираюсь взять тебя?

Мэри смотрела на него с ужасом. Кровь отхлынула от ее лица. Она попыталась заговорить с ним, но его рука все еще зажимала ей рот.

-- Ты вообразила, что не боишься меня? -- продолжал Джосс. - Насмехаешься надо мной, воротишь свою хорошенькую белую рожицу, дерзко смотришь?.. Ну да, я пьян... пьян, как король, и пусть разверзнутся небеса и все катится в тартарары -- мне плевать. Сегодня мы с приятелями позабавимся на славу, быть может, в последний раз. И ты, Мэри, поедешь с нами к побережью...

Он отвернулся и прокричал что-то сообщникам. Испугавшись его крика, лошадь рванула вперед, увлекая за собой карету. Огни "Ямайки" скрылись во мраке.

11

Эта кошмарная поездка длилась больше двух часов, пока они не добрались до побережья. Потрясенная жестоким отношением с ней, вся в синяках, Мэри лежала без сил в углу кареты. Она не думала о том, что ей предстоит. В карету влезли разносчик Гарри и еще двое. Они уселись рядом с дядей. От них скверно пахло, сильно разило винным перегаром и табаком.

Трактирщик сам пришел в ужасное возбуждение и довел своих сообщников до такого же состояния. К тому же присутствие в карете девушки подливало масла в огонь. Зрелище ее слабости и очевидных страданий явно доставляло им удовольствие. Сначала они пытались заговорить с ней, смеялись и напевали, всячески стараясь произвести на нее впечатление. Разносчик Гарри принялся горланить свои непристойные куплеты. Он орал так, что сотрясал карету, чем вызвал лишь восторженные вопли слушателей, еще больше распаляя их.

Они с любопытством поглядывали на Мэри в надежде уловить на ее лице смущение и неловкость. Но она была слишком измучена, и грязный смысл их слов и песенок не доходил до нее, а их голоса едва проникали сквозь завесу усталости. Ко всему дядя еще пребольно уперся ей в бок локтем. Голова раскалывалась, табачный дым разъедал глаза, она с трудом различала оскалившиеся физиономии попутчиков. Что бы они ни говорили

или ни делали, не имело уже никакого значения. Мэри мучительно хотелось уснуть и не видеть и не знать ничего.

Когда они убедились, что девушка не реагирует на их фокусы, то перестали обращать на нее внимание, и Джосс Мерлин, порывшись в кармане, вытащил колоду карт. Игра сразу же заняла их, наступило благословенное затишье, и Мэри еще сильнее вжалась в угол, отворачивая лицо от горячего дыхания дяди и его животного запаха. Она закрыла глаза и ни о чем больше не думала; покачивание кареты убаюкало ее. Усталость была столь сильна, что сознание почти покинуло Мэри. Слабо, как в дурмане, она ощущала тупую боль, смутно слышала скрип колес, тихие голоса, но все это происходило как бы не с ней и ее не касалось. Свет померк в ее глазах, и девушка погрузилась во мрак, с благодарностью приняв его как милость свыше. Время больше не существовало для нее.

Мэри очнулась, лишь когда карета остановилась. Через приоткрытое окно внутрь проникал холодный и влажный воздух. Вокруг было тихо, она сидела в углу одна. Джосс с попутчиками ушли, взяв фонарь. Некоторое время девушка сидела не шелохнувшись, боясь, что они вот-вот вернутся. Что же с ней приключилось? Она потянулась было к окну, но тело пронзила острая боль, оно было как чужое. Боль сковала онемевшие от холода плечи; одежда на ней все еще была влажной. Мэри откинулась назад и посидела так, собираясь с силами. Потом заставила себя наклониться к окну. По-прежнему дул сильный ветер, однако ливень сменился холодным мелким дождем. Карета стояла в узкой глубокой лощине, лошадь была выпряжена. Лощина круто уходила вниз, по ней вилась узкая неровная тропинка. Вперед было видно всего на несколько ярдов. Все окутала ночная мгла, а в лощине было темно, как в колодце. Ни единой звезды на небе. Лишь свист и вой ветра, да густой сырой туман вокруг.

Она просунула в окно руку и вытянула ее вперед: пальцы коснулись рыхлого песка и мокрой от дождя травы. Девушка подергала за ручку, но дверца была заперта. Напряженно всматриваясь в темноту, Мэри прислушалась. Ветер донес до нее глухой и так хорошо знакомый шум. Впервые в жизни она не обрадовалась, услышав его. Дрожь пробежала по ее телу, сердце сжалось от дурного предчувствия.

То был шум моря. Лощина, где стояла карета, вела к берегу. Она теперь знала, отчего воздух стал по-особому влажным и мягким, а у капель дождя, попадавших ей на руку, был солоноватый привкус. После болот, где свободно гулял ветер, эта глубокая лощина, казалось, могла уберечь ее от непогоды. Но она знала, что стоит выбраться наверх, как это обманчивое впечатление исчезнет. Какой там покой! В такую пору на море

душераздирающе стонет ветер, а волны с ревом неистово бьются о скалы. До нее снова и снова доносился нестихающий шум волн, их шепот и глубокие вздохи. Море яростно накатывалось на берег и, как бы отдав ему свою силу, нехотя отступало назад, но через мгновение обрушивалось с новой силой, сметая на своем пути камни и гальку.

Мэри охватила дрожь. Где-то внизу, во тьме, дядя с сообщниками ждали прилива. Ничто не выдавало их присутствия. Если бы она слышала звук их голосов, ожидание в пустой запертой карете не было бы столь нестерпимым. Сейчас ее, наверно, обрадовали бы даже те отвратительные крики, хохот и пение, которыми они взбадривали себя во время поездки. Предстоящее дело, видимо, отрезвило их, и они нашли своим рукам работу.

Теперь, когда Мэри несколько пришла в себя, бездействие казалось ей невыносимым. Она взглянула на окно. Может быть, ей удастся как-то пролезть через него. Рискнуть стоило. Ей было наплевать на свою жизнь -- пусть дядя и его подручные, если найдут, растерзают ее. Им эта местность хорошо знакома. Они, как свора гончих псов, легко разыщут ее.

Девушка встала на сиденье и, повернувшись к окну спиной, начала протискиваться через него, мучительно преодолевая боль во всем теле. От дождя крыша кареты была мокрой и скользкой, и Мэри никак не могла ухватиться за нее, но с упорством продолжала выбираться наружу. Наконец, теряя сознание от боли, она сумела вылезти по пояс, до крови ободрав бок об оконную раму. Ноги ее уже не касались сиденья, и, потеряв равновесие, Мэри вывалилась из окна и упала на спину. Высота была небольшой, но она все же сильно ушиблась. Ссадина на боку кровоточила. Немного оправившись от удара, Мэри заставила себя подняться и, осторожно нащупывая дорогу, начала медленно двигаться по крутой тропинке. Она еще не знала, что будет делать дальше, но решила, что ей нужно непременно выбраться из лощины и идти прочь от моря. Она была уверена, что дядя с его подручными находятся на берегу. Тропинка круто поворачивала в сторону от моря. Она, по крайней мере, выведет Мэри наверх, к скалам. Там даже в темноте можно будет определить, где находишься. Где-то рядом должна быть дорога, по которой они приехали сюда. А если есть дорога, то поблизости должно быть и жилье. Там найдутся честные люди, которым она расскажет всю правду, и они подымут всю округу.

Спотыкаясь о камни, девушка ощупью лезла все выше. Ветер раздувал ее распущенные волосы, они падали на лицо, мешали видеть. Обогнув скалу с острыми углами, она подняла руки, чтобы отбросить волосы назад, но тут неожиданно заметила перед собой скорчившуюся фигуру. На

тропинке спиной к ней стоял на коленях человек и смотрел вверх по склону. Мэри с ходу налетела на него, и от неожиданности оба упали. Вскрикнув от испуга и злости, он ударил девушку кулаком. Вырвавшись из рук незнакомца, она расцарапала ему лицо, но тот был куда сильнее. Подмяв Мэри, он схватил ее за волосы и скрутил их в узел. От боли она затихла. Тогда, тяжело дыша, он прижал ее к земле и стал пристально вглядываться ей в лицо, скаля сломанные пожелтевшие зубы. Это был разносчик Гарри.

Мэри лежала неподвижно. Она мысленно кляла себя. Как глупо было идти так неосторожно впотьмах по тропинке, даже не подумав, что злоумышленники наверняка выставят охрану. Даже дети, играя в военные игры, поступили бы так.

Разносчик ожидал, что Мэри заплачет или вновь начнет отбиваться от него, но она не издала ни звука. Тогда он чуть откатился и лег сбоку, опершись на локоть. Хитро улыбаясь, он кивнул в сторону моря.

-- Небось не ждала встретить меня здесь? -- сказал он. -- Думала, что я на берегу вместе с хозяином и с остальными расставляю ловушку. А ты, значит, выпалась и решила прогуляться. Ну что ж, раз ты сама пришла ко мне, то окажу тебе радушный прием.

Ухмыляясь, он коснулся грязным пальцем ее щеки.

-- В этой канаве холодно и сыро, -- заметил он, -- ничего не поделаешь. Они пробудут там еще не один час. По тому, как ты нынче говорила с Джоссом, видно, что ты ополчилась против него. Ему не следовало держать тебя в "Ямайке", как птичку в клетке. Даже не купил тебе хорошего платица. Наверно, и брошки какой-нибудь не подарил. Ну, ничего, я куплю тебе кружев на воротник, браслетов и мягкого шелку, чтоб ласкал твою нежную кожу. Ну-ка дай потрогать...

Разносчик подмигнул ей и нахально улыбнулся. Мэри почувствовала, как его рука медленно тянется к ней. Резким движением она с силой ударила Гарри и попала прямо в подбородок. Его зубы лязгнули, и он больно прикусил язык. Негодяй пронзительно взвизгнул, как кролик, и Мэри ударила его еще раз. Тут он снова навалился на нее, уже без притворной ласки. Лицо его побелело от злости, он бешено пытался овладеть ею.

Понимая, что он намного сильнее и в конце концов возьмет верх, Мэри на мгновение, чтобы обмануть его, прекратила сопротивляться и как бы поддалась. Торжествуя победу, разносчик радостно хмыкнул и ослабил хватку. Этого-то она и ждала. Как только он чуть сдвинулся и опустил голову, она со всей силы пнула его коленкой в живот и впилась ногтями ему

в глаза. От боли разносчик согнулся пополам и завалился набок. В мгновение ока Мэри вырвалась, вскочила на ноги и ударила его ногой еще раз. Гарри беспомощно катался по земле, прижав руки к животу. Мэри пыталась нащупать в темноте камень, но не нашла. Тогда она начала швырять пригоршнями песок с землей ему в лицо, стараясь попасть в глаза. Потом со всех ног бросилась вверх по тропинке, вытянув вперед руки, хватая ртом воздух и спотыкаясь о камни. Но когда сзади послышались его крики и топот ног, ее охватила паника, и она стала отчаянно карабкаться вверх по скользкому косогору. Добравшись до края, Мэри, всхлипывая, продралась через колючий кустарник, росший по гребню лощины. До крови царапая лицо и руки, но ни на секунду не останавливаясь, она мчалась куда глаза глядят -- вдоль утеса, по буграм и кочкам, прочь от лощины, подальше от этого негодяя -- разносчика по имени Гарри.

Вдруг туман стеной встал перед ней, и в нем исчезли заросли. Тут девушка остановилась. Морской туман -- коварная штука, вмиг заблудишься и, чего доброго, вновь выйдешь к той тропинке. Опустившись на четвереньки, она осторожно поползла вперед по узкой песчаной дорожке, которая, похоже, шла в нужном направлении. Продвигалась она медленно, но инстинктивно чувствовала, что разносчик остается все дальше позади, и это было главное. Мэри потеряла счет времени; вероятно, было три-четыре часа утра, и до рассвета еще далеко.

Снова заморосил дождь. В тумане шум моря, каралось, доносился со всех сторон, куда ни повернешь. Удары волн о береговые камни, ничем теперь не приглушаемые, звучали громко и отчетливо. Ветер тоже служил плохим ориентиром: он мог изменить направление, а береговой линии она совсем не знала. Девушка поняла, что повернула не на восток, как рассчитывала, а вышла к обрыву прямо над морем.

Где-то совсем рядом невидимые в тумане волны с шумом разбивались о каменистый берег. Значит, обрыв был крутым, но не высоким, а тропинка, по которой она выбиралась из лощины и которая казалась мучительно длинной и извилистой, вела не к скалам, а прямо к морю и начиналась буквально в нескольких ярдах от берега. Склоны глубокой лощины приглушали шум волн.

Внезапно сквозь разрыв в тумане показался клочок неба, и Мэри неуверенно поползла вперед. Тропинка становилась все шире, туман редел, ветер дунул в лицо, и девушка увидела, что стоит на четвереньках на узкой прибрежной полосе среди гальки, выброшенных прибоем водорослей и обломков дерева. По обе стороны высились скалы, а прямо перед ней вздымались и накатывались на берег высокие волны.

Присмотревшись, она заметила за острым выступом скалистого утеса группу людей. Они затаились там, тесно прижавшись друг к другу, и молча вглядывались в темноту. В их неподвижности, в том, как они приникли к камням в напряженном ожидании, таилась угроза, готовность к действию. Видеть их такими было жутко. Для них естественнее было бы орать, во весь голос распевать песни, взрывая тишину ночи своими мерзкими голосами, с хрустом давить гальку тяжелыми сапогами. Их молчание казалось зловещим и предвещало драматическую развязку.

Лишь небольшой выступ скалы скрывал Мэри, и, боясь обнаружить себя, она не смела выглянуть из-за него, а только подползла поближе и опустилась на гальку. Впереди, спиной к ней, стоял дядя с сообщниками.

Мэри застыла в ожидании. Они тоже стояли неподвижно, не издавая ни звука. Лишь море с постоянной монотонностью накатывалось на берег и отступало вновь, оставляя на песке отчетливо заметную в ночной темноте полосу белой пены.

Туман немного рассеялся, и Мэри разглядела очертания узкого залива. Четче стали видны контуры скал и каменистых утесов. Вдали справа у самой вершины скалы, круто спускавшейся к морю, она различила слабый, едва мерцающий огонек. Он был похож на тусклую звездочку, еле проглядывающую сквозь поредевшую полосу тумана. Но звезды не бывают такими белыми и не раскачиваются на ветру. Мэри стала внимательно наблюдать. Огонек колыхался и плясал в такт порывам ветра, как живой. Вот он мигнул вновь, будто моргнул в темноте глаз неведомого существа. Люди на берегу не обращали на него внимания, они по-прежнему глядели в темную морскую даль.

И Мэри поняла, отчего им безразличен одиноко мерцающий в ночи белый огонек. Ее охватил ужас: этот маленький белый глаз, который было приободрил ее, вовсе не приветливый огонек! Этот огонь зажжен дядей и его сообщниками, он нес в себе зло и обман, а его неровный свет будто насмехался над мореплавателями. В ее воображении огонь разгорался все ярче, становился желтым и зловещим; он уже господствовал над утесом. Кто-то следил за тем, чтобы огонь не погас. Мэри увидела, как его на мгновение загородила чья-то фигура, затем он засиял вновь. На серой поверхности скалы пятном мелькнула тень и стала быстро перемещаться в сторону моря. Это спускался к своим сообщникам сигнальщик. Он, видимо, спешил, передвигался быстро, не обращая внимания на то, что камни с шумом вырываются из-под его ног.

Шум, однако, встревожил тех, кто ждал на берегу. Впервые за все время они оторвали глаза от моря и взглянули на спускавшегося

сигнальщика. Мэри увидела, как он, приложив рупором ладони ко рту, стал что-то кричать им, но слова относил ветром, и она ничего не разобрала. Однако сообщники его услышали, они задвигались, а кто-то поспешил ему навстречу. Когда же он вновь прокричал им, указывая в сторону моря, они бросились к воде, забыв на мгновение свою прежнюю осторожность. Их тяжелый топот и громкие голоса заглушили шум прибоя. Затем один из них -- по широким прыжкам и мощным плечам Мэри узнала в нем дядю -- поднял вверх руку, призывая к тишине. Все разом смолкли и замерли у самой кромки воды. Растянувшись цепочкой вдоль берега, они походили на черных воронов. Их темные силуэты были хорошо видны на более светлом фоне прибрежного песка.

Мэри тоже стала всматриваться в морскую даль. Вот из тумана и мглы, как бы в ответ на первый, возник другой огонек. Он не метался и не плясал, как огонь на скале. Нырнув вниз и исчезнув среди волн, как усталый путник, упавший под тяжестью своей ноши, огонь вновь взмыл вверх, будто чья-то рука подняла его ввысь в отчаянной попытке разорвать пелену тумана.

Огонек в море приближался к огоньку на утесе, который, казалось, манил его навстречу. Скоро они поравняются и превратятся в два белых глаза в ночной темноте. Люди, застывшие на узкой прибрежной полосе, молча ожидали этого момента.

Огонек опять погрузился в волны, и Мэри различила над водой очертания корабля, его черные мачты и реи, вздымавший белые буруны нос. Корабль стремительно приближался к сигнальному огню на скале. Так мотылек, влекомый пламенем сзечи, мчится навстречу своей гибели.

Мэри не могла больше вынести этого. Она вскочила на ноги и бросилась к берегу, крича и плача на бегу, размахивая над головой руками, стараясь перекричать шум моря и ветер, который, будто в насмешку, относил ее крик назад. Ее схватили и бросили на землю, вцепились руками в горло, принялись топтать и пинать ногами; руки скрутили за спиной и больно связали веревкой. На лицо ей накинута грубая мешковина, чтобы заглушить крики. Потом бросили лежать одну ничком на гальке в двадцати ярдах от волн. Она лежала совершенно беспомощная, крик застрял в ее горле.

Но вот воздух наполнили крики и вопли тех, кого она не смогла предостеречь. Разносимые ветром, они заглушали даже рев прибоя. Раздался оглушительный грохот врезавшегося в скалы огромного корабля. Разламываясь на части, деревянная громада издавала леденящий душу скрежет. Море отхлынуло. Но тут огромный вал, словно магнитом

притягиваемый к берегу, вновь с грохотом обрушился на накренившийся корабль. Мэри увидела, как эта черная махина, словно огромная черепаха, опрокинулась набок, мачты надломились, как спички, лопнули и беспомощно повисли снасти. К скользкому борту прильнули маленькие черные точки. Они липли к деревянным обломкам, цеплялись за концы канатов. В последний раз корабль взмыл на волне и, содрогнувшись, раскололся надвое. Одна за другой черные точки сваливались в кипящую пучину моря, беспомощные и безжизненные.

У Мэри потемнело в глазах. Дурнота подступила к горлу. Прижавшись лицом к гальке, она зажмурилась.

Разбойники вострепнулись. Кончилось томительное ожидание и бездействие. Они носились по берегу, визжали и вопили, вконец обезумев и потеряв человеческий облик. Забыв всякую осторожность, они по пояс заходили в бурлящее море, хватали разбухшие, качавшиеся на волнах вещи, которые приливом прибывало к берегу. Они дрались и грызлись между собой, как дикие звери. Некоторые разделись догола, не обращая внимания на холод, лишь бы не упустить добычу. Они возбужденно перекликались, ссорились, вырывали вещи друг у друга. Кто-то разжег у подножия скалы костер. Несмотря на моросивший дождь, он горел сильно и ярко. Добычу выволакивали на сушу и складывали в кучу около костра. Огонь озарил весь берег, залил его ярко-желтым светом, высветил суetyающиеся черные фигуры людей, захваченных своей страшной работой.

На берег выбросило первый труп. Море пощадило его лицо и тело. Злодеи окружили его и принялись обшаривать карманы, стаскивать одежду, срывать с рук кольца. Сняв с мертвеца все до последней нитки, они оставили его лежать на спине среди прибитого приливом мусора.

Неизвестно, как они работали раньше, но этой ночью бандиты действовали лихорадочно и суматошно, хватая все, что попадалось под руку. Каждый старался для себя. В пьяном угаре, одурев и обезумев от привалившей удачи, они напоминали собак, дерущихся за добычу у ног своего хозяина -- владельца трактира. Его затея увенчалась успехом, он был их царь и Бог. Они послушно следовали за ним, когда, раздевшись, он бросался под волны, не обращая внимания на поток воды, стекавший с его густых волос на лицо. Среди них он казался гигантом.

Начинался отлив. Море опустело; стало еще холоднее. Огонь, горевший на вершине скалистого утеса, потускнел. Он по-прежнему приплясывал на ветру и кривлялся, как старый шут, сыгравший злую шутку. Небо посветлело, бросив серый отблеск на воду. Поначалу разбойники, занятые добычей, не замечали наступления рассвета. Джосс

Мерлин первым поднял вверх голову, глубоко втянул воздух и повернулся, внимательно оглядывая совсем уже четкие контуры скал. Он крикнул, приказывая всем замолчать, и указал рукой на небо.

На миг грабители заколебались, с сожалением посматривая на обломки корабля, которые покачивались на волнах, словно еще надеясь на спасение. Затем, как по команде, они повернулись и молча побежали к лощине. В утреннем свете их лица выглядели серыми и испуганными. Они слишком замешкались и увлеклись добычей. Рассвет наступил быстро и неожиданно, грозя изобличить преступников. Мир пробуждался ото сна, власть ночи кончилась.

Джосс Мерлин стянул с Мэри мешковину и рывком поднял ее на ноги. Поняв, что она совсем ослабела и не может держаться на ногах, он в ярости выругался, поглядывая на скалы, которые с каждой минутой становились все светлее. Затем наклонился, ибо она вновь опустилась на землю, поднял ее и взвалил как мешок себе на плечи. Голова Мэри болталась, руки безжизненно повисли. Джосс сильно сдавил ей ободранный бок, и боль распространилась по всему ее застывшему от сырости и холода телу. Так он бежал с ней по прибрежной полосе до спуска в лощину. Его сообщники в панике уже забрасывали последние тюки на спины ожидавших их трех лошадей. Их движения были поспешными и неловкими, вели они себя как невменяемые. Трактирщик же, от волнения вдруг совершенно протрезвев, не менее беспорядочно командовал ими, громко чертыхаясь и бранясь через слово.

Карета застряла в песке еще при въезде в лощину, и все попытки вытянуть ее ни к чему не привели. Это непредвиденное осложнение лишь усилило панику. Кое-кто полез вверх по тропе, забыв обо всем -- только бы унести ноги. Дневной свет был их врагом, укрыться от него легче было в одиночку -- залечь где-нибудь в канаве среди зарослей колючего кустарника, а не толпиться на дороге. На побережье, где все друг друга знают, любому покажется подозрительной большая группа незнакомцев, тогда как какой-нибудь одинокий браконьер или бродяга-цыган может незаметно пройти и скрыться от чужих глаз.

На дезертиров, полезших наверх, обрушился град проклятий тех, кто оставался внизу и пытался вытащить карету. Потеряв голову, они рванули карету на себя с такой силой, что она завалилась набок, а колесо разлетелось вдребезги. Эта неудача повергла разбойников в полное смятение. Часть их бросилась к телеге, брошенной выше по дороге, другие побежали к лошадям, без того уже нагруженным поклажей. Те, кто еще повиновался вожаку, подожгли карету -- она была серьезной уликой против

них всех.

Тут завязалась драка из-за телеги. За нее каждый готов был перегрызть другому глотку. Они кусались, рвали друг друга ногтями, били и резали острыми камнями, осколками стекла. Полилась кровь. Трактирщика и разносчика Гарри, который единственный среди этого сброда остался верен своему вожаку, оттеснили и прижали к телеге. Оба, на чем свет стоит, кляли взбунтовавшихся сообщников. Те же, охваченные страхом перед погоней, которой днем им было не миновать, смотрели теперь на Джосса Мерлина как на смертельного врага, ставшего причиной их неудачи. Кумир был развенчан.

Преимущество, однако, было у тех, кто имел пистолеты. Первый выстрел Джосса не попал в цель, и пуля вошла в противоположный склон лощины. Воспользовавшись этим, один из нападавших ударил Джосса острым камнем по лицу, задев глаз. Тогда Джосс выстрелил в упор ему в живот. С истошным криком тот согнулся пополам и рухнул в грязь. Тем временем разносчик Гарри всадил пулю еще в одного из нападавших. Из его горла фонтаном брызнула кровь.

Бросив истекающих кровью, бьющихся в смертельной агонии раненых, растерянные и перепуганные бандиты кинулись в панике бежать прочь по извилистой дороге, подальше от своего бывшего главаря. Телега досталась трактирщику. С дымящимся пистолетом в руке он стоял, опершись на ее край. Из его поврежденного глаза струилась кровь.

Оставшись вдвоем, он и разносчик не стали терять время, быстро побросав добычу на телегу. Потом перенесли туда Мэри. На телеге был навален разный хлам, по большей части бесполезный. Все, что могло представлять ценность, осталось на берегу. Но они не рискнули вновь отправиться туда. Время ушло, да им было и не унести всего вдвоем.

Двое застреленных мародеров так и остались лежать на земле возле телеги. Живы они были или нет -- разбираться было некогда. Их тела тоже являлись уликой, от которой следовало избавиться. Разносчик Гарри перетащил их к горевшей карете. Огонь полыхал вовсю, и от кареты уже мало что осталось -- торчало лишь одно колесо над обуглившимися кусками дерева.

Джосс Мерлин запряг последнюю оставшуюся лошадь. Он и разносчик молча взобрались на телегу. Щелкнул кнут, и телега тронулась.

Лежа на спине, Мэри наблюдала, как по небу ползут низкие облака. Наступило утро, сырое и хмурое. Все еще слышался шум моря, который становился все глуше и тише. Казалось, волны израсходовали всю свою неистовую силу и теперь нехотя отступают от берега. Ветер тоже стих.

Высокие травы, росшие по крутым склонам лощины, стояли не колышась. В воздухе пахло сырой землей и турнепсом. Серые облака постепенно слились в одну сплошную тучу. Заморосил дождик, мелкие капли падали девушке на лицо и руки. Со скрипом проехав по разбитой колее, телега повернула направо и выехала на более ровную, покрытую гравием дорогу. Она вела на север между изгородями из живого кустарника. Издалека, через зеленые луга и распаханые земли, неожиданно донесся веселый перезвон колоколов. Как странно было слышать их в это страшное утро.

И вдруг Мэри вспомнила, что сегодня Рождество.

12

Квадратное оконное стекло показалось ей знакомым. Оно было больше, чем в карете, и перед ним выступал карниз, а по стеклу шла трещина, которую она хорошо помнила. Напрягая память, Мэри смотрела на нее, удивляясь, почему дождь больше не сыплет в лицо и не дует ветер. Движение тоже прекратилось. Первой мыслью было, что карета остановилась, снова натолкнувшись на крутой склон в лощине, и что это обстоятельство и судьба заставят ее снова пройти через все, что с ней один раз уже произошло. Она выберется из кареты через окно, упадет и сильно ушибется. Поднявшись по извилистой тропинке, вновь натолкнется на разносчика Гарри, спрятавшегося в канаве; на сей раз у нее уже не хватит сил противостоять ему. Внизу на береговой полосе разбойники ожидают прилива, а гигантскую безжизненную черную черепаху-корабль несет и увлекает в морскую бездну.

Мэри застонала и замотала головой из стороны в сторону; краешком глаза она заметила возле себя выцветшую коричневую стену и ржавую головку гвоздя, на котором некогда висела какая-то табличка. Она лежала в своей постели в трактире "Ямайка".

В этой ненавистной ей комнате, столь холодной и тоскливой, она, по крайней мере, хотя бы чувствовала себя защищенной от ветра, дождя и рук разносчика Гарри. Здесь не слышно было шума моря, И гул прибоя больше не тревожил ее. Если бы в этот миг за ней пришла смерть, то стала бы желанной гостьей. Мэри была морально раздавлена, и лежащее на постели тело не принадлежало ей. Она не хотела больше жить. Потрясение, которое ей пришлось испытать, лишило ее сил. Она чувствовала себя тряпичной куклой. Слезы жалости к себе наполнили ее глаза.

Над девушкой склонилось чье-то лицо, и она съежилась, вдавив голову в подушку и вытянув вперед руки, протестуя и защищаясь. Перед глазами стояли распухшие губы и сломанные зубы разносчика.

Но тут ее ладоней коснулись чьи-то ласковые руки, и Мэри увидела

робкий взгляд покрасневших от слез голубых глаз. Это была тетя Пейшнс. Они крепко обнялись, ища в этой близости успокоения. Тут Мэри дала волю чувствам и залилась слезами. Выплакавшись, она почувствовала себя лучше, на сердце полегчало.

-- Вы знаете, что произошло? -- спросила она.

В ответ тетя Пейшнс крепко сжала ее руки, а в ее голубых глазах Мэри прочла немую мольбу о пощаде. Она напоминала собаку, которую наказывают за проступок ее хозяина.

-- Сколько я пролежала здесь? -- спросила Мэри.

Оказалось, шел уже второй день. Некоторое время она лежала молча, пытаюсь сообразить. Целых два дня! А кажется, всего несколько мгновений назад она стояла на берегу моря.

Сколько всего, должно быть, могло произойти за это время. А она лежала в постели и бездействовала.

-- Вам следовало разбудить меня, -- сказала она резко, отталкивая льнувшие к ней руки. -- Я не ребенок, и нечего со мной нянчиться из-за пустяшных синяков и ссадин. Мне же надо что-то предпринять, вы разве не понимаете?

Тетя Пейшнс робко, неуклюже погладила Мэри.

-- Ты все это время лежала совсем без движения, -- еле сдерживая рыдания, проговорила она. -- У тебя, бедняжки, все тело было в крови и ушибах. Я обмыла тебя, когда ты лежала без сознания. Думала, что тебя сильно поранили, но, слава Богу, обошлось. Ссадины заживут. И ты выглядишь уже лучше.

-- А вы знаете, кто это сделал? Знаете, куда они возили меня?

Горечь ожесточила ее сердце. Она понимала, что ее слова больно ранят тетю, но не могла остановиться и принялась рассказывать о том, что случилось на море. На этот раз тетя уже плакала в голос. Мэри, увидев ее перекошенный рот, ее голубые глаза, в ужасе смотревшие на нее, почувствовала отвращение к самой себе и замолчала. Резко сев, девушка спустила на пол ноги; голова у нее закружилась, в висках стучало.

-- Что ты собираешься делать? -- спросила тетя Пейшнс, нервно теребя у Мэри рубашку, но племянница оттолкнула ее и принялась натягивать на себя одежду.

-- Это мое дело, -- отрывисто бросила она.

-- Твой дядя внизу, он не выпустит тебя из трактира.

-- Я его не боюсь.

-- Мэри, ради себя и ради меня, не сердь его больше. Видишь, что тебе уже пришлось вынести. С тех пор как он вернулся с тобой, все сидит внизу,

бледный и страшный, с ружьем на коленях. Все двери закрыты на запоры. Я знаю, ты видела и испытала ужасные вещи, такие, о чем говорить невозможно. Но, Мэри, неужели ты не понимаешь, что, если теперь спустишься вниз, дядя может снова ударить тебя... даже убить! Я еще никогда не видела его таким. Представить страшно, что он может сейчас сотворить! Не ходи туда, Мэри. На коленях тебя молю, не ходи! - - Она начала ползать по полу, хватая Мэри за юбку, сжимая ее руки в своих и целуя их. Зрелище было невыносимо жалким.

-- Тетя Пейшнс, я и так слишком много вытерпела из преданности к вам. Вы не можете требовать от меня большего, чтоб я и дальше молчала. Чем бы дядя Джосс ни был для вас когда-то, сейчас в нем не осталось ничего человеческого. Ваши слезы не спасут его от возмездия. Вы должны это понять. Он -- обезумевший от бренди кровожадный зверь, убийца! Неужели вы этого не понимаете? Он повинен в гибели многих людей, утонувших в море. До своего смертного часа не смогу забыть этого!

Голос Мэри срывался на крик, она была близка к истерике. Она еще не оправилась от потрясения и не могла рассуждать трезво. Ей представлялось, что стоит выбежать на дорогу, позвать на помощь, и помощь непременно придет.

Тетя Пейшнс предостерегающе подняла палец, призывая к молчанию, но было уже поздно. Дверь отворилась, и на пороге комнаты появился хозяин "Ямайки". Он стоял, пригнув голову под притолокой, в испачканной одежде, немытый, и смотрел на женщин. Лицо его осунулось и посерело, под глазами виднелись черные круги. Под бровью багровел шрам.

-- Мне слышались голоса во дворе, -- произнес он. -- Посмотрел в щелку в ставнях, но никого не увидел. Вы здесь что-нибудь слышали?

Ответа не последовало. Тетя Пейшнс только отрицательно покачала головой, на ее лице появилась тень неловкой, нервной улыбки, которой она его обычно встречала. Джосс уселся на постель Мэри; руки его теребили одеяло, а глаза беспокойно перебегали с окна на дверь.

-- Он придет, -- повторял Джосс, -- обязательно придет. Получается, я сам перерезал себе глотку. Он ведь предупреждал меня, а я посмеялся над ним, не послушал. Захотел сыграть в собственную игру. Мы, почитай, здесь все равно что мертвецы, все трое -- ты, Мэри и я. Нам всем конец, точно говорю. Игра окончена. Почему вы позволили мне пить? Почему не разбили, все до одной, эти проклятые бутылки в доме, не заперли меня на ключ, не дали отлежаться? Я бы не обидел вас, волоска бы на голове не тронул. Теперь уже поздно, всему конец.

Он переводил взгляд с одной на другую. Его налитые кровью глаза

ввалились, голова ушла в широченные плечи. Женщины смотрели на него, ничего не понимая, ошеломленные и испуганные внезапной переменой в нем.

-- О чем вы говорите? -- спросила наконец Мэри. -- Кого вы боитесь? Кто вас предупреждал?

Тут он покачал головой, его руки потянулись ко рту, пальцы беспокойно задвигались.

-- Нет, -- медленно проговорил он, -- сейчас я не пьян, Мэри Йеллан, и еще могу хранить тайну. Одно скажу тебе: ты тоже не выпутаешься. Ты теперь так же замешана во всем, как Пейшнс. Мы окружены врагами. С одной стороны, против нас -- закон, а с другой... -- Он резко замолчал и с прежней хитростью посмотрел на Мэри. -- Ты бы хотела все знать? -- сказал он. -- Чтобы я назвал его имя, а ты бы потом выскользнула из дома, побежала и предала меня? Тебе хотелось бы, чтобы меня повесили? Ладно, я не виню тебя за это. Я причинил тебе столько зла, что ты будешь помнить до конца своих дней. Но ведь я и спас тебя. Скажешь, нет? Ты думала о том, что этот сброд мог бы сделать с тобой, если бы не я? -- Он засмеялся и сплюнул на пол. И вновь стал похож на прежнего Джосса. -- Только за одно это можешь поставить мне хорошую отметку, -- заявил он. -- Никто ведь пальцем тебя не тронул в ту ночь, кроме меня, но и я не испортил твоего хорошего личика. А синяки и ссадины... они пройдут. Неужели ты не понимаешь, бедное и слабое существо, что стоило мне только захотеть, и уже в первую неделю ты бы была моей? Ты ведь все-таки женщина. Да, клянусь небом, ты лежала бы у моих ног, так же как твоя тетушка Пейшнс -- покорная, довольная и ластящаяся -- еще одна проклятая Богом дура. Пошли отсюда. Эта комната провоняла сыростью и гнилью.

Он неуклюже поднялся на ноги и потянул Мэри за собой в коридор. На лестничной площадке он подтолкнул ее к стене под горящую в бра свечку, чтобы осветить синяки и ссадины на ее лице. Взяв ее за подбородок, он осторожно, легко погладил царапины. Девушка с отвращением и ненавистью глядела на него. Его ласковые и изящные руки напоминали обо всем, что она потеряла и от чего отказалась. Не обращая внимания на стоящую рядом Пейшнс, он наклонился к Мэри, приблизив к ней свое ненавистное лицо. А когда его рот, так похожий на рот брата, почти коснулся ее губ, иллюзия была полной. Мэри содрогнулась от ужаса и закрыла глаза. Он задул свечу и стал спускаться вниз по лестнице. Женщины молча шли следом. Их шаги гулко прокатились по пустому дому.

Трактирщик повел их на кухню. Двери были заперты на засов, окно плотно закрыто ставнями. На столе стояли две свечи. Джосс оседлал стул,

достал из кармана трубку и набил ее табаком. Повернувшись к женщинам, он принялся молча рассматривать их.

-- Мы должны подумать, как действовать дальше, -- заявил он, -- и без того просидели здесь почти два дня, словно крысы в ловушке. Скажу вам, мне это изрядно надоело. Никогда не играл в такие игры -- меня аж в дрожь бросает. Если предстоит схватка, то, клянусь Всевышним, она пойдет в открытую.

Некоторое время он сидел молча, попыхивая трубкой, угрюмо уставясь в пол и постукивая ногой по каменным плитам.

-- На Гарри вообще-то можно положиться, -- продолжал он, -- но ведь и он расколется и продаст, если усмотрит выгоду для себя. Что до остальных -они разбежались в разные стороны, скуля и поджав хвосты, как свора паршивых дворняг. До смерти перепугались. Если хотите знать, то и я сдрейфил. Сейчас я трезв, как стеклышко, и вижу, в какую дурацкую историю влип. Нам, считай, крупно повезло, если удастся избежать виселицы. Можешь сколько угодно смеяться и глядеть на меня с презрением, Мэри. Тебя ждет тот же конец, что и нас с Пейшнс. Ты тоже увязла в этом по уши, нет тебе спасения. Ну почему ты, Пейшнс, не заперла меня на ключ, почему не остановила, когда я запил?

Жена осторожно приблизилась к нему, тронула за край куртки и облизала губы, собираясь что-то сказать.

-- Ну, что еще там? -- раздраженно спросил он.

-- А почему мы не можем тайком выбраться отсюда, пока не поздно? - прошептала она. -- Двухолка стоит на конюшне, через несколько часов мы будем в Лонстоне, а оттуда недалеко до Девона. Ехать можно и ночью... куда-нибудь в восточные графства.

-- Идиотка проклятая! -- завопил он. -- Ты что же, не понимаешь, что на дороге между нами и Лонстоном есть люди, для которых я вроде сатаны -- они только и ждут случая, чтобы схватить меня и навесить на меня все преступления в Корнуолле! Теперь по всей стране известно, что случилось на море в ночь под Рождество. Наше бегство сейчас как раз и послужит доказательством моей вины. Господи, да мне самому не терпится убраться отсюда. Но попробуй, высунь голову -- тут же и накроют. Хорошенький был бы у нас вид, нечего сказать... Прикатить в Лонстон с кучей барахла, прямо как фермеры в базарный день, и помахать на прощанье ручкой прямо на площади. Нет, у нас только один шанс из тысячи -- затаиться и помалкивать. Если будем спокойно сидеть в "Ямайке", им останется только почесывать затылок. Чтобы схватить нас, им надо иметь твердые доказательства. А доказательств у них нет, если только среди этого

проклятого сброда не найдется доносчик. Ну, увидят разбившийся корабль, кучу всякого добра, брошенного кем-то на берегу. Обнаружат еще пару обгоревших трупов и кучу пепла. "Что это? -- скажут они. -- Здесь явно была стычка и что-то сожгли". Дело, конечно, нечистое, и нас могут заподозрить, но где доказательства? Ответьте-ка мне. Я провел сочельник, как всякий порядочный человек, в кругу семьи, играя со своей племянницей в "сними с рук веревочку" [Детская игра с веревочкой, натянутой на пальцы рук. (Примеч. пер.)] и выковыривая изюм из пудинга, плавающего в горящем бренди. -- Тут он усмехнулся и подмигнул им.

-- Кажется, вы еще кое о чем забыли, -- сказала Мэри.

-- Нет, милочка, не забыл. Возница кареты был застрелен и упал в канаву где-то на дороге в четверти мили отсюда. Ты надеялась, что мы оставили его тело там? Может быть, тебя это потрясет, Мэри, но мы вывезли его на берег и, если не ошибаюсь, оно все еще лежит там под толстым слоем гальки. Конечно, кто-то его хватится, но я готов к этому: раз его карету никогда не найдут, то с нас -- взятки гладки. Может, ему надоела жена и он уехал в Пензанс? Пусть поищут его там. Ну а теперь, когда мы оба пришли в себя, можешь рассказать мне, что ты делала в той карете и где побывала. Не станешь отвечать -- я найду способ заставить тебя заговорить. Ты уже довольно меня знаешь...

Мэри посмотрела на тетю. Та дрожала, как перепуганная собачонка, в ужасе уставившись голубыми глазами на мужа. Девушка стала быстро соображать. Неважно, что она ему наговорит, лишь бы он оставил сейчас их с тетей в покое. У него нет другого выхода, как довериться ей, и надо этим воспользоваться, чтобы выиграть время. Нельзя терять надежду -- до дома викария всего пять миль, и в Олтернانه ожидают ее сигнала.

-- Я расскажу вам -- а там уж ваше дело, верить мне или нет, -- сказала она. -- Меня это мало заботит. В сочельник я отправилась пешком в Лонстон на ярмарку. К восьми вечера изрядно устала, а тут еще пошел дождь и задул ветер. Промокла насквозь и назад идти не могла. Тогда я наняла эту карету и попросила кучера довезти меня до Бодмина. Подумала, что, попросись я до "Ямайки", он бы отказался. Вот и все.

-- Ты была в Лонстоне одна?

-- Конечно, одна.

-- И ни с кем не разговаривала?

-- Купила косынку в ларьке у одной женщины.

Джосс Мерлин сплунул на пол.

-- Ладно, -- произнес он. -- Что бы я с тобой сейчас ни сделал, ты будешь твердить свое. Преимущество на твоей стороне. Я не могу

проверить, врешь ты или нет. Не многие девицы твоего возраста решились бы отправиться в такой день в Лонстон в одиночку, скажу я тебе. Тем более возвращаться домой без провожатых. Коли не врешь, для нас еще не все потеряно. Они никогда не докопаются до связи этого кучера с нами. Черт подери, у меня появилась охота выпить по этому поводу.

Откинувшись на спинку стула, он пыхнул трубкой.

-- Ты еще будешь разъезжать в своей карете, Пейшнс, -- заявил он, -- в шляпке с перьями и бархатной накидке. Нет, так легко я не сдамся. Раньше увижу всю их банду в аду. Подожди, мы начнем все сызнова. Еще тряхнем стариной. Может, я еще брошу пить, стану ходить в церковь по воскресеньям. А ты, Мэри, будешь водить меня в старости под руку и кормить с ложечки.

Он закинул голову назад и рассмеялся. Но его смех оборвался на середине, рот захлопнулся, как у щелкунчика. Он вскочил на ноги, опрокинув стул и страшно побледнев, встал посреди кухни, глядя в сторону окна.

-- Послушайте, -- хрипло прошептал он, -- послушайте...

Они проследили за его взглядом, который был прикован к полоске света, пробивающейся сквозь узкую щель в ставнях.

Кто-то тихонечко скребся в оконное стекло, легонько постукивал по нему, как будто по окну била сломанная ветром ветка плюща. Но плющ вокруг "Ямайки" не рос.

Постукивание не прекращалось. Тук... тук... словно по стеклу постукивала клювом птица.

На кухне все замерли. Слышно было лишь прерывистое дыхание тети Пейшис. В испуге она невольно потянулась через стол к Мэри и ухватила за ее руку. Мэри смотрела на застывшую фигуру трактирщика, которая отбрасывала на потолок огромную тень. Даже густая темная щетина не скрывала, как посинели его губы. Вдруг он согнулся и по-кошачьи прокрался к стулу; рука его быстро скользнула вниз, пальцы сжали прислоненное к нему ружье. Глаза Джосса были по-прежнему прикованы к ставням.

У Мэри пересохло в горле, она судорожно глотнула. Кто-то стоял под окном. Но кто -- друг или враг? Сердце сильно забилось от вспыхнувшей в ней надежды. Но видя, как капельки пота выступили на лбу дяди, она решила, что не поддастся страху, и ладонями, взмокшими и дрожавшими, зажала себе рот.

Немного выждав, дядя прыгнул вперед и рывком открыл ставни. Серый свет проник в комнату. У окна, прижавшись посиневшим лицом к

стеклу, стоял человек, обнажив в улыбке сломанные зубы. Это был разносчик Гарри. Джосс Мерлин чертыхнулся и распахнул окно.

-- Ну, чего ты там стоишь, черт побери? Заходи поскорей! -- заорал он.
-- Захотел получить пулю в брюхо, проклятый дурак? Заставил меня как болвана стоять целых десять минут с ружьем наперевес. Открой дверь, Мэри, чего прижалась к стене, как привидение? И без тебя у всех здесь нервы на пределе.

Как всякий сильно перетрухнувший человек, Джосс пытался показать, что паникуют другие, и вопил, чтобы подбодрить себя. Мэри не спеша подошла к двери. Один вид разносчика живо напомнил ей о борьбе с ним на тропинке в лощине. Тошнота и отвращение вновь охватили ее; смотреть на него она не могла. Молча открыв дверь, она, отвернув лицо,пустила его. Как только он вошел в кухню, девушка сразу же повернулась к нему спиной, подошла к еле тлевшему камину и принялась машинально подбрасывать в него торф.

-- Ну, какие у тебя новости? -- спросил трактирщик.

Облизав губы, разносчик в ответ большим пальцем показал через плечо.

-- Все в округе словно взбеленились, -- сказал он. -- По всему Корнуоллу, от Теймара до Сент-Ивса, только и разговоров об этом. С утра побывал в Бодмине, там -- сплошной вопль: все жаждут крови и возмездия. А прошлую ночь я провел в Кэмелфорде. Всякая мелюзга там потрясает кулаками и захлебывается от злости. В общем, сам знаешь, чем может закончиться эта буча. -- Он выразительно провел пальцем вокруг шеи. -- Надо сматываться, и поскорей, -- заключил он, -- пока не поздно. Открытые дороги для нас гибель, а Бодминская и Лонстонская хуже всех. Я буду держаться болот и пробираться к Девону выше Ганнислейка. Конечно, так дольше, но зато больше шансов спасти шкуру. Хозяйка, у вас в доме найдется кусок хлеба? Со вчерашнего дня не съел ни крошки.

Вопрос этот был обращен к жене трактирщика, но смотрел он на Мэри. Пейшнс Мерлин полезла в буфет и достала сыр и хлеб. Губы ее нервно подергивались, движения были неуклюжи, мысли явно заняты другим. Накрывая на стол, она с мольбой глядела на мужа.

-- Ты слышишь, что он говорит, -- увещающе сказала она. -- Оставаться здесь -- безумие, мы должны ехать немедленно, пока не поздно. Ты же знаешь, как настроены люди. Тебя не пощадят, убьют без суда. Ради Бога, послушай его, Джосс. Ведь я не о себе пекусь, о тебе же...

-- Да заткнись ты! -- завопил он. -- Я еще не просил твоих советов, не нужны мне они и теперь. Я сам знаю, что мне делать, без твоего овечьего

блеяния. А ты, Гарри, тоже, видать, спасовал. Готов бежать, поджав хвост. И все потому, что кучка церковных крыс и крикунов- проповедников именем Христа требует твоей крови? А есть у них какие-нибудь доказательства против нас, скажи-ка? Или восстала твоя, до сих пор трусливая, совесть?

-- Какая там к черту совесть, Джосс, -- обычный здравый смысл. Климат в этом краю стал вредным для меня, и я хочу убраться отсюда, пока не поздно. А что до доказательств, так ты сам знаешь, что в последние месяцы мы не раз ходили по краю пропасти. И я всегда поддерживал тебя. И сегодня пришел предупредить, рискуя головой. Я не виню тебя, Джосс, но ведь это из-за твоей чертовой дурости мы попали в эту кашу. Ты напоил нас до обалдения и увлек за собой. Затея была безумной, без всякого плана. Был лишь один шанс из тысячи, и сперва нам везло. Но все были пьяны вдрызг и потеряли голову. Побросали вещи, оставили кучу следов на берегу. Чья тут вина? Конечно, твоя.

Ухмыляясь потрескавшимися губами, он стукнул кулаком по столу и вплотную придвинул свое наглое желтое лицо к трактирщику.

Джосс Мерлин некоторое время молча рассматривал его, а когда заговорил, голос его звучал тихо и угрожающе.

-- Значит, ты обвиняешь меня, Гарри? -- спросил он. -- Стоило удаче отвернуться, как ты, уподобившись этим подлым тварям, начал шипеть и извиваться, как гад ползучий. А тебе ведь от меня немало перепало. Заграбастал столько золота, сколько никогда и не видывал. Жил все эти месяцы, как принц, вместо того чтобы торчать в шахте, где тебе и место. А что, если б мы не потеряли голову той ночью и вовремя убрались до рассвета, как бывало сотни раз? Ты продолжал бы подлизываться ко мне, чтобы набивать свои карманы. Вилял бы передо мной хвостом вместе с остальными занюханскими дворняжками, выпрашивая подачки и называя меня Всемогущим, как самого Бога. Сапоги бы мне лизал и валялся передо мною в пыли. Беги же, коли хочешь, беги к берегу Теймара, поджав хвост, и -- будь ты проклят! Я один приму вызов судьбы.

Разносчик выдавил из себя смешок и пожал плечами.

-- Можем ведь поговорить и не хватая друг друга за горло. Я вовсе не иду против тебя, я все еще на твоей стороне. В сочельник мы все напились до сумасшествия, это точно. Давай забудем об этом. Что сделано, то сделано. Компания наша распалась, и нам нечего с ними считаться. Они слишком напуганы, чтобы причинить нам неприятности. Остаются двое, Джосс: ты да я. В этом деле мы были связаны крепче всех, уж я-то это знаю, и чем больше мы поможем друг другу, тем лучше для нас обоих. Для

того-то я и пришел. Надо все обсудить, решить, как действовать.

Он рассмеялся, обнажив рыхлые десны, и принялся выбивать по столу дробь своими толстыми коротенькими и грязными пальцами. Спокойно наблюдая за ним, трактирщик снова потянулся к своей трубке.

-- Куда это ты гнешь, Гарри? -- спросил он, облокотясь на стол и набивая трубку.

Разносчик поцыкал зубом и ухмыльнулся.

-- Да куда я не гну, -- отвечал он. -- Хочу только облегчить наше положение. Нам надо удирать, это ясно -- иначе болтаться нам на веревке. Но ведь вот какое дело, Джосс, мне не улыбается отвалить с пустыми руками. Пару дней назад мы спрятали в той комнате кучу добра с берега, так? По праву они принадлежат всем, кто работал там в сочельник. Но кроме тебя и меня, претендентов-то не осталось. Я не говорю, что там какие-то несметные богатства. По большей части наверняка барахло. Но почему бы не захватить с собой что-то, что сгодится в Девоне?

Трактирщик выпустил облако дыма ему в лицо.

-- Так, значит, ты явился в "Ямайку" не только из-за моей приятной улыбки? -- произнес он. -- А я-то думал, ты любишь меня и хотел дружески пожать мою руку.

Разносчик снова ухмыльнулся и поерзал на стуле.

-- Ладно уж, ведь мы друзья? Будем говорить прямо. Вещи там, и, чтобы перенести их, нужна пара мужиков. Женщинам это не под силу. Почему бы нам не столкнуться и не покончить с этим?

Трактирщик задумчиво попыхивал трубкой.

-- Нынче у тебя полно идей, все одно что затейливых безделушек на твоём лотке, друг мой. А что, как вещей там вовсе нет? Что, если я от них уже избавился? Ведь я прохлаждался здесь два дня, знаешь ли, а мимо моих дверей все время проезжают кареты. Что тогда, сынок?

Улыбка сползла с физиономии разносчика, и он решительно выпятил челюсть.

-- Что за шутки, Джосс? -- окрысился он. -- Ты что, ведешь здесь, в "Ямайке", двойную игру? Коли так, то скоро поймешь, что прогадал. Ты, видать, что-то утаивал от нас. Я не раз замечал, что что-то не так, когда мы возили груз. Ты бывал уж как-то больно молчалив. Ты, Джосс Мерлин, неплохо наживался на этом деле, очень даже неплохо, как считали некоторые из нас, -те, кто рисковал больше всего. А барыш-то наш был не так уж велик. И мы ведь тебя ни о чем не спрашивали. Так ты что, Джосс Мерлин, действуешь по чьей-то указке?

В мгновение ока трактирщик набросился на него и ударил кулаком в

подбородок. Разносчик упал навзничь. Стул, на котором он сидел, с грохотом повалился на каменный пол. Гарри быстро оправился и поднялся на колени, но трактирщик тут же приставил дуло ружья к его горлу, грозно возвышаясь над ним.

-- Одно движение -- и ты мертв, -- тихо произнес он.

Разносчик снизу глядел на своего противника. Его злобные маленькие глазки были полузакрыты, одутловатое лицо пожелтело еще больше. Он прерывисто дышал.

Как только началась схватка, тетя Пейшнс в испуге прижалась к стене, тщетно пытаясь поймать взгляд племянницы. Мэри внимательно наблюдала за дядей, стараясь понять, что он задумал. Опустив ружье, он пнул разносчика ногой.

-- Вот теперь мы с тобой можем поговорить толком, -- сказал Джосс.

Держа ружье в руке, он вновь склонился над столом. Разносчик оставался на полу.

-- Я в этой игре главный. Был им и останусь, -- медленно проговорил трактирщик. -- Еще три года назад, когда мы перевозили грузы с маленьких двенадцатитонных люгеров до порта Пэдстоу и почитали за удачу, если нам перепадало по семь с половиной пенсов, я разработал весь план. И добился своего -- дело это стало самым крупным в округе, от Хартленда до Хейла. Это я-то исполняю чьи-то приказы? О Боже, хотел бы я видеть человека, который решился бы помыкать мной. Ладно, с этим -- все. Мы свое отъездили, игра окончена. А ты явился сюда сегодня вовсе не предупредить меня, а посмотреть, что можно урвать после разгрома. Двери были заперты, ставни закрыты. Тут твоя подлая душонка и возрадовалась. Попробовал влезть через окно -- ведь ты знал, что засов на ставнях плохо закреплен и его легко сорвать. Ты и не думал найти меня здесь. Ожидал, что застанешь только Пейшнс или Мэри, а припугнуть их ничего не стоит. Ты ведь помнил, что на стене всегда висит ружье? А потом -- к дьяволу хозяина "Ямайки". Ты -- жалкая крыса, Гарри; воображаешь, что я не прочел всего этого в твоих глазах, когда распахнул ставни и увидел в окне твою харю? Думаешь, я не слышал, как ты поперхнулся от неожиданности, а потом трусливо заулыбался?

Разносчик провел языком по губам и судорожно глотнул. Он опасливо посмотрел на неподвижно стоявшую у камина Мэри. Кося круглым, как бусина, глазом, словно загнанная в угол крыса, он пытался угадать, не столкнулась ли она со своим родственничком против него. Но девушка молчала и ждала, что скажет дядя.

-- Очень хорошо, -- произнес Джосс, -- мы заключим сделку; между

мной и тобой, как ты предложил. Условия будут самые выгодные. В конце концов я передумал, мой верный друг. С твоей помощью мы уедем в Девон. Здесь и вправду есть вещи, которые стоит взять с собой, -- спасибо, что ты предусмотрел это, -- а одному погрузить их не под силу. Завтра воскресенье, благословенный Господом день отдыха. И пусть разобьется хоть пятьдесят кораблей -- благочестивые жители здешних мест не поднимутся с колен от молитв. Шторы в домах будут спущены. С постными лицами они выслушают проповедь и вознесут молитвы за упокой души погибших от руки дьявола, но никто не отправится на охоту за ним в святой день. У нас в запасе двадцать четыре часа, Гарри, мой мальчик. А завтра к ночи, после того как ты погнешь спину, засыпая торфом и турнепсом мое имущество на телеге и расцелуешь на прощание меня, Пейшнс и, может быть, Мэри, ты сможешь встать на колени и поблагодарить Джосса Мерлина за то, что он отпустил тебя с миром и позволил распоряжаться своей жизнью, вместо того чтобы всадить пулю в твое черное сердце и столкнуть труп в канаву, где бы ты валялся, скрючившись и поджав под себя обрубок хвоста. Как раз там тебе место.

Вновь подняв ружье, он приставил холодное дуло к горлу разносчика. Тот, закатив от страха глаза, захныкал.

Джосс рассмеялся.

-- Да ты ведь и сам неплохой стрелок, Гарри, -- продолжал он. -- Не в это ли место ты пустил пулю Неду Сэнто в ту ночь? Так пробил ему глотку, что кровь со свистом хлестала из нее. Он был добрым малым, этот Нед. Любил, правда, язык распускать. Ведь ты сюда ему попал?

Он еще сильнее прижал дуло к горлу разносчика.

-- Если я сейчас по ошибке спущу курок, Гарри, твоя глотка тоже прочистится, как у бедняги Неда. Ты ведь не хочешь, чтобы я так ошибся, а, Гарри?

Разносчик не мог говорить. Словно прилипнув к полу, он в ужасе вращал глазами.

Трактирщик отвел дуло в сторону, наклонился и рывком поднял разносчика на ноги.

-- Ну что ж, пошли, -- сказал он. -- Думаешь, я буду валандаться с тобой тут всю ночь? Пошутили -- и будет. Шутка хороша в меру, а потом приедается. Открой кухонную дверь, поверни направо и шагай по коридору прямо, пока не велю остановиться. Через бар тебе не убежать, все двери и окна крепко заперты. А у тебя небось руки так и чешутся пощупать вещички, привезенные с берега. Вот и проведешь с ними всю ночь в кладовке. Пейшнс, дорогая, знаешь ли, по-моему, мы впервые привечаем

гостя в "Ямайке". Мэри я не считаю, она здесь своя.

Он довольно рассмеялся. Настроение его резко изменилось.

Ткнув разносчика прикладом в спину, он вывел его из кухни и по темному коридору препроводил в кладовую. Дверь, которую недавно сквайр Бассет и его слуга взломали столь бесцеремонно, была укреплена новыми планками и перекладиной и стала еще прочнее. Джосс Мерлин бездельничал не всю неделю.

Замкнув дверь кладовой на ключ, трактирщик с прощальным напутствием своему приятелю не накормить собой крыс, которых и без того прибавилось, вернулся на кухню, хохоча во все горло.

-- Я так и думал, что Гарри скиснет, -- заявил он. -- По его глазам видел, задолго до этой заварухи. Пока тебе везет в игре, он на твоей стороне, но стоит удаче отвернуться, он тут же укусит за руку. Он весь позеленел от зависти, насквозь прогнил. Они все мне завидуют. Знают, что у меня есть мозги, и ненавидят за это. Чего это ты так уставилась на меня, Мэри? Лучше кончай поскорей с ужином и ступай спать. Завтра ночью тебе предстоит отправиться в долгий путь, и сразу же предупреждаю вас обеих: он будет нелегким.

Мэри смотрела на него через стол. В том, что она не поедет с ним, она не сомневалась ни секунды. Он мог думать все, что ему заблагорассудится. Несмотря на перенапряжение и усталость от всего, что ей пришлось вынести, голова ее была полна планов.

Во что бы то ни стало ей нужно выбраться отсюда до завтрашней ночи и попасть в Олтернан. А там она наконец сможет снять с себя непосильный груз ответственности. Дальше действовать придется уже не ей. Тете Пейшнс, конечно, сильно достанется, да и ей поначалу, верно, тоже. Она ничего не понимала в хитросплетениях и сложностях судопроизводства, но, по крайней мере, справедливость восторжествует. Они с тетей Пейшнс, конечно же, восстановят свое доброе имя. Глядя на дядю, который сидел перед ней с набитым черствым хлебом и сыром ртом, она представила себе, как он будет стоять со связанными за спиной руками, бессильный, впервые -- и теперь уже навсегда. Ее воображение рисовало эту картину, добавляя все новые штрихи. Тетя Пейшнс со временем оправится; годы высушат ее слезы, и она обретет, наконец, душевный покой. Потом Мэри начала думать, как его поймают и арестуют. Может быть, как он задумал, они тронутся в путь, и Джосс, крепко держа вожжи в руках, будет самоуверенно посмеиваться. Но как только они свернут на дорогу, их окружит большая и хорошо вооруженная группа людей. Вот тут- то, когда он безуспешно попытается вырваться и будет брошен на землю и связан, она наклонится к

нему и с улыбкой промолвит: "А я-то думала, что у вас все-таки есть мозги, дядюшка". И он поймет.

Мэри оторвала взгляд от трактирщика и повернулась к шкафу, чтобы взять свечу.

-- Я не буду сегодня ужинать, -- сказала она.

Подняв глаза от куска хлеба, лежащего у нее на тарелке, тетя Пейшнс огорченно забормотала, но Джосс Мерлин пнул ее ногой, чтобы та замолчала.

-- Пусть подуется, коли охота, -- заметил он. -- Ну не поест она, подумаешь! Женщинам и животным полезно поголодать, от этого они становятся сговорчивей. Завтра утром ей уже не придет в голову что-то там из себя строить. Пстой-ка, Мэри, ты будешь спать спокойнее, если я закрою твою дверь на ключ. Не хочу, чтобы кто-нибудь шнырял по коридору.

Взгляд его скользнул на ружье у стены, а потом машинально он посмотрел на все еще открытый ставень.

-- Закрой окно на задвижку, Пейшнс, -- задумчиво произнес он, -- и набрось перекладину на ставень. Как поешь, можешь идти спать. Сегодня я останусь в кухне.

Жена со страхом посмотрела на него, пораженная его тоном.

Она хотела что-то сказать, но он ее оборвал.

-- Ты что, все еще не научилась не задавать мне вопросов? -- заорал он.

Она сразу же поднялась и направилась к окну. Мэри остановилась у двери с зажженной свечой в руке.

-- Ну, -- буркнул он, -- чего ты там торчишь? Я ведь сказал тебе, иди.

Мэри вышла в темный коридор. Из кладовки в конце коридора не доносилось ни звука. Она подумала о разносчике, лежащем там в темноте и напряженно прислушивавшемся к любому звуку в ожидании рассвета. Мысль о нем была отвратительна: он был сам, как крыса, среди своих собратьев. Внезапно она вообразила, как он крысиными лапами скребется в дверь и грызет дверную раму, пытаясь в ночной тиши выбраться на свободу.

Девушка содрогнулась и испытала странную благодарность к дяде за то, что он решил сделать ее пленницей. В эту ночь дом казался предательски опасным. Эхо ее шагов по каменным плитам гулко разносилось по всему дому. Мэри оглянулась: от стен шел какой-то шорох. Даже дверь в кухню, единственную комнату в доме, от которой всегда веяло теплом и уютом, зловеще зияла темным проемом. Что же, дядя собирается сидеть там в темноте с ружьем на коленях, ожидая... Что?..

Кого?

Пока Мэри поднималась по лестнице, он вышел в холл, чтобы проводить ее до комнаты над крыльцом.

-- Дай мне твой ключ, -- произнес он, и она повиновалась без слов. Он слегка помедлил, глядя на нее сверху вниз, а затем, низко наклонясь, приложил свой палец к ее губам. -- Я питаю к тебе слабость, Мэри, - признался он. -- По глазам твоим вижу: ты сохранила в себе и смелость, и независимый дух, несмотря на взбучку, что я задал тебе. Будь я помоложе, приударил бы за тобой, Мэри, это точно, да покори́л бы тебя и помчался с тобой на коне навстречу славе. Ты ведь это знаешь, правда?

Она не отвечала, она лишь посмотрела на него, и рука ее, державшая свечу, вдруг начала дрожать.

Он понизил голос до шепота.

-- Меня подстерегает опасность, -- сказал он. -- Властей я не боюсь. Я сумею их всех провести и скрыться, если дойдет до этого. Пусть хоть весь Корнуолл гонится за мной по пятам, я не боюсь. Здесь другая игра. Шаги - вот чего я страшусь, Мэри. Боюсь я тех шагов, что раздадутся в темноте, и рук, которые поразят меня...

В полумраке лицо его выглядело худым и старым. В глазах засветился огонек, словно предупреждая о чем-то.

-- Мы уберемся отсюда и скроемся за Теймаром, -- произнес он и улыбнулся. Изгиб его губ, такой знакомый, вновь вызвал в девушке мучительное воспоминание. Он захлопнул дверь и запер ее на ключ.

Мэри услышала, как он тяжело спустился с лестницы и, пройдя по коридору, повернул к кухне.

Мэри присела на постель и сложила руки на коленях. И вдруг непонятно почему повторила дядин жест, словно всплывший из воспоминаний о детских играх: приложила пальцы и провела ими по губам.

И тут она тихо заплакала. Горючие слезы лились по щекам, падали на руку, щипали ей кожу.

13

Мэри заснула, как была, не раздеваясь. Разбудил ее какой-то неясный шум. Вначале ей показалось, что это бьет в окно дождь. Она открыла глаза. Была тихая ночь -- ни ветра, ни дождя. Страхнув остатки сна, Мэри стала напряженно прислушиваться. Шум повторился. Кто-то бросил в окно горсть земли. Спустив ноги с кровати на пол, она пыталась сообразить, что это значит, не грозит ли ей опасность.

Если это сигнал-предупреждение, то уж слишком примитивный. Лучше не обращать внимания. Видимо плохо представляя расположение

комнат в трактире, кто-то перепутал ее комнаты со спальней хозяев. Трактирщик внизу, на первом этаже, с ружьем в руках, видимо, ждал кого-то. Вероятно, этот посетитель появился и теперь стоял во дворе... Любопытство в конце концов пересилило, и потихоньку, прижавшись к стене, Мэри подкралась к окну. Было еще темно, но тонкая полоска света у горизонта уже предвещала рассвет.

У окна на полу лежал ком земли, а рядом с крыльцом она увидела фигуру мужчины. Притаившись у окна, она ждала, что будет дальше. Человек нагнулся и принялся шарить рукой по голой цветочной клумбе возле окна гостиной. Затем поднял руку и швырнул маленький ком земли в ее окно, залепив стекло мелкими камешками и грязью.

Тут Мэри разглядела его лицо и от изумления вскрикнула, забыв об осторожности. Во дворе, прямо под ее окном, стоял Джем Мерлин. Она бросилась к окну, приоткрыла его и хотела было окликнуть Джема, но тот жестом приказал молчать. Затем, обогнув крыльцо, которое мешало видеть ее, он приблизился к стене дома и, сложив ладони рупором, прошептал:

-- Спустись вниз и отопри мне дверь.

Она покачала головой:

-- Я не могу, меня заперли.

Джем в замешательстве посмотрел на нее, а затем оглядел дом, что-то соображая. Потом провел руками по крыше крыльца, проверяя, насколько прочно держится черепица, и нащупал вбитые в стену гвозди, за которые когда-то цеплялся вьюнок. Гвозди давно заржавели и еле держались. Не на что было поставить ногу. Руки соскальзывали с черепицы.

-- Давай одеяло, -- тихо попросил он.

Она сразу поняла, что он задумал, сняла с постели байковое одеяло и привязала один конец к ножке кровати, а другой спустила в окно. Ухватившись за край одеяла, Джем повис на нем и, с силой оттолкнувшись от стены, взобрался на низкую крышу. Упираясь ногами в черепицу, он подтянулся повыше и добрался до окна.

Джем оседлал крыльцо; теперь его лицо было совсем близко от Мэри, одеяло висело рядом. Девушка попробовала поднять оконную раму повыше, но та плохо поддавалась и поднялась лишь на один фут. Не разбив стекла, Джем не смог бы попасть в комнату.

-- Придется поговорить отсюда, -- сказал он. -- Подвинься поближе, чтобы я мог тебя видеть.

Она встала на колени у окна и приблизила лицо к Джему. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Джем выглядел утомленным, глаза его ввалились. Видно было, что он мало спал и очень устал. Вокруг

рта появились складки, улыбка больше не играла на его лице.

-- Я должен перед тобой извиниться, -- произнес он наконец, -- за то, что исчез без предупреждения, оставив тебя одну в Лондоне. Простить меня или нет -- это уж тебе решать. Но причины объяснить тебе не могу. Сожалею.

Этот суровый тон так не вязался с его обычной манерой. Казалось, он сильно изменился, и эта перемена не радовала девушку.

-- Я так беспокоилась о тебе, -- проговорила она. -- Пошла тебя искать и узнала, что ты отправился к "Белому Оленю". А там мне сказали, что ты уехал в карете с каким-то господином, не оставив для меня ни записки, ни объяснения. В холле у камина стояли какие-то люди и среди них тот барышник, что разговаривал с тобой на базарной площади. Ужасные люди, подозрительные -- я им не поверила. Подумала, что, может, открылась кража вороного. Чувствовала себя такой несчастной и сильно волновалась за тебя. Я тебя ни в чем не виню. Твои дела меня не касаются.

Его поведение очень задело Мэри. Она ждала чего угодно, но не этого. Увидев его во дворе под своим окном, она сразу же, всем своим естеством, потянулась к нему как к любимому человеку, который пришел ночью, чтобы повидаться с ней. Неожиданная его холодность остудила ее чувства. Она снова замкнулась в себе, надеясь, что он не заметил на ее лице горького разочарования. Он даже не спросил, как она добралась домой в ту ночь. Равнодушие Джема потрясло девушку.

-- Почему тебя заперли в твоей комнате? -- спросил он.

Она пожала плечами и отвечала безразличным тоном:

-- Дядя не хочет, чтоб его подслушивали. Боится, что я стану бродить по коридору и наткнусь на то, что он держит в секрете. Тебе, кажется, тоже неприятно любопытство. Небось спроси я тебя, зачем ты здесь, ведь рассердишься, так?

-- Можешь язвить сколько угодно, я заслужил, -- неожиданно вспыхнул он. -- Знаю, что ты думаешь обо мне. Когда-нибудь, быть может, я смогу тебе все объяснить, если только к этому времени ты не исчезнешь из моей жизни. Стань на мгновение мужчиной и пошли к черту свою задетую гордость. Положение мое сейчас очень шатко, Мэри. Один ложный шаг -- и мне конец. Где мой брат?

-- Он сказал нам, что проведет эту ночь в кухне. Очень он боится чего-то или кого-то; окна и двери заперты на все засовы, и он -- там, с ружьем.

Джем резко засмеялся.

-- Еще бы ему не бояться! Но вскоре он узнает, что такое настоящий

страх, помяни мое слово. Я пришел повидаться с ним, но раз он сидит там с ружьем на коленях, могу отложить свой визит до утра, когда исчезнут его призраки.

-- Завтра может быть слишком поздно.

-- Почему?

-- Он собирается покинуть "Ямайку" к ночи.

-- Ты говоришь правду?

-- А к чему мне врать тебе?

Джем молчал. Эта новость определенно была для него неожиданной, и он что-то обдумывал. Мэри смотрела на него, терзаемая сомнениями и нерешительностью. Прежние подозрения вернулись к ней. Может, он и есть тот посетитель, появления которого со страхом и ненавистью ожидал дядя. Это он держит нити жизни трактирщика в своих руках. В памяти всплыла презрительная усмешка разносчика, вспомнились его слова, вызвавшие ярость хозяина: "Послушай, Джосс Мерлин, а может быть, ты действуешь по чьей-то указке?" Это он, Джем, использовал физическую силу трактирщика, он скрывался тогда в пустующей комнате.

Она снова подумала о веселом, беззаботном парне, который повез ее в Лонстон, держал ее за руку на базарной площади, целовал и обнимал. Теперь он был хмур и молчалив, лицо его скрывала тень. Мэри со страхом подумала, что Джем, возможно, ведет двойную игру. Сегодня, поглощенный своей нелегкой, неведомой ей задачей, он казался ей совсем чужим. Наверно, она напрасно предупредила его о бегстве, задуманном трактирщиком. Это могло только помешать осуществлению ее собственного плана. Но что бы ни сделал или ни собирался сделать Джем, будь он лжив и вероломен и будь даже убийцей, она все равно любила его, была привязана к нему всей своей слабой плотью и должна была предостеречь его.

-- Ты бы поостерегся брата, -- заметила она. -- Он стал опасен. Всякий, кто попытается помешать его планам, рискует жизнью. Говорю тебе это ради твоей же безопасности.

-- Я Джосса не боюсь и никогда не боялся.

-- Возможно. А что, если он боится тебя?

Джем промолчал, потом вдруг наклонился ближе, разглядывая ее лицо, и коснулся царапины, которая шла ото лба к подбородку.

-- Кто это сделал? -- резко спросил он, переводя взгляд от царапины к кровоподтеку на щеке.

Немного поколебавшись, она ответила:

-- Этот "подарок" я получила в сочельник.

По тому, как сверкнули его глаза, было ясно, что Джем все понял; он знал о том вечере, и именно это привело его теперь в "Ямайку".

-- Ты была с ним там на берегу? -- прошептал он.

Она кивнула, глядя на него испытующе и боясь произнести лишнее слово. Он вслух выругался, рванулся вперед и разбил кулаком окно, не обращая внимания на звон стекла и кровь, хлынувшую из раненой руки. Мэри опомниться не успела, как он оказался рядом с ней в комнате. Подхватив Мэри на руки, Джем положил ее на кровать. С трудом отыскав в темноте свечу, он зажег ее и, опустившись на колени подле постели, посветил ей в лицо. Он осторожно провел пальцами по ссадинам и, когда она поморщилась от боли, резко вдохнул воздух и снова выругался.

-- Я мог бы не допустить этого, -- произнес он и, загасив свечу, сел на постель возле нее, взял на мгновение ее руку, крепко сжал и отпустил.

-- Господь Всемогуший, почему ты поехала с ними? -- спросил он.

-- Они напились до бесчувствия и вряд ли соображали, что делают. В их руках я оказалась беспомощной, как ребенок. Их была целая дюжина или больше, а дядя... он всем верховодил, он да еще разносчик. Но если ты сам все знаешь, к чему спрашивать меня? Не заставляй меня вспоминать весь этот ужас.

-- Они тебя били?

-- Вот синяки, ссадины -- сам видишь. Я попыталась убежать и сильно ободрала себе бок. Они, конечно, поймали меня. На берегу связали по рукам и ногам, а рот заткнули мешковиной. Я видела, как в тумане шел к берегу корабль. Но что я могла сделать одна, да еще в такую бурю. И я лежала связанная и смотрела, как гибнут люди.

Голос ее задрожал, и она умолкла, повернувшись на бок и закрыв лицо руками. Он даже не пошевелился -- сидел молча рядом с ней на постели, такой далекий, погруженный в неведомые мысли. Мэри почувствовала себя еще более одинокой, чем прежде.

-- Значит, мой брат хуже всех обращался с тобой? -- спросил он.

Мэри устало вздохнула. Что толку было теперь говорить об этом.

-- Я тебе уже сказала, что он был пьян, -- повторила она. -- Ты, верно, лучше меня знаешь, на что он способен в таком состоянии.

-- Да, знаю. -- Немного помолчав, Джем вновь взял ее за руку. -- За это он поплатится жизнью, -- произнес он.

-- Его смерть не вернет убитых им людей.

-- Сейчас я думаю не о них.

-- Если ты думаешь обо мне, не растрачивай понапрасну свое сострадание. Я сама отомщу за себя. По крайней мере, одному я научилась:

полагаться только на себя.

-- При всей их храбрости, женщины -- существа слабые, Мэри. Тебе лучше держаться от этого подальше. Это -- моя забота.

Она ему не ответила; ее намерения его не касались.

-- Что ты намерена делать? -- спросил он.

-- Еще не решила, -- соврала Мэри.

-- Ежели он собирается уехать завтра, у тебя мало времени для раздумий, -- заметил Джем.

-- Дядя полагает, что я поеду с ним и тетей Пейшнс.

-- А что ты?

-- Посмотрим, как все повернется завтра.

Какие бы чувства она ни испытывала к Джему, поставить под удар свои планы она не могла. Он все еще был загадкой для нее, а главное - законопреступником. Но тут она вдруг поняла, что, выдав дядю, она тем самым предаст и его.

-- Если я попрошу кое о чем, обещаешь ли ты выполнить мою просьбу? -спросила она.

Он впервые улыбнулся, иронично и снисходительно, как в Лонстоне, и она вновь потянулась к нему, радуясь этой перемене.

-- Смотря что, -- ответил он.

-- Я хочу, чтобы ты уехал отсюда.

-- А я сейчас и уеду.

-- Нет, я имею в виду из этих мест, подальше от "Ямайки". Хочу, чтобы ты обещал, что не вернешься сюда. Я сумею защитить себя от твоего брата. Отныне он мне не страшен. Не приходи сюда завтра. Пожалуйста, обещай, что уедешь.

-- Что у тебя на уме?

-- Это тебя не касается, но может причинить тебе неприятности. Большого я сказать не могу. О, если бы только ты доверял мне!

-- Доверять тебе? Боже милостивый, конечно же, я доверяю тебе. Это ты не хочешь мне поверить, дурочка ты эдакая. -- Он беззвучно рассмеялся и, наклонившись, обнял и поцеловал ее так, как в Лонстоне, только более решительно, с отчаянием и горечью. -- Ладно, играй свою игру и предоставь мне играть мою, -- сказал он. -- Коли тебе охота изображать парня, не могу тебе помешать, но ради твоего личика, которое я поцеловал и еще поцелую, поостерегись. Ты ведь не хочешь погибнуть? Теперь я вынужден уехать, через час рассвет. А что, если оба наши плана провалятся? Станешь ли ты жалеть обо мне, если нам не суждено больше увидеться? Да нет, конечно, тебе будет все равно.

-- Я этого не говорила. Вряд ли ты поймешь.

-- Женщины думают иначе, чем мужчины. Они живут в другом мире. Поэтому я их не очень-то жалую. От них только горе и неразбериха. Приятно было свозить тебя в Лонстон, Мэри... Но когда дело доходит до жизни или смерти, как сейчас, то, Бог свидетель, я бы очень хотел, чтобы ты оказалась за сотню миль отсюда и тихо сидела бы с шитьем на коленях в уютной гостиной, где тебе и положено быть.

-- Я никогда не вела такого образа жизни и никогда не буду.

-- Отчего же? В один прекрасный день ты обвенчаешься с каким-нибудь фермером или лавочником и будешь вести спокойную жизнь, пользуясь уважением соседей. Только не рассказывай им, что некогда жила в "Ямайке" и за тобой ухаживал конокрад. Не то перед тобой захлопнутся все двери. Прощай, и желаю тебе, чтобы все благополучно закончилось.

Он поднялся, подошел к окну, пролез через разбитое стекло наружу и, держась за конец одеяла, спустился на землю.

Мэри следила за ним из окна, машинально махая на прощание рукой. Не оборачиваясь, он, как тень, скользнул по двору. Мэри медленно втащила одеяло и расстелила его на кровати. Близилось утро. Спать уже не хотелось.

Девушка сидела на постели в ожидании, когда отпрут дверь, и обдумывала план действий на вечер. Ждать ей еще долго. Самое главное - не вызывать подозрений. Держаться нужно ровно. Может быть, напустить на себя несколько мрачный, подавленный вид, будто она через силу покорила дядиной воле; притвориться, что готовится к отъезду. А позже, к вечеру, найти какой-нибудь предлог, скажем, сославшись на усталость и желание отдохнуть перед трудным ночным путешествием, и уйти в свою комнату. Вот тут наступит самый опасный момент. Нужно будет незаметно выбраться из "Ямайки" и что есть мочи бежать в Олтернан. На этот раз Фрэнсис Дейви поймет, что надо немедленно действовать.

Потом, конечно, с его одобрения, она вернется в трактир в надежде, что ее отсутствие осталось незамеченным. На это она делала главную ставку. Если же трактирщик обнаружит, что Мэри нет в доме, ее жизнь повиснет на волоске, и она должна быть готова к этому. Тогда никакие объяснения ее уже не спасут. Но если он будет думать, что племянница все еще спит, то игра продолжится. Они вместе станут готовиться к поездке. Может быть, даже успеют загрузить телегу и выехать на дорогу. Дальнейшее было уже не в ее власти. Их судьба окажется в руках викария из Олтернана. Дальше заглядывать она не могла, да и не очень хотела.

Оставалось ждать утра. День наконец наступил, но тянулся он томительно долго: каждая минута казалась часом, а час -- вечностью. Все

молча, в изнеможении, ждали прихода ночи. При свете дня мало что можно было делать - в любой момент в дом могли ворваться. Тетя Пейшнс сновала туда-сюда из кухни в свою комнату. Ее шаги были слышны то в коридоре, то на лестнице. С нелепой беспомощностью она пыталась собрать вещи, вязала узлы со своей старенькой одежкой; потом, спохватившись и вспомнив о какой-нибудь забытой вещи, развязывала их; бесцельно слонялась по кухне, открывала шкафы, заглядывала в ящики, перебирала кастрюли и сковородки, была не в состоянии решить, что взять с собой, а что оставить. Мэри помогала ей, как могла, но тоже без особого толка. Да и чего ради было особо стараться, когда знаешь, что весь этот труд впустую. Правда, бедная тетя этого не знала.

Когда девушка, забывшись, позволяла себе задуматься о том, что их ждет, сердце ее замирало. Как поведет себя тетя Пейшнс? Что будет с ней, когда придут забирать ее мужа? Она ведь сущий ребенок, и за ней придется присматривать, как за ребенком. Тетя снова тяжело поднялась в свою комнату, и Мэри услышала, как она волочит по полу коробки со своими вещами. Она заворачивала в шаль какой-нибудь подсвечник, клала его рядом с надтреснутым чайником и выцветшим муслиновым чепчиком, но тут же вынимала все это и хваталась за еще более ветхие сокровища.

Джосс Мерлин хмуро наблюдал за суетой жены, разражаясь бранью, когда она что-нибудь роняла или спотыкалась о лежащие на полу вещи. За ночь его настроение опять изменилось. Ночное бдение сделало его еще более раздражительным, а напрасное ожидание прихода того, кого он так боялся, привело его в крайнее беспокойство. Он слонялся по дому, рассеянный и взвинченный, бормоча что-то себе под нос и поминутно поглядывая в окно, словно боясь, что кто-то неслышно подкрадется и застигнет его врасплох.

Его нервозность передалась жене и Мэри. Тетя Пейшнс боязливо поглядывала на мужа, тоже выглядывая в окно и прислушиваясь. Рот ее подергивался, руки теребили фартук.

Из запертой кладовой не доносилось ни звука. Трактирщик не заходил туда и не упоминал имени разносчика. Это молчание казалось противоестественным и зловещим. Если бы Гарри выкрикивал непристойности или колотил в дверь, в этом не было бы ничего удивительного. Но он лежал в темноте без шороха и звука, и при всем обращении к нему Мэри содрогалась при мысли о том, что он, быть может, уже мертв.

В полдень они все трое уселись за кухонный стол обедать, но ели молча, как бы украдкой. Трактирщик, обычно отличавшийся волчьим

аппетитом, угрюмо постукивал по столу пальцами и не притрагивался к тарелке с холодным мясом. Один раз Мэри подняла на него глаза и увидела, как он пристально смотрит на нее из-под косматых бровей. Страшная мысль мелькнула у нее в голове: а вдруг он подозревает ее, догадывается о ее планах? Она-то рассчитывала, что, как и накануне вечером, он будет в боевом настроении, и приготовилась подыгрывать ему, отвечать на шутку шуткой, стараясь не раздражать его. Но он сидел нахмурясь, погруженный в свои мрачные мысли. По горькому опыту девушка знала, что в такую минуту от него лучше держаться подальше. Однако, набравшись храбрости, она спросила, в какое время он намерен выехать.

-- Когда буду готов, -- коротко ответил он.

Но напугать Мэри было не так просто. Убрав со стола, она пошла еще на одну хитрость: уговорила тетю упаковать в дорогу корзину с провизией, а затем, повернувшись к Джоссу, вновь заговорила с ним:

-- Если мы выедем этой ночью, не лучше ли тете Пейшнс да и мне прилечь отдохнуть, чтобы набраться сил? Ночью нам уж не удастся поспать. Тетя Пейшнс с раннего утра на ногах, я тоже. Что проку сидеть здесь в ожидании сумерек?

Она старалась говорить как можно естественнее, но внутри вся тряслась от страха. Она ждала ответа, не осмеливаясь взглянуть ему в глаза. Трактирщик отвечать не спешил, и Мэри, чтобы справиться с волнением, повернулась к буфету, делая вид, что ищет там что-то.

-- Пока можете идти отдыхать, коли есть охота, -- произнес он наконец. -- А потом придется поработать. Ты права, ночью уж будет не до сна. Ступайте обе, хоть на время избавьте меня от вашего присутствия.

Добившись своей цели, девушка для вида немного помешкала у буфета, боясь, как бы слишком поспешный уход не вызвал подозрений. Тетя Пейшнс, которая всегда безмолвно повиновалась ему, будто марионетка, послушно отправилась к себе.

Оказавшись в своей комнатке над крыльцом, Мэри заперла дверь на ключ. Сердце ее стучало вовсю, и трудно было сказать, от чего больше -- от страха или от возбуждения перед предстоящим рискованным приключением. До Олтернана было почти четыре мили; она могла преодолеть это расстояние за час. Если выйти из "Ямайки" в четыре часа, когда начнет темнеть, то можно успеть вернуться назад вскоре после шести, а хозяин едва ли придет будить ее раньше семи. Стало быть, у нее есть три часа. Она уже придумала, как выбраться из дома. Нужно вылезти на крышу крыльца и спрыгнуть на землю, как Джем. Ничего страшного, в худшем случае отделается небольшими царапинами, не считая легкого

испуга. Во всяком случае это безопаснее, чем пытаться выйти через дверь, рискуя натолкнуться на дядю. К тому же тяжелую дверь невозможно открыть без шума, а чтобы выйти на улицу через бар, надо пройти мимо открытой двери в кухню.

Мэри надела на себя самое теплое платье и трясущимися руками заколола на груди старую шаль. Мучительнее всего было ожидание. Только бы начать действовать, добраться до дороги, и к ней вернутся мужество и решимость.

Сидя у окна, она смотрела на пустой двор и безлюдную дорогу, ожидая с нетерпением, когда часы в холле пробьют четыре. И вот они зазвучали, резко ударив по нервам, как сигнал тревоги. Мэри открыла дверь и прислушалась. Вслед за боем часов ей почудились шаги и шепот. Но это была лишь игра воображения -- в доме стояла полнейшая тишина. Только часы продолжали отсчитывать минуты. Теперь каждая секунда была драгоценна, нужно было торопиться.

Закрыв за собой дверь, Мэри снова заперла ее на ключ и подошла к окну. Она пролезла через отверстие в стекле, как это сделал Джем, ухватилась руками за подоконник и в следующее мгновение уже сидела верхом на крыше крыльца, глядя вниз на землю.

Смотреть вниз было страшно, крыльцо казалось очень высоким. А одеялом воспользоваться она не могла. Мэри попробовала встать, но удержаться на скользкой черепице было невозможно. Тогда она уцепилась за подоконник и, зажмурившись, прыгнула вниз. Почти тотчас ее ноги коснулись земли -- прыжок оказался пустяковым делом, как она и предполагала вначале. Но Мэри все-таки ободрала руки о черепицу и сразу вспомнила, как она вывалилась из кареты в лощине у побережья.

Мэри оглянулась на "Ямайку", мрачную и серую в надвигавшихся сумерках, с плотно закрытыми ставнями. Она подумала о страшных тайнах, которые хранят стены трактира, об ужасных беззакониях и злодеяниях, свидетелем которых стал этот дом, некогда знавший и яркие огни, и праздничное веселье, и радостный смех. Все это было до того, как здесь поселился дядя, превратив "Ямайку" в зловещий притон. Она повернулась к трактиру спиной, как невольно отворачиваешься от дома, где лежит покойник, и вышла на дорогу.

Вечер был погожий -- в этом ей по крайней мере уже повезло, -- и она решительно зашагала к своей цели, устремив взгляд на простиравшуюся впереди длинную белую дорогу. Сумерки сгущались. По обе стороны от дороги чернела пустошь. Далеко слева виднелись высокие пики холмов. Когда Мэри только выходила, они были окутаны дымкой, теперь же начали

погружаться во тьму. Было очень тихо и безветренно. Скоро взойдет луна. Подумал ли об этом дядя? Для нее же это не имело значения. В эту ночь ей нечего бояться болот. Она шла по твердой дороге, болота оставались в стороне.

Наконец она добралась до развилки Пяти Дорог и, повернув налево, стала спускаться вниз по крутому холму к Олтернану. Проходя мимо освещенных коттеджей и вдыхая приятный запах дыма, струившегося из труб, она испытывала волнение. Отовсюду неслись милые ее сердцу звуки: лай собак, шелест деревьев, скрип колодца. Двери были раскрыты, из домиков доносились голоса. За изгородью кудахтали куры. Какая-то женщина кричала на ребенка, а он отзывался плачем. Мимо прогромычала телега, и возчик пожелал ей доброго вечера. Тут царили неспешное движение, мир и покой. Девушка радостно вдыхала знакомые деревенские запахи.

Миновав коттеджи, Мэри направилась к дому викария. Он стоял рядом с церковью. Окна не светились, дом был объят тьмой и безмолвием. Деревья скрывали его от взоров. У Мэри вновь возникло то же впечатление, что и в первый раз: этот дом жил прошлым, погруженный в сновидения, не ведая о настоящем. Она постучала в дверь висевшим рядом молоточком, и стук эхом отозвался в пустом доме. Заглянула в окна, они слепо чернели.

Ругая себя за собственную глупость, девушка повернула назад, к церкви. Фрэнсис Дейви, конечно же, сейчас там, ведь сегодня воскресенье. Она стояла, не зная, как быть, но тут ворота открылись и на дорожку вышла молодая женщина с цветами в руках. Она внимательно посмотрела на Мэри и, поняв, что перед ней незнакомка, хотела уже пройти мимо, сказав лишь "добрый вечер", но девушка подошла к ней.

-- Простите, пожалуйста, -- сказала Мэри, -- я вижу, вы вышли из церкви. Не скажете ли, мистер Дейви там?

-- Нет, -- ответила женщина и спросила: -- Вы хотели его видеть?

-- Да, и очень срочно, -- сообщила девушка. -- Я была у него дома, стучалась, но никто не открыл. Не могли бы вы помочь мне?

Женщина посмотрела на нее с удивлением и покачала головой.

-- Сожалею, -- сказала она. -- Викария нет дома. Он отправился читать проповедь в другом приходе, далеко отсюда, и должен вернуться только завтра.

14

Мэри с недоверием смотрела на женщину.

-- Уехал? -- переспросила она. -- Но это невозможно, вы, конечно же,

ошибаетесь.

Она настолько уповала на помощь викария, что восприняла известие о его отъезде как крушение всех надежд. У женщины был обиженный вид, она явно не могла понять, почему эта незнакомая девушка ставит ее слова под сомнение.

-- Викарий уехал еще вчера днем, -- объяснила она. -- Уехал сразу же после обеда. Уж мне ли не знать, ведь я веду хозяйство в его доме.

Видимо, она заметила на лице Мэри горькое разочарование и заговорила более мягким тоном.

-- Если вы хотите передать ему что-то, сделайте это через меня... - начала было она, но девушка лишь удрученно покачала головой. Мужество оставило ее.

-- Будет слишком поздно, -- промолвила она в отчаянии. -- Это вопрос жизни и смерти. Раз мистера Дейви нет, я даже не знаю, к кому обратиться.

В глазах женщины блеснуло любопытство.

-- Кто-нибудь заболел? -- поинтересовалась она. -- Я могу показать вам, где живет наш доктор, если нужна его помощь. Откуда вы прибыли?

Мэри не ответила. Она мучительно искала выход из создавшегося положения. Дойти до Олтернана и снова вернуться в "Ямайку" без подмоги было немыслимо. Довериться живущим здесь, в поселке, людям она не могла, да они и не поверили бы ей. Нужно найти кого-нибудь, кто представлял бы власть, кто знает о Джоссе Мерлине и трактире "Ямайка".

-- А где живет ближайший мировой судья? -- спросила она наконец.

Нахмутив лоб, женщина стала соображать.

-- Здесь, в Олтернана, никого нет, -- сказала она задумчиво. -- Ближе всех, пожалуй, будет сквайр Бассет из Норт-Хилла, а это, верно, мили четыре отсюда, может, больше, а может, и меньше. Точно не скажу, никогда там не бывала. Но вы ведь, конечно, не пойдете туда ночью.

-- Я должна, -- произнесла Мэри, -- у меня нет иного выхода. И нельзя терять ни минуты. Простите, что я так скрытна, но у меня большая беда, и только ваш викарий или мировой судья могут помочь мне. Скажите, дорогу на Норт-Хилл трудно найти?

-- Да нет, довольно легко. Пройдете мили две по Лонстонской дороге, а затем у развилки свернете направо. Но идти туда девушке одной в ночную пору... Даже я бы не решилась. Там, на болотах, встречается опасный люд. В последнее время мы и шагу из дому не смеем ступить. Даже на королевской дороге, случается, и грабят, и того паче.

-- Спасибо вам за сочувствие, я вам очень благодарна, но я всю жизнь провела в глухих местах и не боюсь.

-- Как знаете, -- с сомнением отвечала женщина. -- Ко лучше бы вам остаться здесь и дожидаться викария, если это возможно.

-- Это невозможно, -- твердо произнесла Мэри. -- Но когда он вернется, вы могли бы передать ему, что... Впрочем, подождите. Если у вас есть перо и бумага, я напишу ему записку, так будет лучше.

-- Прошу вас, зайдите ко мне, и вы напишете все, что вам нужно. Я отнесу записку в его дом и оставлю на столе, где он увидит ее, как только вернется.

Мэри зашла с женщиной в ее домик и стояла в нетерпении, пока та искала на кухне перо. Время шло так быстро, а непредвиденный визит в Норт-Хилл опрокидывал все ее расчеты. Вряд ли она успеет повидать мистера Бассета и вернуться в "Ямайку" ко времени. Обнаружив ее бегство, дядя, конечно, ускорит отъезд, и все ее усилия окажутся напрасными.

Наконец женщина вернулась с бумагой и пером, и Мэри поспешно принялась писать, не выбирая слов:

"Я пришла просить вас о помощи, но не застала. К этому времени вы, наверно, уже с ужасом узнали, как и все в этой округе, о кораблекрушении в сочельник. Это дело рук моего дяди и его банды из ``Ямайки". Об этом вы уже, конечно, догадались. Он знает, что подозрение падет на него и поэтому собирается сегодня ночью покинуть трактир и, переправившись через Теймар, добраться до Девона. Не найдя вас здесь, отправляюсь как можно скорее к мистеру Бассету в Норт-Хилл, чтобы рассказать ему обо всем, предупредить о готовящемся бегстве, дабы он мог сразу же послать в ``Ямайку" людей и схватить моего дядю, пока не поздно. Передаю эту записку вашей экономке, которая, надеюсь, положит ее так, что вы сразу же по приезде найдете ее. Тороплюсь, за сим,

Мэри Йеллан".

Сложив записку, она вручила ее женщине, поблагодарила, еще раз заверила, что дорога ее не пугает, после чего вновь пустилась в путь. С тяжелым сердцем покидала она Олтернан, одиноко взбираясь на холм, отделявший деревню от дороги.

Мэри настолько уверовала в Фрэнсиса Дейви, что все еще не могла осознать, что его не оказалось дома, и именно теперь. Как будто, уехав, он предал ее. Разумеется, он не знал, что она нуждается в нем, а если бы и знал, у него, возможно, были свои более важные дела. Но как же горько и обидно было оставить позади приветливо светившийся огнями Олтернан, так ничего и не добившись. Может быть, именно в этот момент дядя стучит в дверь ее спальни, ожидая в нетерпении ее ответа. Не получив его, он взламывает дверь. Увидев разбитое окно, поймет, что она убежала. Как это

повлияет на его планы, можно было только гадать. Знать этого она не могла. Ее волновала тетя Пейшнс, которая последует за мужем, как преданная собака за хозяином. Мысль об этом заставляла Мэри бежать что было мочи по пустынной белой дороге, сжав кулаки.

Наконец она добежала до развилки и свернула, как подсказала ей экономка викария, направо, на узкую извилистую дорожку. По обе стороны шла зеленая изгородь, скрывавшая от глаз пустошь. Дорожка вилась и кружила, как тропинки в Хелфорде. Мэри радостно сошла на нее с унылой и однообразной столбовой дороги. На сердце стало веселее. Девушка старалась подбодрить себя мыслью о предстоящей встрече с семейством Бассетов, представляя их себе добрыми и любезными людьми, похожими на Вивиянсов из Треловарена, и надеясь, что они выслушают ее с сочувствием и пониманием. Конечно, со сквайром она познакомилась не в лучший для него момент -- он явился в "Ямайку" в самом скверном настроении. Она сожалела теперь, что, вопреки своей воле, ввела его тогда в заблуждение. Что до его супруги, то та, вероятно, узнала, что на ярмарке в Лонстоне ее одурачил конокрад. Мэри просто повезло, что ее не оказалось рядом с Джемом, когда он перепродавал коня законной владелице. Девушка продолжала рисовать в своем воображении приятную встречу с четой Бассетов, однако эти досадные эпизоды то и дело всплывали в ее памяти. В глубине души она с трепетом думала о предстоящем свидании.

Ландшафт вновь изменился; темные лесистые холмы остались в стороне, где-то рядом слышалось журчание бегущего среди камней ручья. Пустошь кончилась. Над верхушками деревьев показалась луна, осветив тропинку, которая вела вниз к поросшей деревьями долине. Наконец она приблизилась к воротам усадьбы. Тропинка шла дальше, к деревне.

За воротами она увидела особняк. Должно быть, это и был Норт-Хилл, где проживал сквайр. Мэри направилась по аллее, ведущей от ворот к дому. Вдалеке церковные часы пробили семь. Вот уже три часа, как она ушла из "Ямайки". По мере приближения к дому волнение ее усиливалось. Ласковый свет луны еще не коснулся дома. Большой и темный, он казался грозным и неприступным. Мэри позвонила в большой колокольчик, висевший у дверей. Раздался яростный лай. Мэри ждала. Вскоре в доме послышались шаги, и слуга открыл дверь. Он прикрикнул на собак, которые, высунув морды на улицу, обнюхивали ноги девушки. Мэри вдруг стало стыдно своего старенького платья и простого платка. Она почувствовала себя маленькой и жалкой.

-- Я бы хотела видеть мистера Бассета по неотложному делу, -

произнесла она. -- Мое имя ему ничего не скажет, но если бы он согласился выслушать меня, я бы все ему объяснила. Это дело крайней важности, иначе я не стала бы его беспокоить в столь поздний час в воскресенье.

-- Мистер Бассет уехал сегодня утром в Лонстон, -- ответил слуга. -Его срочно вызвали, и он еще не воротился.

На этот раз Мэри не смогла сдержаться, из ее груди вырвался стон отчаяния.

-- Я проделала такой долгий путь! -- горестно воскликнула она, как будто само ее страдание могло заставить сквайра тут же вернуться в Норт-Хилл. -- Если в течение часа я с ним не встречу, случится нечто ужасное -- страшный преступник скроется от закона. Вы глядите на меня в недоумении, но я говорю правду. Если бы здесь был кто-нибудь, к кому я могла бы обратиться...

-- Миссис Бассет дома, -- сообщил слуга, сгорая от любопытства. - Возможно, она примет вас, ежели у вас такое срочное дело. Следуйте, пожалуйста, за мной в библиотеку. На собак не обращайтесь, они вас не тронут.

Словно во сне, Мэри прошла через холл, понимая лишь, что ее план снова провалился. Все пропало.

Просторная, ярко освещенная библиотека, в которой пылал камин, показалась ей чем-то неземным. Глаза Мэри уже привыкли к темноте, и от яркого света она невольно зажмурилась. Женщина, в которой Мэри сразу узнала нарядную даму с ярмарочной площади в Лондоне, сидела в кресле перед огнем и читала детям вслух, когда слуга ввел девушку в библиотеку. Она с удивлением подняла голову.

С некоторым волнением слуга принялся объяснять:

-- Мадам, эта молодая особа пришла с очень важным известием для сквайра, -- сказал он. -- Я подумал, что лучше привести ее прямо к вам.

Миссис Бассет немедленно поднялась с кресла, уронив при этом книгу с колен.

-- Неужели что-нибудь случилось с лошадьми? -- спросила она. -- Ричардс говорил мне, что Соломон кашляет, а Бриллиант отказывается от корма. При таком конюхе может случиться все, что угодно.

Мэри покачала головой.

-- Мои дурные вести никак не касаются вашего хозяйства, -- серьезно ответила она. -- Я здесь совершенно по другому поводу. Если бы мне можно было поговорить с вами наедине...

Услышав, что с лошадьми ничего не произошло, миссис Бассет, видимо, испытала облегчение. Она быстро сказала что-то детям, и они

резво выбежали из комнаты в сопровождении слуги.

-- Чем могу быть вам полезной? -- милостиво спросила она. -- Вы выглядите бледной и усталой. Не желаете ли присесть?

Испытывая нетерпение, Мэри покачала головой.

-- Благодарю вас, но мне необходимо знать, когда мистер Бассет должен вернуться домой.

-- Не имею понятия, -- отвечала его супруга. -- Ему пришлось спешно выехать, и, по правде говоря, я очень тревожусь за него. Если этот ужасный трактирщик окажет сопротивление, а это следует ожидать, то, хотя там и будут солдаты, мистер Бассет может быть ранен.

-- Что вы имеете в виду? -- быстро спросила Мэри.

-- Да ведь сквайр отправился выполнять очень опасную миссию. Ваше лицо мне не знакомо, и мне следует заключить, что вы не из Норт-Хилла, иначе вы не могли бы не слышать об этом Мерлине, который содержит трактир у Бодминской дороги. Сквайр довольно давно подозревал, что тот повинен в ужасных преступлениях, но лишь сегодня получил полнейшее доказательство. Он сразу же отправился в Лонстон за помощью, и, судя по тому, что сказал мне перед отъездом, он намеревается окружить трактир этой ночью и схватить его обитателей. Разумеется, он поедет, хорошо вооружившись, и с отрядом солдат, но я не успокоюсь, пока он не вернется.

Что-то в выражении лица Мэри, видимо, насторожило ее. Она вдруг сильно побледнела и попятилась к камину. Рука ее потянулась к шнуру колокольчика.

-- Вы та девушка, о которой он рассказывал, -- быстро произнесла она. -- Служанка из трактира, племянница хозяина. Стойте на месте, не двигайтесь, иначе я позову слуг. Да, так оно и есть: вы -- та девушка. Я знаю, он вас описал. Что вам от меня нужно?

Мэри умоляюще протянула к ней руку; лицо ее было так же бледно, как у женщины возле камина.

-- Я не причиню вам вреда, -- заверила она. -- Пожалуйста, не звоните. Дайте мне объясниться. Да, я девушка из трактира "Ямайка".

Но миссис Бассет явно не доверяла ей. Она с тревогой смотрела на Мэри, держась рукой за шнур.

-- У меня нет здесь денег, -- произнесла она. -- Я ничего не могу сделать для вас. Если вы пришли просить за дядю, то слишком поздно.

-- Вы меня не так поняли, -- спокойно сказала Мэри. -- А хозяин "Ямайки" не родственник мне, он всего лишь муж моей тети. Почему я жила там, сейчас не важно, это слишком длинная история. Я боюсь и презираю его больше, чем вы или кто-либо другой в этом крае, и у меня

есть на то свои причины. Пришла же я сюда, чтобы предупредить мистера Бассета, что хозяин намерен покинуть трактир этой ночью и, таким образом, избежать правосудия. У меня есть твердые доказательства его вины, которыми, я думаю, не располагает мистер Бассет. Вы говорите, что он уехал и теперь, возможно, уже находится у "Ямайки". Стало быть, я лишь напрасно потратила время, добираясь сюда.

Тут она без сил опустилась на стул и, сложив руки на коленях, невидящим взором уставилась на огонь в камине. Ее силы были исчерпаны, и она не в состоянии была более думать. В уставшем мозгу застряла одна мысль: все ее усилия оказались совершенно напрасными. Ей вовсе не нужно было покидать своей спальни в "Ямайке". В любом случае мистер Бассет явился бы туда. Ее тайное вмешательство лишь привело к той самой ошибке, которой она хотела избежать. Она отсутствовала слишком долго. Обо всем догадавшись, дядя, скорее всего, уже сбежал. Сквайр Бассет со своими людьми найдет трактир пустым.

Мэри подняла глаза на хозяйку дома.

-- Я сделала большую глупость, придя сюда, -- беспомощно призналась она. -- Думала, смогу обхитрить дядю, но только подвела всех и саму себя. Если мой дядя обнаружит, что меня нет в комнате, он сразу догадается, что я его выдала. Он уедет из "Ямайки" до того, как туда прибудет мистер Бассет.

Жена сквайра отпустила шнур колокольчика и подошла к девушке.

-- Вы говорите искренне, и у вас честное лицо, -- ласково произнесла она. -- Простите, что неправильно судила о вас, но трактир "Ямайка" имеет ужасную репутацию, и, наверно, любой на моем месте повел бы себя так же, неожиданно повстречав племянницу трактирщика. Вы оказались в страшной ситуации, и я считаю, что вы проявили большое мужество, пройдя столько миль, чтобы предупредить моего мужа! Я бы с ума сошла от страха. Но как же мне следует поступить? Я очень хочу помочь вам.

-- Мы не можем ничего сделать, -- сказала Мэри, покачав головой. - Думаю, мне остается только ждать возвращения мистера Бассета. Не очень-то он обрадуется, узнав, что я наделала. Видит Бог, я заслуживаю самого жестокого упрека...

-- Я замолвлю за вас словечко, -- успокоила ее миссис Бассет. -- Вы никак не могли знать, что моего мужа уже поставили в известность. Если потребуется, я сумею уговорить его смягчиться. Радуйтесь, что вы здесь, в безопасности.

-- А откуда сквайр так неожиданно узнал обо всем? -- спросила Мэри.

-- Не имею представления. Как я уже вам говорила, за ним вдруг

прислали утром. Он сообщил мне лишь самую суть, пока седлали его лошадь, и ускакал. Ну, а теперь отдохните и забудьте на время об этом отвратительном деле. Вы, наверно, умираете с голоду.

Она снова подошла к камину и на сей раз решительно подергала за шнур колокольчика. Несмотря на то что из-за волнения и расстройств она еле соображала, Мэри не могла не отметить иронии ситуации. Хозяйка дома, еще недавно угрожавшая девушке, что ее схватят слуги, теперь оказывает ей гостеприимство, отдавая приказание тем же слугам подать ей ужин. Она также подумала о сцене на базарной площади, когда эта дама, в бархатной накидке и шляпе с перьями, заплатила крупную сумму за свою собственную лошадь. Мэри хотела бы узнать, открылось ли это надувательство, но если бы ее роль в обмане стала известна, едва ли миссис Бассет была бы так гостеприимна.

Между тем в комнате появился слуга. Его лицо выражало любопытство, ему не терпелось узнать, что происходит. Вошедшие вместе с ним собаки подошли к девушке познакомиться. Они виляли хвостами, тычась мягкими носами ей в руки, и принимали ее как свою. Пребывание в этом барском доме в Норт-Хилле все еще казалось Мэри чем-то нереальным. Как она ни старалась, ей не удавалось избавиться от волнения и напряжения. Она чувствовала, что не имеет права сидеть здесь перед пылающим камином, когда у "Ямайки", вероятно, идет смертный бой.

Мэри машинально ела, буквально заставляя себя глотать пищу, в которой действительно нуждалась, и рассеянно слушала хозяйку. Будучи женщиной доброй, миссис Бассет наивно полагала, что разговоры о пустяках помогут отвлечь девушку от беспокойных мыслей. Однако ее болтовня лишь усиливала волнение Мэри. Окончив ужинать, она вновь под села к камину, сложив руки на коленях и задумчиво глядя в огонь. Стремясь как-то развлечь ее, миссис Бассет принесла альбом с собственными акварельными рисунками и принялась переворачивать перед гостей страницы.

Когда каминные часы пробили восемь, пронзая сердце Мэри каждым своим ударом, она не выдержала. Томительное ожидание и бездействие были хуже любой опасности, которая могла ей угрожать.

-- Простите меня, -- произнесла она, поднявшись. -- Вы так добры ко мне, и я никогда не смогу в полной мере выразить мою благодарность, но я очень беспокоюсь. Я просто в отчаянии и не в состоянии думать ни о чем, кроме моей бедной тетушки, которая в это самое время, наверно, испытывает муки ада. Я должна знать, что происходит в "Ямайке", и готова сейчас же идти туда пешком.

В полном расстройстве миссис Бассет выронила альбом из рук.

-- Ах, конечно же, вы очень обеспокоены. Я это вижу и старалась отвлечь вас от тревожных мыслей. Как это ужасно! Я тоже очень беспокоюсь о муже. Но возвращаться вам туда одной, да еще пешком, просто невыносимо! Ведь вы не доберетесь до места раньше полуночи, и Бог знает, что с вами может случиться по дороге. Я велю запрячь двуколку. С вами поедет Ричардс. На него можно положиться, и он сумеет воспользоваться оружием, если придется. Если там идет схватка, вы увидите это, еще не доезжая до места, и вам не следует приближаться к трактиру, пока все не будет кончено. Я бы и сама поехала с вами, но в данный момент мое здоровье несколько расстроено...

-- Нет, вам, конечно, и не надо этого делать, -- поспешно прервала ее Мэри. -- Меня не пугает опасность, и путешествовать ночью мне не впервой. Но вы -- другое дело. Мне вообще неловко, что я доставляю вам столько хлопот: будить кучера, запрягать лошадь. Уверю вас, что моя усталость прошла и я вполне могу отправиться пешком.

Но миссис Бассет уже дернула за шнур колокольчика.

-- Позаботьтесь передать Ричардсу, чтобы он немедленно подал двуколку, -- приказала она изумленному слуге. -- Дальнейшие распоряжения получит, когда явится. Скажите ему, чтобы не мешкал.

Затем она снабдила Мэри плотным плащом с капюшоном, толстым пледом и грелкой для ног, все время приговаривая, что только слабое здоровье мешает ей тоже отправиться в эту поездку, чему девушка только порадовалась - миссис Бассет едва ли могла оказаться желанным компаньоном в таком рискованном и опасном предприятии.

Примерно через четверть часа к парадной двери подъехала двуколка. В Ричардсе Мэри сразу узнала человека, который приезжал тогда в "Ямайку" вместе с мистером Бассетом. Досада от того, что его оторвали от домашнего очага в воскресный вечер, исчезла, как только он услышал, в чем должна состоять его миссия. Выслушав приказ стрелять во всякого, кто будет им угрожать, он, с двумя пистолетами за поясом, напустил на себя свирепый и важный вид, обычно ему не свойственный. Сопровождаемая прощальным лаем собак, Мэри быстро уселась рядом с ним в повозку. Лишь когда они выехали на дорогу и Норт-Хилл скрылся за поворотом, Мэри осознала, на какое безрассудство отважилась.

За те пять часов, что ее не было в "Ямайке", могло произойти все, что угодно. Даже на двуколке она вряд ли могла рассчитывать прибыть туда раньше половины одиннадцатого. Ничего нельзя было предвидеть заранее; она не знала, что будет делать -- все зависело от того, как будут развиваться

события. Луна была уже высоко, дул свежий легкий ветерок, и Мэри была готова к любым неожиданностям. Хотя ей могла грозить опасность, но ехать к месту событий было все же лучше, чем беспомощно ждать, слушая лепет миссис Бассет. Ричардс был вооружен, да и она сможет взять в руки оружие, если до того дойдет. Ричардс засыпал ее вопросами, но она отвечала ему односложно, давая понять, что сейчас не до разговоров.

Дальше они ехали молча. Тишину нарушало лишь мерное постукивание лошадиных копыт, да порой среди деревьев раздавалось уханье совы. Но вот кончилась живая изгородь, не слышно стало шороха кустов, смолкли звуки мирной деревенской жизни. Отсюда начинался прямой путь к Бодмину. Снова по обе стороны лежала пустошь. В лунном свете белела пустынная дорога, кружа и теряясь в складках видневшегося вдалеке холма. Ни одной живой души не встретилось им.

В сочельник, когда Мэри ехала по этим местам, дул яростный ветер и дождь стучал в окно кареты; теперь же было хоть и холодно, но удивительно безветренно. Луна посеребрила тихо дремавшую пустошь, смягчила жесткие очертания темных пиков, упиравшихся в небо своими сонными гранитными главами. Ничто не тревожило их покой, их древние боги мирно спали.

Лошадь быстро покрыла мили, которые Мэри с трудом одолевала пешком. Теперь она узнавала каждый поворот дороги и помнила места, где пустошь наступала на нее высокими травами и скрюченными ветками ракитника.

Внизу, в долине, играл огнями Олтернан; вот и развилка Пяти Дорог. Отсюда шла дорога к "Ямайке". Даже в тихую ночь здесь резвился ветер. Сейчас он дул с запада, со стороны Раф-Тора, колючий и холодный, принося с собой запах болот. На дороге, которая то круто взмывала вверх, то бежала вниз, не было заметно никаких признаков жизни. И хотя Мэри изо всех сил напрягала слух и зрение, она ничего не слышала и не видела. В такую ночь малейший звук был бы отчетливо слышен, и приближение отряда мистера Бассета, по словам Ричардса, насчитывавшего свыше десятка людей, было бы слышно по крайней мере за пару миль.

-- Скорее всего они уже давно там, -- заявил Ричардс. -- А хозяин трактира уже связан и шипит в бессильной злобе. Доброе это дело, коли вся округа вздохнет свободнее, когда этого негодяя наконец засадят. Да это уж давно бы произошло, кабы послушались сквайра. Жаль, что мы не поспели раньше. Вот, думаю, была потеха, когда его захватывали!

-- Не такая уж потеха, ежели мистер Бассет обнаружит, что птичка улетела, -- спокойно возразила Мэри. -- Джосс Мерлин знает эти болота как

свои пять пальцев и не станет медлить, если у него окажется преимущество хотя бы в один час или даже меньше.

-- Мой хозяин тоже вырос здесь, как и трактирщик, -- не уступал Ричардс. -- И коли дойдет до погони, то, не раздумывая, поставлю на сквайра. В этих местах он охотится с детских лет, поди, лет уже пятьдесят, и, скажу вам, ни одной лисе от него не уйти. Не ошибусь, что и эту изловят до того, как она пустится в бега.

Мэри его не прерывала. Отрывистые фразы, которые он бросал, меньше раздражали ее, чем щебетанье его хозяйки, а широкая спина и честное грубоватое лицо слуги вселяли в нее некоторую уверенность, столь необходимую ей в этот напряженный момент.

Они приблизились к впадине на дороге и узкому мосту, переброшенному через реку Фауэй. Слышен был плеск резво бегущей по камням воды. Прямо перед ними в ярком свете луны возник высокий холм, на котором стояла "Ямайка". Когда же над вершиной холма стали видны очертания темных труб, Ричардс умолк и стал проверять засунутые за пояс пистолеты, нервно откашливаясь. Сердце Мэри часто забилося, и она крепко ухватилась за край двуколки. Лошадь начала взбираться на холм, низко опустив морду к земле. Стук копыт казался девушке невозможно громким. Она боялась, что их приближение услышат.

Когда они были уже у самой вершины, Ричардс повернулся к Мэри и прошептал ей на ухо:

-- Не лучше ли вам подождать здесь, в повозке, в стороне от дороги, а я схожу и посмотрю, что там делается.

Мэри покачала головой.

-- Нет, лучше пойду я, а вы следуйте немного поодаль или оставайтесь здесь и ждите, когда я позову. Судя по тому, что все тихо, похоже, что сквайр со своими людьми еще не прибыл, а хозяину удалось сбежать. Окажись он здесь -- я имею в виду моего дядю, -- мне еще можно рискнуть встретиться с ним, а вам никак нельзя. Дайте мне пистолет, тогда он мне вовсе не будет страшен.

-- Вряд ли вам стоит идти туда одной, -- с сомнением произнес слуга. -- Еще наткнетесь прямо на него, и я больше ни звука от вас не услышу. И вправду странно, что там так тихо. Я-то думал, что услышу крики, шум драки и громовой голос моего хозяина, отдающего команды. Чудно все это. Их, видать, задержали в Лонстоне. Сдается мне, что умнее будет свернуть на обочину и обождать их.

-- Я и так извелась от ожидания за сегодняшний вечер, -- настаивала Мэри. -- Чуть с ума не сошла. Уж лучше столкнуться с дядей лицом к лицу,

чем прятаться здесь в канаве, ничего не видя и не слыша. Я должна узнать, что с моей тетей. Она ни в чем не виновата и чиста, как дитя. Может быть, мне удастся выручить ее. Дайте же мне пистолет и отпустите меня. Я умею передвигаться тихо, как кошка, и не стану лезть на рожон, обещаю вам.

Она сбросила с себя тяжелую накидку с капюшоном, защищавшую ее от ночного холода, и схватила пистолет, который Ричардс неохотно вручил ей.

-- Не идите за мной, если не позову или не дам сигнала, -- предупредила она. -- Ну а если услышите выстрел, спешите на подмогу. Но будьте начеку. Что толку нам обоим соваться в пекло? Я вообще-то думаю, что дядя уже успел улизнуть.

Теперь Мэри даже хотела верить в такой исход. С отъездом трактирщика в Девон завершилась бы и вся эта история. Здешний край избавился бы от него, причем с наименьшими издержками. Он мог бы даже, как сам говорил, начать жизнь заново или, что более вероятно, затаился бы где-нибудь в пятистах милях от Корнуолла и допил бы до смерти. Она уже не желала, чтобы его схватили. Ей хотелось лишь, чтобы все поскорей кончилось. А более всего она хотела забыть его, уехать из "Ямайки" на край света и зажечь собственной жизнью. Месть не принесла бы ей удовлетворения. Видеть его связанным, беспомощным, окруженным солдатами во главе со сквайром -- вряд ли большое удовольствие.

С Ричардсом Мэри говорила уверенно, но на самом деле встреча с дядей страшила ее, хотя она и была вооружена. Она представила себе, как столкнется с ним, готовым к нападению, в темном коридоре трактира, как вперятся в нее его налитые кровью глаза, и замедлила шаг. Перед самым входом во двор она оглянулась на обочину, где виднелась тень повозки. Затем подняла пистолет, держа палец на курке, и глянула из-за стены дома во двор. Он был пуст, дверь конюшни -- заперта. Трактир стоял такой же темный и притихший, каким она оставила его почти семь часов назад. Двери и окна были все так же наглухо закрыты. Мэри взглянула вверх на свое окно. В стекле по-прежнему зияла дыра.

Следов колес или каких-нибудь признаков приготовления к отъезду она не обнаружила. Мэри подкралась к конюшне и приложила ухо к двери. Она услышала, как беспокойно двигается в стойле лошадь, постукивая копытом по булыжнику. Значит, они не уехали и дядя все еще находится в "Ямайке".

Сердце ее упало. Она подумала, а не вернуться ли ей к Ричардсу и вместе с ним, как он предлагал, дождаться появления сквайра Бассета с солдатами. Мэри посмотрела на закрытый дом еще раз. Если бы дядя

намеревался уехать, то наверняка уже сделал бы это. Ведь потребовалось бы не меньше часа, чтобы только погрузить вещи на телегу. Сейчас было почти одиннадцать. Видно, он изменил свой план и решил уйти пешком. Но в таком случае тетя не смогла бы сопровождать его. Мэри пришла в замешательство. Все было странно и непонятно.

Девушка остановилась у крыльца и прислушалась. Попробовала даже повернуть ручку двери, но та, конечно, была заперта. Наконец она отважилась завернуть за угол дома и пройти мимо двери, ведущей в бар, к огороду за кухней. Тихо ступая и держась в тени, она добралась до того места, где через щель в ставне можно было бы разглядеть свет свечи. На кухне, однако, было совершенно темно. Мэри медленно повернула дверную ручку, и, к ее изумлению, дверь приоткрылась. От неожиданности она замерла, не решаясь войти.

А вдруг дядя сидит там, поджидая ее, с ружьем на коленях? То, что она сама держит в руке пистолет, не придавало ей особой уверенности.

Очень медленно Мэри приблизилась к полуоткрытой двери. Ни звука. Уголком глаза заметила пепел в очаге, который почти погас. Ясно, что там никого нет. Что-то говорило ей, что кухня пустовала уже несколько часов. Она широко раскрыла дверь и вошла. Ее обдало холодом и сыростью. Когда глаза привыкли к темноте, она разглядела стол и стул возле него. На столе стояла свеча. Мэри схватила ее и зажгла от еле тлевшего очага. Подняв свечу над головой, осмотрелась. Кухня была завалена собранными и подготовленными к отъезду вещами. На стуле лежал узел с пожитками тети Пейшнс, на полу - свернутые одеяла. На своем обычном месте в углу стояло дядино ружье. Стало быть, они решили переждать еще один день и ушли наверх спать.

Дверь в коридор была широко распахнута. Молчание, которым встретил ее дом, показалось еще более гнетущим и странным, чем обычно, оно было даже пугающим. Что-то изменилось -- чего-то не хватало. И тут Мэри поняла, что не слышит привычного звука тиканья часов.

Шагнув в коридор, она снова прислушалась. Да, в доме было так тихо потому, что остановились часы. Держа в одной руке пистолет, в другой свечу, девушка медленно и осторожно пошла по коридору.

Завернув за угол, туда, где темный коридор переходил в холл, она увидела, что часы, стоявшие у стены рядом с дверью в гостиную, упали циферблатом вниз. Разбившееся вдребезги стекло рассыпалось по плитам каменного пола, а деревянный их корпус раскололся. Место на обоях, где стояли часы, выделялось ярко-желтым пятном на выцветшем фоне. Упав, часы перегородили весь узкий холл. Мэри подошла к лестнице и только тут

заметила, что под их обломками лицом вниз лежит хозяин "Ямайки".

Падавшая от часов тень скрывала распростертое на полу тело. Одна рука трактирщика была закинута за голову, другая вцепилась в расколовшуюся дверцу. Ноги вытянуты и разбросаны в стороны, от чего трактирщик казался еще огромнее, чем при жизни. Тело его полностью перегородило собой холл.

По каменному полу растеклась кровь, и между лопаток темнело пятно запекшейся крови -- в том месте, где торчала рукоятка поразившего его ножа.

Когда его ударили сзади, он, должно быть, вытянул руку вперед и, покачнувшись, ухватился за часы. Потом упал лицом вниз, увлекая их за собой, и умер, уцепившись за их дверцу.

15

Мэри долго не могла отойти от лестницы. Силы покинули ее, она почувствовала себя такой же беспомощной, как и распростертая на полу фигура. Глаза девушки задерживались на несущественных деталях: залитых кровью осколках стекла, куске ярких обоев в том месте, где прежде стояли часы.

На руке мертвеца устроился паук, и было так странно, что рука не шевельнулась, чтобы стряхнуть его. Дядя обязательно сбросил бы насекомое. Потом паук пополз к плечу. Добравшись до раны и немного помедлив, он пополз вокруг нее, а затем, движимый любопытством, вернулся назад. В его быстрых безбоязненных движениях было что-то жуткое и кошмарное. Паук знал, что трактирщик не может причинить ему вреда. Мэри тоже знала это, но все равно была объята страхом.

Более всего ее пугала тишина. От молчания часов ей делалось жутко. Чего бы она ни отдала, только бы услышать их медленный и сипящий, как при удушье, ход. Он был частью жизни этого дома.

Свет свечи падал на стену, но не доходил до верхней части лестницы, которая была погружена в полную тьму. Мэри знала, что никакая сила не заставит ее подняться наверх. Что бы ни было там, наверху, все должно оставаться непоколебленным. Смерть вошла в этот дом, и ее дух витал в воздухе. Девушка почувствовала, что вся атмосфера "Ямайки" всегда была проникнута ожиданием смерти и страхом перед ней. Сырые стены, скрипящие половицы, таинственный шепот, необъяснимые шаги в доме -- все как бы предупреждало обитателей о неминуемой беде.

Мэри содрогнулась: тишина эта рождена была событиями давно забытыми, оставшимися в глубоком прошлом.

Паника -- вот чего Мэри боялась больше всего; крик, который нельзя

сдержать, непреодолимое желание устремиться неважно куда, колотя руками воздух, словно преодолевая преграду. Только бы не поддаться этому безумию! Несколько оправившись от шока, она чувствовала, что удушливый безотчетный страх вот-вот овладеет ею. Пальцы ослабеют, свеча вывалится из рук, и она окажется одна в полной темноте. Ее охватило неистовое желание бежать, но она подавила его. Попятившись назад, она медленно вышла из холла, крепко держа в руке свечу, и через коридор прошла на кухню. Дверь, выходящая на огород, по-прежнему была открыта. И тут-то девушка не выдержала. Она опрометью выскочила из дома и, рыдая, помчалась вперед, вытянув перед собой руки, словно слепая. Вот и угол. Ладони ее больно скользнули по шершавому камню. Мэри мчалась дальше что было мочи, через двор на дорогу, как будто за ней гнались. Неожиданно перед ней выросла крепкая фигура Ричардса. Он протягивал ей руки навстречу, и Мэри, ища защиты, ухватилась за его пояс.

-- Он мертв, -- с трудом выговорила она, стуча зубами и дрожа всем телом, -- он лежит там на полу мертвый, я видела его.

Как Мэри ни старалась, она ничего не могла поделать с собой; ее трясло, зубы выбивали дробь. Ричардс довел девушку до повозки, достал накидку и набросил ей на плечи. Мэри плотно закуталась в нее.

-- Он мертв, -- повторила она, -- убит ударом ножа в спину. Я видела то место, где прорезана куртка, на ней кровь. Он лежит лицом вниз. Часы повалились вместе с ним. Кровь уже запеклась. Похоже, он мертв уже несколько часов. В трактире темно и тихо. Там больше никого нет.

-- А что с вашей тетушкой? -- шепотом спросил слуга.

Мэри покачала головой:

-- Не знаю. Не видела. Я не могла там оставаться.

По ее лицу он понял, что силы покинули ее и она вот-вот упадет. Он помог ей забраться в двуколку и уселся рядом.

-- Ну-ну, успокойтесь, -- уговаривал он. -- Сядьте же, вот так. Вам больше нечего бояться. Ну тихо же, тихо.

Его низкий грубоватый голос подействовал на Мэри успокаивающе. Она скрючилась на сиденье возле него, натянув накидку до самого подбородка.

-- Такое зрелище не для девушки, -- уговаривал ей Ричардс. -- Надо было пустить меня, а самой оставаться здесь. Какой страх увидеть его там мертвым, убитым!

От его разговоров и неуклюжего сочувствия Мэри полегчало.

-- Лошадь все еще в конюшне, -- начала рассказывать она. -- Я послушала у дверей, она там. Они, видно, даже не успели закончить

приготовления к отъезду. Дверь на кухню открыта, а на полу свалены узлы и одеяла, которые они собирались погрузить на телегу. Наверно, все произошло несколько часов назад.

-- Не пойму, почему не приехал сквайр, -- сказал Ричардс. -- Уж давно должен бы быть здесь. Скорей бы он появился и разобрался во всем. Мне прямо не по себе. Скверное это дело. Вам вообще не следовало сюда ехать.

Оба замолчали, глядя в ожидании на дорогу.

-- Кто же мог убить хозяина? -- принялся рассуждать Ричардс. -- Ведь вон какой здоровенный был мужик, запросто мог за себя постоять. Хотя немало найдется таких, кто мог приложить к этому руку. Уж если кого ненавидели, так это его.

-- Там был еще разносчик, -- медленно проговорила Мэри. -- О разносчике я-то забыла. Должно быть, это он. Видно, сумел-таки выбраться из запертой комнаты.

Она ухватила за эту мысль, гоня прочь другую, и с жаром принялась рассказывать, как прошлой ночью разносчик явился в трактир. Сразу же ей стало казаться, что преступление совершил он, и иного объяснения не было.

-- Ну, он далеко не уйдет, -- уверенно заявил Ричардс, -- сквайр поймает его, уж будьте спокойны. Никто не сумеет укрыться от него на болотах. Разве что кто-нибудь из местных. А я ни о каком разносчике Гарри никогда не слыхал. Правда, они, эти дружки Джосса Мерлина, откуда только не приезжали сюда. Как рассказывают, из самых разных дыр, со всего Корнуолла. Это ж, что называется, самое отребье.

Немного помолчав, он предложил:

-- Я схожу в трактир, если не возражаете, и гляну, не оставил ли он после себя следов. Там может что-нибудь оказаться.

Мэри схватила его за руку.

-- Я не останусь здесь одна, -- быстро проговорила она. -- Можете считать меня трусихой, но я этого просто не выдержу. Побывай вы там, поняли бы меня. Сейчас там тихо и спокойно, но спокойствие это мрачное, угрюмое -словно дому нет никакого дела до несчастного мертвеца.

-- Я помню время, когда этот дом пустовал; до того как ваш дядя поселился там, -- задумчиво произнес слуга. -- Мы, бывало, захаживали туда с собаками поохотиться на крыс ради забавы. Ничего такого не замечали: обыкновенное заброшенное место. Никакого там особого духа... Но учтите, сквайр поддерживал дом в порядке в ожидании съемщика. Сам-то я из Сент-Неота и не бывал в этих местах до того, как стал служить у сквайра. Но говорят, что в прежние времена "Ямайка" слыла славным

местом, и народ тут собирался приличный. Здесь жили да радовались приветливые, гостеприимные люди, и приезжего всегда ждала мягкая постель. Тогда здесь останавливались кареты. А в молодые годы мистера Бассета раз в неделю тут собирались охотники с гончими. Может быть, все теперь пойдет как прежде.

Мэри покачала головой.

-- Я видела здесь одни страдания. Страдания, боль и жестокость. Наверно, вместе с дядей в дом вошло что-то злое, а все доброе погибло.

Оба невольно понизили голос и опасливо глянули на высокие трубы "Ямайки", ясно видневшиеся в лунном свете на фоне серого неба. Они подумали об одном и том же, но не осмеливались заговорить -- слуга из деликатности, а Мэри -- из страха. Наконец сдавленным голосом она промолвила:

-- С тетей тоже что-то случилось. Я знаю, сердцем чую: она мертва. Потому я и побоялась подняться наверх. Она лежит там на лестничной площадке в темноте. Тот, кто убил дядю, убил и ее.

Ричардс откашлялся.

-- А может быть, она убежала на болота... Вскочила на дорогу за помощью, -- произнес он.

-- Нет, -- прошептала Мэри, -- она ни за что бы его не бросила, а была бы подле него в холле... припав к его телу. Она мертва. Ее больше нет. Кабы я не оставила ее, этого ни за что бы не случилось.

Ричардс молчал. Чем тут поможешь? Да и вообще, кто ему эта девушка? То, что творилось под крышей трактира, когда она жила там, его не касалось. И без того на него взвалили немалую ответственность. Он горячо желал, чтобы поскорее появился хозяин. Если бы тут шла борьба, раздавались крики, он знал бы, что делать. Но если там действительно произошло убийство, как говорит девушка, и трактирщик лежит мертвым, а жена его, верно, тоже, то чего им сидеть здесь на обочине, словно они от кого-то прячутся? Лучше поскорее убраться подальше, выехать на дорогу, поближе к людям.

-- Я ведь сюда поехал по приказанию хозяйки, -- начал он неловко. -- Но она сказала, что здесь будет сквайр. Ну, а коли его тут нет...

Но Мэри подняла руку, останавливая его.

-- Послушайте, -- быстро произнесла она. -- Слышите?

Оба повернули голову и прислушались. Из долины, лежавшей за холмом, явственно доносился стук копыт.

-- Это они, -- взволнованно проговорил Ричардс. -- Это сквайр. Ну, наконец-то! Мы их сейчас увидим на повороте.

Они стали ждать, и через минуту на накатанной до белизны дороге появилось черное пятно -- первый всадник. Следом за ним второй, третий... Поначалу они скакали гуськом один за другим, затем сбились в группу, пошли галопом. Конь, до того терпеливо стоявший у канавы, наострил уши и поднял морду. Топот нарастал. Почувствовав облегчение, Ричардс выбежал на дорогу навстречу всадникам, громко крича и размахивая руками.

При виде слуги первый всадник вскрикнул от удивления, свернул в сторону и придержал коня.

-- Какого черта ты здесь делаешь? -- воскликнул он. Это был сам сквайр. Он поднял руку, предупреждая следовавших за ним людей.

-- Хозяин трактира мертв, он убит! -- кричал Ричардс. -- Здесь со мной его племянница. Сама миссис Бассет послала меня сюда, сэр. Но пусть лучше вам расскажет все эта молодая особа.

Помогая хозяину спешиться, он придерживал его лошадь и отвечал на быстро сыпавшиеся вопросы сквайра. Вокруг них собрались приехавшие с мистером Бассетом. Им не терпелось услышать новости. Некоторые тоже спешили и, чтобы согреться, притопывали ногами и дули на руки.

-- Если этого негодяя убили, как ты говоришь, то ей-богу поделом, - заявил мистер Бассет, -- хотя я предпочел бы надеть на него наручники. Но что сводить счета с мертвецом. Ступайте все во двор трактира, а я порасспрошу эту девицу.

Сбросив с себя ответственность, Ричардс тут же оказался в кругу солдат, почитавших его героем, который не просто обнаружил, что преступник убит, а должно быть, даже в одиночку расправился с ним. Нехотя он вынужден был рассказать, что его роль во всем этом деле невелика. Туговато соображавший сквайр никак не мог взять в толк, что Мэри делает в двуколке, и поначалу счел ее пленницей Ричардса.

С изумлением он выслушал рассказ девушки о том, как она пешком добралась до Норт-Хилла в надежде найти его там, а потом решила, что надо вернуться в "Ямайку".

-- Ничего не понимаю, -- проворчал он. -- Я думал, вы заодно с дядей. А почему же вы солгали мне, когда я приезжал сюда в начале месяца? Вы сказали мне, что ничего не знаете.

-- Из-за моей тети, -- устало объяснила Мэри. -- Я солгала единственно ради нее. Но в то время я многого еще не знала. Я готова объяснить все суду, если понадобится. Если бы я стала рассказывать вам обо всем теперь, вы бы, наверно, меня не поняли.

-- Да у меня и времени нет слушать вас, -- отвечал сквайр. -- Вы

совершили отважный поступок, добравшись пешком до Олтернана, чтобы предупредить меня, и это говорит в вашу пользу. Но всей этой беды можно было бы избежать и предотвратить ужасное преступление, совершенное в сочельник, будь вы откровенны со мной в тот раз. Однако обо всем этом после. Мой слуга сказал, что вы нашли своего дядю убитым, но кроме этого ничего о случившемся не знаете. Были бы вы мужчиной, вам надлежало бы пойти со мной в "Ямайку". Но придется вас от этого избавить. Вижу, что вы и без того немало вынесли.

Он громко кликнул Ричардса:

-- Подъедешь поближе ко двору и останешься с этой молодой особой, пока мы будем в трактире. -- Затем, повернувшись к Мэри, он добавил: -- Я вынужден попросить вас обождать во дворе, если у вас хватит сил; вы ведь единственная среди нас, кто хоть что-то знает об этом деле, и вы последняя видели вашего дядю живым.

Мэри кивнула в знак согласия. Теперь она была не более чем инструментом в руках правосудия и безропотно должна была делать то, что ей велят. По крайней мере, сквайр избавил ее от необходимости снова идти в опустевший трактир и смотреть на лежащего там дядю. Пустой темный двор наполнился шумом: по булыжникам били копытами лошади, позвякивали сбруи, слышались громкие мужские голоса и, перекрывая все, раздавались решительные команды сквайра.

Он повел людей к задней части трактира, как подсказала ему Мэри. Мрачный покой дома был нарушен. Окно в баре широко распахнулось, открылись ставни в гостиной, а потом и в пустовавших комнатах для гостей. Лишь тяжелая входная дверь, за которой лежало тело убитого хозяина, оставалась запертой.

Вдруг Мэри услышала громкий возглас, который тут же подхватило множество взволнованных голосов, и голос сквайра, громко спрашивавшего, в чем дело. Из окна гостиной ясно донесся чей-то ответ. Ричардс посмотрел на Мэри и по тому, как она побледнела, понял, что она все слышала.

Человек, которого оставили во дворе с лошадьми, крикнул ему:

-- Ты слышал, что они сказали? Там еще одно тело, на верхнем этаже.

Ричардс ничего не ответил. Мэри плотнее закуталась в накидку и опустила на лицо капюшон. Они молча ждали. Вскоре во двор вышел сквайр и подошел к двуколке.

-- Мне очень жаль, -- произнес он. -- Я должен сообщить вам дурные вести. Вероятно, это не будет для вас неожиданностью.

-- Да, -- ответила Мэри.

-- Думаю, что ей не пришлось страдать. Видимо, она умерла сразу же. Она в спальне, что в конце коридора. Убита ударом ножа, как и ваш дядя. Наверно, она ни о чем и не подозревала. Поверьте, я вам искренне сочувствую. Все это крайне прискорбно.

Расстроенный мистер Бассет в замешательстве стоял возле девушки. Он снова повторил, что тетя, наверно, умерла мгновенно и не страдала. Она не знала, что произошло с мужем. Видя, что Мэри лучше оставить одну и что ее горю не поможешь, он пошел назад к трактиру.

Мэри сидела неподвижно и молилась, как умела, прося, чтобы тетя Пейшнс простила ее, чтобы душа ее освободилась от тяжких пут и обрела мир и покой. Еще она молилась, чтобы тетя поняла, почему она так поступила, и более всего -- чтобы на небесах ее матушка была рядом с сестрой, не оставила ее в одиночестве. Эти мысли немного успокоили ее. Мэри прекрасно понимала, что, начини она перебирать в уме события нескольких последних часов, она неизбежно придет к тому же безжалостному заключению: если бы осталась в "Ямайке", тетя Пейшнс, может быть, была бы жива.

Снова из дома донесся взволнованный говор, а затем крики и топот. Ричардс не выдержал и, бросив свою подопечную, подбежал к открытому окну и влез в гостиную. Раздался треск досок, закрывавших окно кладовой, до которой наконец добрались. Кто-то зажег фонарь, чтобы осветить комнату; было видно, как от сквозняка колышется его пламя.

Затем свет исчез, голоса замерли, и Мэри слышала шаги по коридору в конце дома. Из-за угла во главе со сквайром показалась группа из шести-семи человек. Они волокли что-то визжащее, извивающееся и пытающееся вырваться из их рук.

-- Они поймали его! Это убийца! -- закричал Ричардс, обращаясь к девушке.

Она быстро обернулась, сбросив с лица капюшон. Пленника подвели к двуколке. Он поднял на девушку глаза, моргая и щурясь от света, направленного ему в лицо фонаря. Его одежда была в паутине, небритое лицо почернело. Это был разносчик Гарри.

-- Кто это? -- кричали вокруг. -- Вы знаете его?

К двуколке подошел сквайр и приказал подвести пленника поближе, чтобы Мэри могла хорошо разглядеть его.

-- Что вы знаете об этом парне? -- спросил он. -- Мы обнаружили его на мешках в запертой комнате. Он утверждает, что ничего не знает об убийствах.

-- Он из их шайки, -- медленно произнесла Мэри. -- Прошлой ночью

пришел в трактир. Они с дядей поссорились. Дядя оказался сильнее и, угрожая убить его, запер в комнате с заколоченными окнами. У него все основания убить дядю, никто другой не мог этого сделать. Он вам лжет.

-- Но дверь была заперта снаружи, понадобилось несколько человек, чтобы взломать ее, -- возразил сквайр. -- Нет, этот парень не выходил из комнаты. Взгляните на его одежду, посмотрите как он жмурится от света. Убийца не он.

Бандит-разносчик исподлобья смотрел на схвативших его людей, его злобные глазки бегали по лицам. Мэри поняла, что сквайр был прав: разносчик Гарри не имел возможности совершить это преступление. Он лежал там в темноте, ожидая освобождения. Кто-то еще побывал в "Ямайке", сделал свое черное дело и скрылся под покровом ночи.

-- Кто бы ни был тот, что сделал это дело, он не знал о запертом в той комнате негодяе, -- продолжал сквайр. -- Да и этот, насколько я понимаю, ничего не видел и не слышал, и в свидетели не годится. Но так или иначе, мы отправим его в тюрьму и повесим, если он того заслуживает, в чем я лично не сомневаюсь. Однако прежде он предстанет перед королевским судом и назовет имена своих сообщников. Кто-то из них убил трактирщика из мести -- в этом можете быть уверены. И мы его поймаем, даже если придется пустить по его следу всех ищеек Корнуолла. Эй, кто-нибудь, уведите этого парня на конюшню и держите его там. Остальные вернитесь со мной в трактир.

Разносчика поволокли по двору. Он понял, что произошло какое-то преступление, и подозрение может пасть на него. Тут он наконец обрел дар речи и принялся жалобно бормотать, уверяя в своей невиновности и моля о пощаде. Божился и клялся святой троицей, пока кто-то ударом не заставил его замолчать, пригрозив повесить тут же в конюшне. Тогда он поутих, едва слышно бормоча проклятия и злобно косясь на Мэри.

Она его не слышала, не замечала его взглядов. Другие глаза видела сейчас она -- те, что глядели на нее этим утром. В ушах звучал холодный, спокойный голос, сказавший о своем брате: "За это он поплатится жизнью".

Вспомнилась и другая фраза, брошенная небрежно по дороге в Лонстон: "Я никого не убивал. Пока", -- и слова цыганки на ярмарке: "Вижу кровь на твоей руке. Однажды ты убьешь человека".

Все, что отталкивало ее в нем, все, о чем она старалась забыть, возникало в памяти, связываясь в неопровержимое доказательство: и его ненависть к брату, и некоторое равнодушие и жестокость, и недостаток чуткости, и кровь Мерлинов, текшая в его жилах.

Для Мэри это последнее обстоятельство было самой тяжелой гирей на

весах его вины. Яблоко от яблони... Все они одним миром мазаны. Он сдержал клятву: вернулся в "Ямайку", как и обещал утром, и разделался с братом. Она заглянула правде в глаза и ужаснулась. Лучше бы ей было остаться в доме, и он убил бы ее, как их. Он был вором и пришел, как вор, под покровом ночи, а потом скрылся, растворившись во тьме. Она была уверена, что факты, которыми располагала, можно сложить в неопровержимое доказательство его вины. И если она выступит свидетелем, его ничто не спасет. Достаточно пойти к сквайру и сказать: "Я знаю, кто сделал это". И они послушают ее, соберутся вокруг, как свора гончих, почуявших след, и бросятся через Рашифорд и болото Треварта к болоту Дюжины Молодцов. Скорее всего, он спит теперь крепким сном, растянувшись на постели в доме, где родился и он сам, и его брат. А поутру, посвистывая, вскочит себе на лошадь и навсегда уедет из Корнуолла -- такой же убийца, как и его отец.

В воображении она слышала мерный прощальный стук копыт. Ее фантазия неожиданно стала явью -- на дороге действительно раздался цокот копыт.

Мэри повернула голову, прислушиваясь. Все внутри дрожало, вцепившиеся в накидку руки взмокли.

Всадник приближался. Лошадь шла спокойной, размеренной рысью. Ритмичный перестук копыт звучал в унисон с часто бьющимся сердцем девушки.

Теперь его слышали и другие. Люди, которые стерегли разносчика, начали перешептываться и поглядывать на дорогу, а Ричардс, немного поколебавшись, быстро зашагал к трактиру, чтобы позвать сквайра. Конский топот становился все громче, словно бросая вызов ночи, такой спокойной и молчаливой. И вот из-за поворота показался всадник. Из трактира в сопровождении слуги вышел сквайр.

-- Именем короля, остановитесь! -- крикнул он. -- Я должен знать, что вы делаете ночью на дороге.

Всадник натянул поводья и свернул во двор. Низко опущенный капюшон его черной накидки для верховой езды прикрывал лицо. Тут он откинул капюшон и склонил голову в знак приветствия. В лунном свете заблестел венчик густых белых волос, послышался мягкий приятный голос.

-- Мистер Бассет из Норт-Хилла, если не ошибаюсь, -- произнес всадник, наклоняясь вперед и протягивая сквайру записку. -- Вот послание от Мэри Йеллан из трактира "Ямайка". Она просит помочь ей в беде. Но, судя по всему, я опоздал. Вы, конечно, помните меня, мы с вами уже встречались. Я викарий Олтернана.

Мэри сидела в одиночестве в гостиной дома викария и смотрела на тлеющий в камине торф. Проспала она долго и чувствовала себя отдохнувшей. Но внутреннего спокойствия, которого так жаждала ее душа, не наступило.

Все были к ней добры, даже слишком добры -- она столько времени жила в напряжении, что совсем отвыкла от душевного тепла и участия. Мистер Бассет неуклюже, но добродушно похлопывал ее по спине, как обиженного ребенка, и ласково уговаривал своим грубоватым голосом:

-- А теперь вам нужно поспать и постараться ни о чем больше не думать и твердо помнить, что все позади и никогда не повторится. Обещаю, что мы скоро найдем того, кто убил вашу тетю, -- и повесим его, предав, разумеется, суду. Когда же вы немного оправитесь от всех потрясений, которые выпали на вашу долю в последние месяцы, сообщите нам, что вы намерены делать и куда хотели бы отправиться.

Ей было все равно, что они решат, -- она готова была покориться их воле. И когда Фрэнсис Дейви предложил ей кров в своем доме, она смиренно согласилась, чувствуя, что вяло произнесенные ею слова признательности могли быть восприняты как неблагодарность. Вновь она испытала унижение от того, что родилась женщиной и что полный упадок ее физических и духовных сил воспринимался как нечто совершенно естественное.

Будь она мужчиной, к ней отнеслись бы куда суровее; в лучшем случае -- равнодушно. Возможно, потребовали бы сразу поехать в Бодмин или Лонстон и дать показания, а потом, по окончании следствия, предоставили бы самой позаботиться о себе. И пусть, мол, едет хоть на край света. И она уехала бы, устроилась на какое-нибудь судно, согласилась бы на любую работу. Или пошла бы бродить по дорогам с медяком в кармане, вольная и свободная. Ее же, всячески утешая и успокаивая, как ребенка, поскорее увезли с места происшествия, чтобы она никому не мешала. И вот она сидит в кресле с головной болью и со слезами на глазах.

Викарий сам повез ее в двуколке, а Ричардс сел на его лошадь и довел до конюшни. К счастью, священник обладал редким даром -- он знал, когда следовало помолчать. Он ни о чем не спрашивал, не бормотал слов сочувствия, которые были бы бесполезны и напрасны, а быстро домчал ее до Олтернана. Подъезжая к дому, они услышали, как башенные часы пробили час ночи.

Викарий разбудил свою экономку, жившую в домике напротив, -- ту самую женщину, которую Мэри встретила, придя в Олтернан, и попросил

ее приготовить для гостыи комнату. Тотчас, без лишних слов и восклицаний она принялась за дело. Принесла из дома чистое и проветренное постельное белье, раздула в камине огонь и согрела перед ним ночную шерстяную рубашку. Мэри медленно разделась и, когда постель была готова, покорно разрешила отвести и уложить себя как ребенка в колыбель.

Она уже готова была закрыть глаза, как чья-то рука обняла ее за плечи и спокойный голос настойчиво произнес: "Выпейте это". У ее постели со стаканом в руке стоял Фрэнсис Дейви и глядел на нее своими белесыми, лишенными всякого выражения глазами.

-- Теперь вы заснете, -- сказал он, и по горьковатому вкусу напитка она догадалась, что он положил туда какое-то лекарство, понимая, в каком смятении пребывала ее измученная душа.

Последнее, что помнила Мэри, была его рука у нее на лбу и неподвижный взгляд странных глаз, приказывавших забыть обо всем. Подчинившись ему, она заснула.

Было почти четыре часа пополудни, когда Мэри проснулась. Четырнадцать часов сна, как и рассчитывал викарий, сделали свое дело: душевная боль притупилась. Она уже чувствовала, что преодолеет горечь утраты тети Пейшнс и ее отчаяние пройдет. Рассудок подсказывал, что она не должна винить себя. Она поступила так, как требовала ее совесть, в первую очередь думая о справедливости. Просто ее слабому уму не дано было предвидеть трагических последствий. В этом была ее роковая ошибка. Но сколько бы она теперь себя ни казнила, как бы ни сожалела о совершенной глупости, тетю Пейшнс уже не вернуть.

Так думала она, очнувшись от сна. Потом оделась и спустилась в гостиную. Там горел камин, шторы были опущены. Мэри узнала, что викарий уехал по делам. И тут сердце опять защемило, вновь ее охватило отчаяние: ей начало казаться, что ответственность за случившееся несчастье все же целиком лежит на ней.

Лицо Джема неотступно стояло перед ней -- такое, каким сна видела его в последний раз в сером сумеречном свете, -- измученное и искаженное. В его глазах и плотно сжатом рте была видна решимость, которой ей не дано было понять. С начала и до конца он оставался для нее загадкой. С того первого утра, когда он появился в баре "Ямайки". Но ей и не хотелось разгадывать до конца эту загадку -- Мэри чувствовала, что правда может оказаться слишком горькой. Поддавшись слабости женской натуры, она, вопреки рассудку, позволила себе полюбить его. Мэри ужасало, что она могла так унизиться, так низко пасть. Какая же она оказалась слабая! Куда подевались ее уверенность и стойкость! Вместе с независимостью она

потеряла и гордость.

Ей достаточно сказать одно слово викарию, когда тот вернется, передать сообщение сквайру, и тетя Пейшнс будет отмщена. Джем умрет на виселице, как его отец. А она сможет воротиться в Хелфорд в надежде отыскать на родной земле порванные было нити, которые свяжут ее с привычной жизнью.

Поднявшись с кресла, она начала расхаживать по комнате, чувствуя, что немедленно должна принять решение. Но в ту же минуту поняла, что этот ее порыв -- жалкая ложь и самообман, попытка успокоить свою совесть, и что она никогда никому ничего не расскажет.

Джему нечего бояться; он был волен уехать, посмеиваясь над глупенькой девушкой и насвистывая свою песенку, забыв и о ней, и о своем брате, и о Боге. А она обречена на долгие годы мук и терзаний и закончит свои дни озлобленной старой девой, которую однажды в жизни поцеловали, а она так и не смогла этого забыть.

Цинизм и сентиментальность -- вот две крайности, которых следует избегать.

Не находя себе места, Мэри продолжала расхаживать по комнате. Вдруг ей почудилось, будто Фрэнсис Дейви наблюдает за ней и его холодные глаза пытаются заглянуть ей в душу. Его дух как бы незримо присутствовал в комнате. Девушка представила себе, как он стоит в углу перед мольбертом с кистью в руке и глядит через окно на что-то давно минувшее и забытое.

Рядом с мольбертом стояли повернутые к стене полотна. Мэри принялась с любопытством рассматривать их. На одном был изображен интерьер церкви -вероятно, его церкви, -- каким он выглядит в летние сумерки: освещен был лишь купол и своды арок, странный зеленоватый отсвет лежал на них. Неожиданный и непонятный свет этот так поразил Мэри, что, отставив было картину, она вновь вернулась к ней и посмотрела еще раз.

Возможно, этот зеленый отблеск был характерной особенностью церкви в Олтернани, и художник лишь точно передал его. Тем не менее в нем было что-то призрачное и жутковатое. Мэри подумала, что, будь у нее свой дом, она не захотела бы повесить такую картину на стене.

Выразить словами то, что так смущало ее в этой картине, она бы не смогла, но ей показалось, что какой-то не признающий церкви, враждебный дух пробрался в храм и это его тень лежит на всем. Мэри взглянула на другие картины -- везде та же зловещая зеленая тень. Даже отлично написанный пейзаж, где была изображена пустошь у холма Браун- Вилли в

весенний день с высоко плывущими над вершиной облаками, был омрачен этим льющим отсюда-то зеленым светом. Да и в нарочито подчеркнутых контурах облаков было что-то странное и давящее.

Тут Мэри впервые задумалась: может быть, все дело в его аномалии, в том, что он альбинос? От этого он все видит и воспринимает искаженно. Возможно, этим-то все объяснялось. И все же Мэри не могла избавиться от неприятного чувства. Она собрала холсты и поставила их на место, лицом к стене. Потом еще раз оглядела комнату. В ней не было ничего примечательного -- скудная обстановка: ни книг, ни безделушек. Даже письменный стол был пуст, словно им вовсе не пользовались. Она провела рукой по крышке, подумав, пишет ли за ним свои проповеди Фрэнсис Дейви. Потом, неожиданно для себя, сделала нечто невероятное -- выдвинула узкий ящик. Он тоже был пуст. Устыдившись своего поступка, Мэри хотела тотчас задвинуть его, как вдруг заметила, что угол листа бумаги, которым он был застелен, отогнут. На оборотной стороне виднелся какой-то набросок. Мэри вытащила лист и взглянула на него. Там опять была нарисована церковь, но на сей раз на скамьях сидели прихожане, а на кафедре стоял сам викарий. Сначала она не заметила в рисунке ничего необычного. Выбор сюжета был вполне естественен для викария, умевшего рисовать. Но тут она вгляделась повнимательнее.

Это был вовсе не рисунок, а карикатура, гротескная и злая. Прихожане были одеты в свое лучшее воскресное платье. Но у них были... бараньи головы. Они внимали священнику с тупым и торжественным видом, разинув пасти и сложив в молитве копыта. Морды были выписаны тщательно, как будто каждая олицетворяла живую душу, но у всех было одинаковое идиотское выражение ничего не понимающих, ко всему безучастных существ. Проповедником в черной мантии, с венчиком белых волос, был сам Фрэнсис Дейви. У него была волчья морда, и он издевательски скалился, глядя на внимающее ему стадо.

Это была насмешка, кощунственная, пугающая. Мэри быстро перевернула рисунок и положила его назад, задвинув ящик. Она отошла от стола и снова села в кресло у камина. Ей было не по себе. И зачем только она полезла в этот ящик! Словно заглянула в чужую душу, не имея на то никакого права. Это должно было оставаться между автором рисунка и Богом.

Послышались шаги по дорожке. Девушка поспешно поднялась и отодвинула лампу от кресла, чтобы свет не падал на ее лицо.

Кресло стояло спинкой к двери, и Мэри сидела, ожидая появления викария. Но он так долго не входил, что она обернулась. Он стоял позади

нее, неслышно войдя в комнату через холл. От неожиданности девушка вздрогнула. Он подошел к ней.

-- Простите меня, -- произнес он, -- вы не ждали, что я так скоро вернусь. Я вторгся в ваши мечты.

Она покачала головой и пролепетала слова извинения. Он снял пальто, остановился у камина, в своем черном облачении, и спросил, как она чувствует себя и как спала.

-- Вы уже поели? -- поинтересовался он и, когда она ответила отрицательно, вытащил из кармана часы и сверил их с настенными. Было без нескольких минут шесть.

-- Мы уже как-то ужинали вместе, Мэри Йеллан. Поужинаем и сегодня. Но на сей раз, если не возражаете, стол накроете вы. Поднос с едой на кухне. Ханна должна была все приготовить, и беспокоить ее мы не станем. А я тем временем напишу с вашего позволения несколько строк.

Мэри заверила его, что чувствует себя вполне отдохнувшей и будет только рада помочь. Он кивнул головой и со словами: "Тогда без четверти семь", - повернулся к ней спиной, давая понять, что хотел бы остаться один.

Мэри направилась на кухню, все еще испытывая некоторое смущение от его неожиданного появления и радуясь, что у нее есть полчаса, чтобы прийти в себя. Она была явно не готова к разговору с ним. Может быть, он наскоро поужинает и вернется к письменному столу, оставив ее наедине со своими мыслями. Лучше бы она не открывала этот злосчастный ящик; карикатура никак не шла у нее из головы. Она чувствовала себя как ребенок, который узнал секрет, тщательно скрываемый от него родителями, и теперь мучается от вины и стыда, боясь проболтаться. Она предпочла бы поест в одиночестве, и лучше бы он обращался с ней как с прислугой, а не как с гостьей. Сейчас же она не знала, как держаться с ним: он был учтив и обходителен, но при этом не считал неудобным отдавать ей распоряжения. На кухне Мэри почувствовала себя увереннее в атмосфере знакомых ей запахов и не спеша занялась ужином. Башенные часы отбивали каждую четверть. Мэри хотелось, чтобы они замедлили свой ход. Вот уже пробило три четверти, и он, наверное, уже ждет ее. Взяв поднос, она направилась в гостиную, очень надеясь, что выражение ее лица не выдаст ее душевного состояния.

Фрэнсис Дейви стоял спиной к камину. Стол был придвинут ближе к огню. Мэри не смотрела на викария, но почувствовала на себе его испытующий взгляд. Ее движения сразу сделались неловкими. Она заметила, что он сложил мольберт и поставил холст к стене. А вот письменный стол впервые на ее памяти находился в полном беспорядке и

был завален бумагами и письмами. В камине догорали листы бумаги.

Они сели за стол, и он предложил ей кусок холодного пирога.

-- Неужели Мэри Йеллан настолько утратила свое любопытство, что даже не хочет спросить меня, как я провел день? -- насмешливо произнес он наконец.

Девушка покраснела, вновь испытывая острое чувство вины.

-- Разве ваши дела должны меня касаться? -- спросила она.

-- Разумеется, должны, -- возразил он. -- Именно вашими делами я занимался весь день. Вы ведь просили меня о помощи?

Мэри чувствовала страшную неловкость и не знала, что сказать.

-- Я еще не поблагодарила вас за то, что вы сразу же откликнулись и прибыли в "Ямайку", -- пробормотала она в смущении, -- а также за то, что предоставили мне ночлег и позаботились, чтобы я подольше поспала. Вы должны считать меня неблагодарной.

-- Я ничего подобного не говорил, только подивился вашей выдержке. Было около двух часов ночи, когда я пожелал вам спокойного сна, а сейчас уже семь вечера. Прошло немало времени, и жизнь не стоит на месте.

-- Так, значит, вы совсем не спали после того, как оставили меня?

-- Я спал до восьми, потом позавтракал и уехал. Мой серый конь охромел, и мне пришлось взять другую лошадь. Она еле плетется, и ушла уйма времени, чтобы добраться сначала до "Ямайки", а оттуда до Норт-Хилла.

-- Вы побывали в Норт-Хилле?

-- Мистер Бассет угостил меня ленчем. Гостей было, пожалуй, восемь или десять. Ох, и шумно же было, скажу я вам. Все кричали, как глухие, никто друг друга не слушал. Уж такая долгая была трапеза. Я весьма обрадовался, когда она закончилась. Все, впрочем, пришли к одному мнению: убийце вашего дяди недолго оставаться на свободе.

-- А мистер Бассет подозревает кого-нибудь? -- осторожно спросила Мэри, не отрывая глаз от тарелки. Она усердно делала вид, что ест, но кусок не шел ей в горло.

-- Мистер Бассет готов подозревать даже самого себя. Он допросил каждого жителя в радиусе десяти миль, да еще несметное множество неизвестных лиц, оказавшихся прошлой ночью на дороге. Понадобится неделя, а то и больше, чтобы добиться от каждого из них правды. Но мистера Бассета ничто не остановит.

-- А как поступили... с моей тетей?

-- Оба тела увезли утром в Норт-Хилл и похоронили там. Все было сделано надлежащим образом, вам нет нужды беспокоиться. А что до

остального -посмотрим.

-- А разносчик? Его не отпустили?

-- Нет. Он сидит под крепким замком и сотрясает воздух проклятиями. Разносчик меня нимало не заботит, да и вас, полагаю, тоже.

Мэри собиралась попробовать мясо, но так и не донесла вилку до рта.

-- Что вы имеете в виду? -- настороженно спросила она.

-- Вам ведь не нравится разносчик. Очень хорошо понимаю вас. Более отталкивающего и мерзкого типа я еще не видывал. Со слов Ричардса, конюха мистера Бассета, я понял, что вы заподозрили разносчика в убийстве и сказали об этом сквайру. Отсюда я заключил, что добрых чувств к нему вы не питаете. Но, к великому нашему сожалению, кладовка оказалась накрепко заперта снаружи, и это доказывает его невиновность. А как было бы удобно свалить все на него. Все вздохнули бы с облегчением.

Викарий продолжал с аппетитом ужинать, а Мэри едва притронулась к еде, хотя он настойчиво угощал ее.

-- Чем же разносчик мог вызвать у вас такую неприязнь? -- настойчиво расспрашивал священник.

-- Он пытался овладеть мною.

-- Я так и думал. На него это похоже. Вы, конечно, оказали ему сопротивление?

-- Ему от меня досталось. Больше он меня не трогал.

-- Могу себе представить. А когда это случилось?

-- В сочельник, ночью.

-- После того как я оставил вас у развилки Пяти Дорог?

-- Да.

-- Теперь я начинаю понимать. Вы, значит, не доехали до трактира? Столкнулись на дороге с трактирщиком и его приятелями?

-- Да.

-- И они забрали вас с собой на берег для остроты ощущений?

-- Мистер Дейви, пожалуйста, не расспрашивайте меня более. Я бы не хотела говорить о той ночи ни сейчас, ни когда-либо после. Есть вещи, о которых не стоит вспоминать никогда.

-- Обещаю, что вам не придется больше говорить об этом, Мэри Йеллан. Я виню себя, что оставил вас тогда одну. Глядя сейчас на вас, на ваши ясные глаза и свежую кожу, на посадку головы и особенно на твердую линию подбородка, мне трудно вообразить, что вам пришлось такое вынести. Слова приходского священника стоят не много, но все же -- вы проявили поразительную силу духа. Я восхищаюсь вами.

Мэри взглянула на него и отвела глаза, машинально кроша в руке

кусочек хлеба.

-- Возвращаясь к разносчику, -- продолжил он через некоторое время, отдав должное тушеному черносливу. -- Должен заметить, что убийца допустил большую оплошность, не заглянув в комнату, закрытую на засов. Возможно, у него было мало времени, но минута-другая не могли иметь такого уж значения, и он мог довести дело до конца.

-- Каким же образом, мистер Дейви?

-- Ну, воздав разносчику по заслугам.

-- Вы хотите сказать, он мог бы убить и его?

-- Именно. Разносчик не украшает жизнь, а мертвый он сгодился бы как пища для червей. Вот что я об этом думаю. Более того, знай убийца, что разносчик напал на вас, он вдвойне имел бы основание прикончить этого негодяя.

Мэри отрезала себе кусочек кекса, которого ей совсем не хотелось, и с трудом проглотила. Мучительно стараясь сохранить самообладание, она изо всех сил притворялась, что ест. Но рука, державшая нож, дрожала, и она лишь раскромсала очередной ломтик.

-- Не понимаю, при чем тут я, -- произнесла она.

-- У вас о себе слишком скромное мнение, -- ответил он.

Они продолжали есть молча. Девушка опустила голову и уставилась в свою тарелку. Инстинкт подсказывал ей, что он играет с ней, как рыбак с попавшей на удочку рыбкой. Наконец не в состоянии больше терпеть, она выпалила:

-- Значит, мистер Бассет и остальные мало чего добились и убийца все еще на свободе?

-- Нет, мы все же несколько продвинулись. Кое-что удалось выяснить. Например, в безнадежной попытке спасти свою шкуру разносчик дал показания королевскому суду, но они оказались не слишком полезными. Он рассказал о налете на побережье в сочельник, утверждая при этом, что сам в нем участия не принимал. Кроме того, он сообщил некоторые подробности об их прежних деяниях. Услышали мы от него и о повозках, прибывавших по ночам в "Ямайку", и имена сообщников... Разумеется, тех, кого он знал. Преступная организация оказалась намного крупнее, чем предполагалось.

Мэри не произнесла ни слова. А когда он предложил ей отведать чернослива, лишь молча покачала головой.

-- Но это еще не все, -- продолжал викарий, -- он договорился до предположения, что хозяин "Ямайки" не был настоящим главарем и что ваш дядя лишь исполнял чьи-то приказы. Это, конечно, придает делу новую

окраску. Джентльмены весьма разволновались и даже расстроились. А что вы думаете о версии разносчика?

-- Это может быть и правдой.

-- По-моему, вы тоже высказывали как-то подобное предположение?

-- Может быть. Я не помню.

-- Если все это так, то вполне вероятно, что убийца и сей неизвестный главарь -- одно лицо. Вы согласны со мной?

-- Да, наверно.

-- В таком случае круг подозреваемых сужается. Нечего заниматься всяким сбродом, надо искать среди тех, кто обладает умом и сильным характером. Вы встречали в "Ямайке" такую личность?

-- Нет, никогда.

-- Должно быть, он тайком приходил туда и уходил, скорее всего в ночной тиши, когда вы и ваша тетушка спали. И приезжал он не по дороге, иначе был бы слышен стук копыт. Но ведь возможно также, что он приходил пешком?

-- Ваше замечание вполне справедливо.

-- В таком случае человек этот должен хорошо знать болота, по крайней мере в этих местах. Один джентльмен предположил, что преступник живет где-то неподалеку -- откуда можно приехать на лошади или прийти пешком. Именно поэтому мистер Бассет намерен допросить всех жителей в радиусе десяти миль, как я вам уже говорил. Теперь вы видите, что сети расставлены, и, если убийца промедлит, его изловят. Мы одинаково убеждены в этом. Разве вы уже сыты? Вы очень мало поели.

-- Я не голодна.

-- Жаль. Ханна решит, что ее пирог с мясом не был оценен по достоинству. Кстати, говорил ли я вам, что видел сегодня вашего знакомого?

-- Нет, не говорили. Но у меня нет друзей, кроме вас.

-- Спасибо, Мэри Йеллан. Это милый комплимент, и я высоко ценю его. Но, знаете ли, вы не совсем искренни. У вас есть знакомый, вы сами мне рассказывали.

-- Не знаю, кого вы имеете в виду, мистер Дейви.

-- Ну, полно. Разве брат трактирщика не возил вас на ярмарку в Лонстон?

Мэри сжала под столом кулаки, впившись в ладони ногтями.

-- Брат трактирщика? -- переспросила она, выигрывая время. -- Я с ним больше не виделась. Полагала, что он уехал.

-- Нет, с Рождества он не покидал окрugi. Он сам сказал мне об этом.

Между прочим, ему стало известно, что вы приняли мое приглашение и находитесь здесь, и он просил передать вам кое-что: "Скажите ей, что я очень сожалею о случившемся". Это его точные слова. Очевидно, он имел в виду вашу тетю.

-- И это все?

-- Полагаю, что он сказал бы больше, если бы нас не прервал мистер Бассет.

-- Мистер Бассет? Мистер Бассет был там, когда Джем говорил с вами?

-- Ну, конечно. В комнате было несколько джентльменов. Он обратился ко мне после обсуждения дела, когда я уже собирался уезжать из Норт-Хилла.

-- А почему на обсуждении присутствовал Джем Мерлин?

-- Он имел на это право, я полагаю, как брат покойного. Правда, мне не показалось, что он был сильно опечален своей утратой. Наверно, братья не ладили между собой.

-- Мистер Бассет и другие джентльмены... они допрашивали его?

-- В течение всего дня между ними велся долгий разговор. Мне показалось, что молодой Мерлин очень неглуп. Об этом говорят его ответы. Он, должно быть, куда умнее своего брата. Помнится, вы говорили, что он ведет полную риска жизнь. Он как будто занимается конокрадством?

Мэри кивнула. Она сосредоточенно водила пальцем по узору на скатерти.

-- Видимо, он занимался этим в ожидании, что подвернется более стоящее дело, -- заметил викарий, -- и когда такая возможность появилась, он употребил всю свою смекалку и, надо сказать, не промахнулся. Без сомнения, ему хорошо заплатили.

Она больше не могла слышать этот мягкий голос; каждое слово пронзало ее сердце. Игра проиграна, и изображать безразличие больше не имело смысла. Подняв лицо и глядя на него глазами, полными муки, она умоляюще протянула руки.

-- Что они сделают с ним, мистер Дейви? -- спросила она. -- Что они с ним сделают?

В его бесцветных глазах, дотоле бесстрастно взиравших на нее, мелькнуло удивление.

-- С ним? -- Ее страстный вопрос явно озадачил его. -- А почему они должны с ним что-то сделать? Я полагаю, он помирился с мистером Бассетом, и ему нечего бояться. Едва ли ему припомнят старые грехи после той услуги, которую он им оказал.

-- Я вас не понимаю. Какую услугу он оказал?

-- Куда подевалась ваша сообразительность, Мэри Йеллан. Никак не можете взять в толк, о чем я говорю. Разве вы не знали, что именно Джем Мерлин донес на своего брата?

Она тупо уставилась на него, ничего, не понимая. Как ребенок, зубря свой урок, она повторила вслед за ним:

-- Джем Мерлин донес на своего брата... Джем донес?

Викарий отодвинул свою тарелку и принялся ставить посуду на поднос.

-- Да, именно, -- произнес он. -- Я услышал это из уст самого мистера Бассета. Оказывается, сквайр натолкнулся на вашего друга в Лонстоне в сочельник и повез его в Норт-Хилл ради эксперимента. "Ты украл мою лошадь, -- сказал он, -- ты такой же негодяй, как твой брат. В моей власти завтра же засадить тебя в тюрьму, и ты даже не увидишь ни одной лошади лет эдак десять или более. Но если ты дашь мне доказательства, подтверждающие мои подозрения относительно твоего брата, я тебя отпущу". Тут ваш молодой друг попросил дать ему время подумать. Однако в назначенный срок он пришел, покачал головой и заявил: "Если вам надобно, ловите его сами. Будь я проклят, если стану помогать властям". Тогда сквайр сунул ему под нос официальное оповещение. "Взгляни-ка, Джем, -- приказал он, -- и скажи, что ты думаешь об этом. В сочельник произошло самое кошмарное кораблекрушение после гибели у Пэдстоу прошлой зимой судна ``Леди Глостер''. Может быть, это на тебя подействует?" Остальные подробности этой истории мне не удалось услышать -люди без конца то приходили, то уходили, -- но я понял, что в ту ночь ваш друг вырвался из заточения и убежал. А вчера утром, когда все уже считали, что больше его не увидят, он появился. Подошел к сквайру, когда тот выходил из церкви, и преспокойно произнес: "Что ж, мистер Бассет, вы получите доказательства". Вот почему я только что заметил, что у Дজেма Мерлина мозги работают лучше, чем у его брата.

Викарий собрал со стола посуду на поднос и отнес его в угол. Потом сел у камина в кресло с высокой узкой спинкой, протянув ноги к огню. Мэри ничего не замечала. Она неподвижно сидела, глядя прямо перед собой. От всего услышанного голова ее пошла кругом. Как усердно выстраивала она доказательство вины человека, которого любила, как страдала и мучилась; и вот оно рассыпалось, как карточный домик.

-- Мистер Дейви, -- медленно произнесла она, -- наверно, во всем Корнуолле не найти человека глупее меня.

-- Пожалуй, так оно и есть, Мэри Йеллан, -- подтвердил викарий.

Сухой тон, которым он произнес эти слова, столь не похожий на его

обычно мягкую манеру говорить, был неожиданно резок. Но Мэри восприняла его как заслуженный упрек.

-- Что бы ни случилось со мной потом, -- продолжала она, -- я смогу теперь встретить будущее без страха и стыда.

-- Рад слышать это, -- ответил он.

Мэри отбросила волосы с лица и впервые за все время их знакомства улыбнулась. Волнение и страх наконец оставили ее.

-- А что еще сказал Джем Мерлин? Что он сделал? -- спросила она.

Викарий взглянул на свои карманные часы и со вздохом положил их назад.

-- Я был бы рад еще долго рассказывать вам обо всем, -- произнес он, - но сейчас уже почти восемь. Время летит слишком быстро -- для нас обоих. Полагаю, что на сегодня мы довольно поговорили о Джете Мерлине.

-- Скажите мне еще только одну вещь: он был в Норт-Хилле, когда вы уезжали?

-- Да. И именно его последнее высказывание заставило меня поспешить домой.

-- Что же такое он вам сказал?

-- Он обращался не ко мне. Просто объявил, что намеревается съездить этим вечером в Ворлегган к кузнецу.

-- Мистер Дейви, вы меня разыгрываете?

-- Вовсе нет. От Норт-Хилла до Ворлеггана путь долог, но, смею думать, Джем Мерлин сумеет найти дорогу в темноте.

-- Но какое отношение его поездка к кузнецу имеет к вам?

-- Он покажет кузнецу найденный им среди вереска в поле за "Ямайкой" шип, который вылетел из лошадиной подковы. Кузнец не очень-то старался. Шип новый, и Джем Мерлин, будучи конокрадом, знает руку каждого кузнеца в здешних местах. "Гляньте-ка, -- сказал он сквайру, - я нашел это утром в поле за трактиром. Вы закончили ваши вопросы, и я вам больше не нужен? С вашего позволения я съезжу в Ворлегган и брошу шип в рожу Тому Джори, пусть полюбуется на свою работу".

-- Ну, и что из этого? -- спросила Мери.

-- Вчера было воскресенье, не так ли? А по воскресеньям ни один кузнец не подойдет к наковальне, разве только из большого уважения к заказчику. Мимо кузницы Тома Джори вчера проезжал лишь один путник и упросил его заново подковать свою охромевшую лошадь. Было это, полагаю, около семи вечера. После чего он продолжил свой путь в направлении трактира "Ямайка".

-- Почему вы все это знаете?

-- Потому что этим путником был викарий Олтернана, -- ответил он.

17

В комнате воцарилось молчание. Хотя огонь в камине продолжал пылать, в воздухе вокруг появился неприятный холодок. Каждый ждал, когда заговорит другой. Мэри услышала, как Фрэнсис Дейви сглотнул слюну. Их разделял только стол. Наконец она посмотрела ему в лицо. Белесые глаза его все так же, не мигая, глядели на нее, но холод исчез из них. Они ожили наконец и лихорадочно блестели на белом, как маска, лице. И Мэри прочла в них все, что он хотел, чтобы она поняла. Но она все еще продолжала цепляться за свое неведение как за спасительную соломинку, пытаясь выиграть время, которое было сейчас ее единственным союзником.

Взгляд викария приказывал говорить. Она подошла к камину и, сделав вид, что греет руки, натянуто улыбнулась:

-- Вам сегодня явно доставляет удовольствие напускать на себя таинственность, мистер Дейви.

Он ответил не сразу. Снова громко сглотнул. Потом, выпрямившись в кресле, заговорил, резко изменив тему.

-- Сегодня произошло нечто, из-за чего я потерял ваше доверие, - произнес он. -- Это случилось до того, как я вернулся. Вы заглянули в письменный стол и нашли рисунок, который вас встревожил. О нет, я не видел этого. Я не подглядываю в замочную скважину. Просто заметил, что бумага в ящике сдвинута с места. И вновь вы задались вопросом: "Что за человек этот викарий Олтернана?" Услышав мои шаги на дорожке, вы быстро сели в кресло перед огнем. Вы ведь не встретили меня, не заглянули мне в лицо. Не отворачивайтесь же от меня, Мэри Йеллан. Нам больше нет нужды притворяться, мы можем быть совершенно откровенны друг с другом.

Мэри посмотрела на него и снова отвернулась, в его глазах она прочла то, чего опасалась.

-- Я очень сожалею, что подходила к вашему столу, -- промолвила она. - Это непростительно. Не знаю, как это вышло. Что до рисунка, то в таких вещах я не разбираюсь и не могу судить, хорош он или плох.

-- Неважно, хорош он или плох. Важно, что он напугал вас.

-- Да, мистер Дейви, напугал.

-- И вы снова сказали себе: "Этот человек так же странен, как странна его внешность. Его мир чужд мне". И в этом вы были правы, Мэри Йеллан. Я живу в другом мире -- давно утраченном. В те времена люди не были так смиренны, как сейчас. О нет, я говорю не об эпохе героев в камзолах и туфлях с узкими носами -- эти никогда не были моими друзьями... Но о

начале всех времен, когда реки и моря были одно, и по холмам бродили древние боги.

Он поднялся с кресла и стоял теперь перед камином; огонь ярко высвечивал его худощавую фигуру в черном, с белыми волосами и бесцветными глазами. В голосе викария зазвучала прежняя мягкость.

-- Будь вы просвещенным человеком, вы бы поняли, -- произнес он. -- Но вы женщина, живущая в девятнадцатом веке, и поэтому моя речь кажется вам странной. Да, я причуда природы -- чужак и по облику и по мыслям. Я из другого мира, не принадлежу этому веку. Я родился с недобрыми чувствами к своему времени и к роду людскому. В девятнадцатом веке нет мира душе. Покой неведом ей. Покоя не сыщешь более даже на болотах среди холмов. Я надеялся обрести мир в Церкви Христовой, но ее догмы внушили мне отвращение. Да и вся эта религия выросла из сказки. А сам Христос -- лишь выдумка, кукла, порождение человеческой фантазии. Впрочем, об этом мы поговорим позже, когда состоится бегство, а погоня останется позади; когда улягутся страсти и волнения. У нас впереди целая вечность. Но по крайней мере в путь мы отправимся, как те свободные и вольные существа из стародавних времен, не обременяя себя ничем -- ни повозкой, ни поклажей.

Мэри смотрела на него, крепко вцепившись в ручки кресла.

-- Я не понимаю вас, мистер Дейви.

-- Вы отлично меня понимаете. Вы не могли бы не догадаться, что это я убил хозяина "Ямайки" и его жену. Да и разносчик не остался бы жить, знай я, что он там. За время моего рассказа вы, конечно же, составили себе полное представление об этом деле. Теперь вы знаете, что это я направлял все действия вашего дяди и что главарем он был лишь номинально. Он, бывало, сидел здесь со мной по ночам в том кресле, где сейчас сидите вы, а на столе перед нами была разложена карта Корнуолла. Когда я разговаривал с ним, Джосс Мерлин, гроза здешних мест, мял в руках шляпу, теребил прядь волос. Рядом со мной он был, как несмышленный ребенок, беспомощный без моих указаний. Несчастный шумный громила, который не знал, где "право", а где "лево"! Тщеславие напрочь приковало его ко мне. Чем большим злодеем он слыл среди своих сообщников, тем больше гордился этим. Удача сопутствовала нам, и он верно служил мне. Никто не знал, что он связан со мной. Вы, Мэри Йеллан, встали на нашем пути. Вы с вашими широко раскрытыми вопрошающими глазами, вашим дерзким любопытством вторглись в нашу жизнь, и я понял, что конец близок. Как бы то ни было, в нашей игре мы дошли до опасного предела, пора было прекратить ее. Как же вы меня изводили своим мужеством и

совестливостью, и как я... восхищался вами! Конечно, вы не могли не услышать, как я прятался в пустой комнате трактира. А потом вы пробрались на кухню, а оттуда в бар и увидели веревку под потолком -- все это было предопределено. Тогда вы впервые бросили нам вызов. А затем вы тайком через болото последовали за дядей, который шел на встречу со мной у Раф-Тора, и, потеряв его в темноте, натолкнулись на меня и посвятили в свои тайные тревоги. Что ж, я стал вашим другом, разве нет? Дал вам добрый совет. Поверьте мне, сам мировой судья не сумел бы дать лучшего. Ваш дядя ничего не знал о нашем странном союзе, да и вряд ли сумел бы правильно понять меня. Он сам виновен в собственной гибели. Всею причиной его неповиновение. Я кое-что знал о ваших намерениях, что вы готовы выдать его при первой возможности. Ему не следовало давать вам повода. Тогда со временем ваши подозрения рассеялись бы. Так нет же, в канун Рождества он соизволил напиться до чертиков и учинить такое, на что способен лишь последний болван и дикарь. Тут уж, конечно, вся округа встала на дыбы. Тогда мне стало ясно, что он себя выдал, и, когда ему набросят петлю на шею, он выложит свою козырную карту и назовет имя подлинного главаря. Поэтому он должен был умереть, Мэри Йеллан, а с ним и ваша тетя -- его верная тень. И, будь вы в то время в "Ямайке", вы бы тоже... Нет, вы бы не умерли.

Наклонившись к ней, он взял ее за обе руки и потянул к себе. Они стояли лицом к лицу.

-- Нет, -- повторил он, -- вы бы не умерли, вы бы уехали со мной, как уедете сейчас.

Она заглянула ему в глаза, но прочесть в них ничего не смогла. Они снова были холодны и лишены какого-либо выражения. Но по тому, как он крепко сжал кисти ее рук, она поняла, что ей не вырваться.

-- Вы ошибаетесь, -- произнесла она, -- вы убили бы меня тогда, как убьете теперь. Я не поеду с вами, мистер Дейви.

-- Смерть, но не бесчестие? -- проговорил он. Маску его лица прорезала тонкая линия растянувшихся в улыбке губ. -- О нет, я не поставил бы вас перед подобным выбором. Вы представляете себе жизнь по старым книгам, в которых злодей прячет под старой одеждой хвост, а из ноздрей его вырывается пламя. Вы показали себя опасным противником, и, отдавая вам должное, я предпочел бы, чтобы вы были на моей стороне. Да и как можно погубить вашу молодость и привлекательность! Прежде нас связывали узы дружбы. Со временем мы смогли бы восстановить их.

-- Вы вправе обращаться со мной, как с глупым ребенком, мистер Дейви, -- горячо заговорила Мэри. -- Я дала вам к этому повод еще в тот

вечер, когда натолкнулась на вас на болотах. Та дружба, что была между нами, обернулась для меня на самом деле насмешкой и бесчестием. Вы невозмутимо давали мне советы, когда на ваших руках едва обсохла кровь невинного человека. Мой дядя был, по крайней мере, честнее. Он терзался. Каких мук ему стоило хранить тайну этих страшных преступлений, даже когда он был трезв. Он не знал покоя ни днем, ни ночью: он бредил во сне. Но вы... вы облачились в одежды священника, прикрылись святым распятием... О, вы знали, как отвести от себя подозрение! И вы говорите мне о дружбе!

-- Ваш протест, ваше отвращение вызывают во мне еще большее восхищение вами, Мэри Йеллан, -- отвечал он. -- В вас есть огонь, какой горел в женщинах прошлого. Потерять вас невозможно! Не будем сейчас касаться религии. Когда вы узнаете меня лучше, мы еще вернемся к этому. Я расскажу вам, как, чтобы уйти от самого себя, я стал искать спасения в Христианстве. Но обнаружил, что и оно построено на ненависти, ревности и жадности -- всех пороках цивилизации, от которых был свободен и чист старый языческий мир. О, какую горечь я испытывал! Бедная Мэри, обеими ногами стоящая в девятнадцатом веке, отчего так изменилось выражение вашего дерзкого и живого, как у фавна, лица?! Как растерянно глядите вы на меня -- того, кто сам называет себя уродливой причудой природы, не достойным жить в вашем маленьком мире. Решайтесь! Накидка висит в холле. Я жду.

Она отстранилась от него, инстинктивно прижимаясь спиной к стене, и глянула на часы. Но он продолжал крепко держать ее за обе кисти, еще сильнее сжимая их. Голос, однако, звучал все так же мягко:

-- Поймите, мы одни. Все равно никто не услышит ваших вульгарных воплей. Добрая Ханна сидит сейчас у себя в домике у камина. Он по другую сторону церкви. Я сильнее, чем может показаться. Бедный хорек только выглядит маленьким и хрупким, но пусть это не вводит вас в заблуждение. Ваш дядя знал мою истинную силу. О, я совсем не хочу причинить вам боль, Мэри Йеллан, испортить вашу красоту. Но если вы станете сопротивляться, мне придется пойти на это. Решайтесь же! Неужто вас оставил дух приключений, столь присущий вашей натуре? Где ваше мужество и отвага?

Мэри знала, что в запасе у него очень мало времени. Как бы умело он ни скрывал свое нетерпение, лихорадочный блеск глаз и плотно сжатый рот выдавали его волнение.

Часы показывали половину девятого. Джем уже должен был встретиться с кузнецом из Ворлеггана. Оттуда до Олтернана миль

двенадцать, не больше. Он-то быстро сообразит, как действовать, не то что она. Девушка напряженно думала, стараясь все взвесить. Если она отправится с Фрэнсисом Дейви, то невольно задержит его: с ней ему придется ехать медленнее, да и скрыться будет труднее. Их скоро выследят и догонят. Он не мог не учитывать этого и все же шел на риск... Ну, а если она откажется, то как бы он перед ней сейчас ни рассыпался, долго возиться с ней ему некогда. Прикончит на месте одним ударом ножа -- и все тут.

Он называл ее отважной, одержимой жаждой приключений. Ну что ж, ничего другого не остается, как показать ему, на что она может отважиться. Если уж на то пошло, она тоже готова поставить жизнь на карту. Коли он и впрямь душевнобольной, как она полагала, его безумие его же и погубит. Но даже будь он в здравом уме, ему все равно так легко не выпутаться. Как бы глупа и наивна она ни была и как бы ни был умен и изощрен он, она так или иначе будет ему помехой. На ее стороне правда и вера в Бога. Он же -- конченный человек, сам навлекший на себя погибель. Решено! Она посмотрела ему прямо в глаза и улыбнулась.

-- Ну что ж, я поеду с вами, мистер Дейви, -- сказала она, -- но очень скоро вам придется пожалеть об этом. Я стану жалом в вашей плоти, камнем, о который вы споткнетесь.

-- Друг или враг -- все равно. Едем же, -- ответил он. -- Пусть вы повиснете камнем у меня на шее -- за то я стану любить вас лишь сильнее. Скоро вы перестанете обращать внимание на условности, что всосали с молоком матери, освободитесь от пут. Я научу вас жить, Мэри Йеллан, так, как жили люди четыре тысячи лет назад.

-- На избранной вами стезе, на вашей дороге вы не найдете во мне попутчика, мистер Дейви.

-- Дорога? Кто говорит о дороге! Мы поедем по болотам и холмам, по граниту и вереску, где некогда бродили друиды.

Она чуть было не рассмеялась ему в лицо, но он уже повернулся к двери, пропуская ее вперед. Насмешливо изобразив реверанс, она вышла в коридор. Бесшабашный дух приключений овладел ею; она более не боялась ни его, ни ночи. Ничто не имело теперь значения, потому что человек, которого она любила, был на свободе, незапятнанный. Она могла любить его теперь, не стыдясь, и заявить об этом во всеуслышание. Теперь она знала, что он совершил ради нее, знала, что он снова придет ей на помощь. В своем воображении она слышала, как он мчится по дороге вдогонку за ними, бросая вызов противнику.

Мэри последовала за Фрэнсисом Дейви до конюшни, где стояли уже

оседланные лошади. Она удивилась.

-- Разве вы не собираетесь взять двуколку? -- спросила она.

-- Нет, Мэри, нам придется пуститься в путь налегке. Вы и так достаточная обуза, даже без дополнительного багажа, -- ответил он. -- Не может быть, чтобы вы не умели ездить верхом. Любая женщина, выросшая на ферме, умеет. Я буду придерживать лошадь. Ехать, увы, придется медленно. Кобыла уже немало потрудилась сегодня и будет упрячиться, если ее станут погонять. А мой конь, как вам известно, охромел, и ходок из него плохой. Ах, Неугомонный, если бы ты только знал, если бы только мог понять, что в этом бегстве немалая доля твоей вины. Когда ты потерял в вереске гвоздь от подковы, ты выдал своего хозяина. В наказание тебе придется скакать под женщиной.

Ночь выдалась темная, сырая. Дул холодный ветер. Облака плотно заволокли небо, и луне через них было не пробиться. Мэри поняла, что первый кон проигран: удача пока сопровождала викарию Олтернана. Сядя в седло, девушка подумала было крикнуть во все горло. Может быть, кто-нибудь из деревенских проснется и придет на помощь? Но едва эта мысль промелькнула в ее голове, как она почувствовала железную хватку вокруг щиколотки. Он вставил ее ногу в стремя и, подняв голову, улыбнулся.

-- Битая карта, Мэри, -- сказал он. -- В Олтернана ложатся спать рано. Пока они протрут глаза, я буду уже далеко на болотах, а вы останетесь лежать вниз лицом на мокрой траве. И что станет с вашей молодостью и красотой? Если у вас замерзли руки и ноги, езда согреет их. Неугомонный славно понесет вас.

Мэри молча взялась за поводья. В своей рискованной игре она зашла так далеко, что вынуждена будет играть ее до конца.

Викарий вскочил на гнедую, привязав Неугомонного за уздечку к своему седлу, и они отправились в путешествие.

Когда они проезжали застывшую в молчании, погруженную в темноту церковь, викарий обнажил голову и, взмахнув шляпой, отвесил поклон.

-- Вам надо было слышать, как я читал проповеди, -- тихо произнес он. -- Они сидели на скамьях, словно овцы -- именно так, как я изобразил их: с разинутыми ртами и дремлющими душами. Церковь для них была всего лишь четыремя каменными стенами с крышей. И только оттого, что некогда ее освятили человеческие руки, они считали ее святой. Не ведают они, что под ее основанием лежат кости их языческих предков. Там сокрыты древние алтари из гранита, на которых совершались жертвоприношения задолго до того, как умер на кресте Христос. Я, бывало, стоял в церкви в

полночь, Мэри. Там, в тишине, слышен невнятный гул голосов и шепот неуспокоенных душ, томящихся глубоко в земле. Им неведомы ни церковь, ни Олтернан.

Его слова напоминали Мэри, что она испытывала в темных коридорах "Ямайки". Смерть дяди для дома была ничто. И когда она стояла рядом с его телом, от стен веяло чем-то жутким. Этот дух господствовал здесь и раньше, с тех пор как холм, на котором стоял злосчастный трактир, был куском гранита среди вересковых болот. Девушка вздрогнула, словно от соприкосновения с чем-то чуждым и страшным, принадлежавшим иному миру.

Очнувшись и посмотрев на Фрэнсиса Дейви, она содрогнулась вновь - - взор его был обращен к тому, ушедшему миру.

Путники достигли края вересковых зарослей и двинулись по неровной тропе, ведущей к броду. Перебравшись через ручей, они очутились в самой сердцевине черной болотной пустоши. Здесь уж не было ни тропок, ни дорожек -- лишь жесткая трава да сухой вереск. Лошади то и дело спотыкались о камни, проваливались в зыбкую почву трясины. Но Фрэнсис Дейви по-ястребиному зорко сразу замечал опасное место и, чуть помедлив, всякий раз безошибочно отыскивал надежную тропу.

Скалистые холмы обступили их со всех сторон, стеной отгораживая всадников от остального мира. Шедшие бок о бок лошади осторожно и неспешно прокладывали путь через жухлый папоротник.

Мэри начала терять надежду. Глядя на громаду холмов, девушка чувствовала себя слабой и беспомощной. Ворлегган оставался все дальше позади, и даже Норт-Хилл, казалось, был где-то на другом краю света. Колдовская сила, издревле и на веки вечные воцарившаяся над пустошью, делала ее неприступной. Но не для Фрэнсиса Дейви. Он владел ее тайной и с легкостью, словно в собственном доме, пробирался во тьме через топи.

-- Куда мы направляемся? -- спросила наконец девушка.

Он повернулся к ней и с улыбкой указал на север.

-- Возможно, вскоре стражники станут патрулировать прибрежные районы Корнуолла, -- сказал он. -- Я говорил вам об этом, когда мы вместе возвращались из Лонстона. Но сегодня и завтра нам пока некого опасаться. Только дикие птицы властвуют над просторами от Боскасла до Хартленда. Атлантический океан всегда был моим другом. Быть может, более безжалостным и суровым, чем хотелось бы, но все же другом. Вы знаете, что такое корабль, не правда ли, Мэри Йеллан? Хотя в последнее время предпочитали не говорить о них. Так вот, именно корабль и увезет нас из Корнуолла.

-- Значит, мы должны покинуть Англию, мистер Дейви?

-- А что еще вы могли бы предложить? Отныне викарий Олтернана вынужден порвать со Святой Церковью и снова стать беглецом. Вы увидите Испанию, Мэри, и Африку. Узнаете, что такое солнце, почувствуете под ногами песок пустыни. Если пожелаете, конечно. Мне все равно, куда мы отправимся, выбор за вами. Отчего вы улыбаетесь и качаете головой?

-- Потому что все, о чем вы говорите, мистер Дейви, -- плод вашей фантазии. Ничего такого не будет. Вы же прекрасно знаете, что при первой возможности я постараюсь сбежать от вас. Из первой же деревни, что встретится нам на пути. Я поехала с вами лишь потому, что боялась, как бы вы не убили меня под покровом ночи. Но с наступлением дня, как только мы окажемся среди людей, вы будете столь же бессильны, как сейчас я.

-- Как вам будет угодно, Мэри Йеллан. Я готов пойти на риск. Но, уповая на избавление, вы, однако же, забываете, что северное побережье Корнуолла совсем не похоже на южное. Вы ведь из Хелфорда, насколько я помню, из мест, где вдоль реки меж уютных аллей проложены тропы, а деревушки переходят одна в другую, и домики стоят близ дороги. Северное побережье едва ли столь гостеприимно -- вы в этом сами сможете убедиться. Оно так же безлюдно и пустынно, как эти болотные пустоши. Вряд ли вам придется увидеть чье-либо лицо, кроме моего собственного, до тех пор, пока мы не доберемся до пристанища, к которому направляемся.

-- Допустим, все это так, -- отвечала Мэри. От страха в голосе ее неожиданно прозвучал вызов. -- Допустим даже, что мы доедем до моря и окажемся на судне, ожидающем вас, и пустимся в плавание. И вы воображаете, что, куда бы вы ни направились -- в Африку или Испанию, -- я покорно последую за вами и не разоблачу вас как убийцу?

-- К тому времени вы забудете об этом, Мэри Йеллан.

-- Забуду?! Забуду, что вы убили сестру моей матери?

-- Да, и это, и многое другое. Забудете и болота, и "Ямайку", и то, как вы по глупости забрели невесть куда и случайно повстречались со мной. Забудете слезы, что лили по дороге из Лонстона, и о молодом человеке, явившемся их причиной.

-- Вам нравится лезть в чужую душу, мистер Дейви.

-- Признаюсь, рад, что сумел задеть вас за живое. Ах, не кусайте губы и не хмурьтесь. Мне нетрудно догадаться, о чем вы думаете. Я ведь говорил вам, что за свою жизнь выслушал немало исповедей и лучше вашего понимаю движение женской души. Тут у меня явное преимущество перед братом трактирщика.

Он вновь улыбнулся жуткой улыбкой маски. Мэри отвернулась, чтобы не видеть насмешки в его глазах.

Дальше они ехали молча. Через некоторое время девушке начало казаться, что ночная тьма сгущается, влага повисла в воздухе, и не стало видно очертаний холмов. Лошади ступали медленно и неуверенно, то и дело останавливаясь и тревожно всхрапывая. Не было видно ни зги, но Мэри чувствовала, что под ногами предательская вязкая почва. Болота обступали их со всех сторон. Вот отчего так беспокойны были лошади.

Мэри взглянула на Фрэнсиса Дейви. Он сидел в седле, низко наклонясь вперед и пристально вглядываясь в сгущавшуюся мглу. По выражению его лица, по плотно сжатому рту она поняла, что каждая жилка его напряжена и что он думает только об одном -- как миновать опасное место. Нервозность лошади передалась Мэри. Она подумала об этих топях, виденных ею при дневном свете: коричневые пучки травы, колышимые ветром тонкие, тесно прижавшиеся друг к другу, камыши, шуршащие и подрагивающие от малейшего дуновения, а под ними -- темная вода, словно застывшая в молчаливом ожидании...

Она знала, что даже людям, живущим здесь, случалось сбиться с пути, и тогда один неверный шаг и -- не успев вскрикнуть, они проваливались в трясины. Фрэнсис Дейви знал болота, но и он мог заблудиться.

Журчание ручья, бегущего по камням, слышно на расстоянии -- болотная же вода тиха. Малейшая ошибка может стать роковой. Внутри у Мэри все дрожало от напряжения. Стоит лошади споткнуться, и она, не думая, что делает, соскочит с седла прямо в гущу цепких водорослей.

Услышав, как Фрэнсис Дейви громко нервически сглотнул, она запаниковала еще сильнее. Он снял шляпу, чтобы лучше видеть, и подолгу изучал буквально каждый дюйм земли вокруг, прежде чем решиться ступить дальше. Холодная сырая пелена заволакивала болота. На волосах и одежде его блестел иней. В нос ударил острый кисловатый запах гниющего камыша. Внезапно, преграждая путь, перед ними возникла белая стена тумана, поглотив все запахи и звуки.

Фрэнсис Дейви натянул поводья, и обе лошади сразу же послушно остановились. Они дрожали, и пар с их потных крупов смешивался с покрывающим все туманом.

Некоторое время путники выжидали: болотный туман мог рассеяться так же быстро, как и сгустился. Но в плотной завесе не было ни малейшего просвета. Туман опутал их, словно паутина.

Тут Фрэнсис Дейви повернулся к Мэри. Окутанный белой пеленой, он походил на призрак; мертвенно-бледное лицо было по-прежнему

непроницаемо, как маска.

-- Мои древние боги отвернулись от меня, -- промолвил он. -- Я хорошо знаю здешние туманы. Этот не рассеется раньше чем через несколько часов. Ехать дальше через болота -- еще большее безумие, чем возвращаться. Надо ждать рассвета.

Мэри молча слушала. Она вновь воспрянула духом. Но тут же подумала, что в такую пору не так-то легко будет отыскать их. Туман -- столь же грозная преграда для беглеца, сколь и для погони.

-- Где мы сейчас находимся? -- спросила она.

В этот момент он снова взялся за поводья и, понукая лошадей, заставил их подняться выше. Они выбрались на более твердую почву. Но и здесь туман был так же плотен. Казалось, от него не уйти.

-- Ну что ж, Мэри Йеллан, -- сказал он, -- стало быть, вам все же будет дарован желанный отдых. Проведете ночь в гроте, выспитесь на гранитной плите. Быть может, завтра вы вновь увидите белый свет, но эту ночь придется провести на Раф-Торе.

Низко наклонив голову, лошади медленно и осторожно брели через туман к черневшим вдали холмам.

Потом, завернувшись в накидку, так что и лица не было видно, Мэри сидела в гроте, прислонясь спиной к плоской каменной глыбе. Крепко обхватив колени, она подтянула их к подбородку, сжавшись в комок. Но сырость просачивалась меж складок накидки, холод пробирал до костей. Огромная зубчатая вершина скалы, как корона, величественно вставала из тумана. Внизу под ними была сплошная завеса облаков.

Здесь, наверху, воздух был прозрачен и кристально чист. Он брезгливо избегал соприкосновения с тем миром внизу, где какие-то ничтожные существа копошились в туманной мгле. Здесь ветер что-то нашептывал камням, с шуршанием пробегал по вереску. Дыхание его было холодным; он резал, как нож; омывал алтарные плиты, эхом прокатывался по гrotам. Легкий звон разливался в воздуха. Потом все смолкало, и прежняя мертвая тишина вновь повисала над скалами. Лошади жались друг к другу под прикрытием большого валуна. Им тоже было явно не по себе, и они то и дело поворачивали морды к хозяину. Тот сидел в стороне, в нескольких ярдах от своей спутницы, и порой она ловила на себе его задумчивый беспокойный взгляд. Мэри была начеку, в любой момент ожидая нападения. Стоило ему пошевелиться, и руки ее непроизвольно сжимались в кулаки.

Он пожелал ей спокойного сна, но сон не шел к ней. Да она ни за что не поддалась бы сонной одуре, всеми силами постаралась бы побороть ее

как коварного врага. Мэри знала, что дрема может внезапно одолеть ее, а очнется она от того, что ледяные руки вцепятся ей в горло, и, открыв глаза, она увидит прямо перед собой бледное лицо викария в венчике белых волос и огонь в его обычно бесстрастных глазах.

Он был всевластен здесь под защитой объятых молчанием грозных остроконечных гранитных вершин, подходы к которым оберегал неприступный туман. Один раз она услышала, как он откашлялся, словно намереваясь заговорить. Ей подумалось, что они совершенно оторваны от мира: два существа, одни во всей вселенной, случайно сведенные вместе судьбой. И этот ночной кошмар не исчезнет с наступлением дня. Она потеряет себя, сделается его тенью.

Но он так ничего и не сказал. В напряженной тишине снова стал слышен шум ветра. Это был уже иной ветер, налетевший неизвестно откуда. Он то усиливался, то утихал и, казалось, вырывался откуда-то из-под камней. Со стоном и рыданиями он кружил меж скал, скорбно вздыхал в пустынных гротах и жалобно всхлипывал в расселинах. Все звуки сливались в одну заунывную похоронную мелодию.

Мэри плотнее закуталась в накидку и натянула на голову капюшон, чтобы не слышать этот вой. Но тут ветер сделался еще сильнее. Он срывал капюшон, трепал ее волосы и со свистом проносился по гроту. Откуда взялся этот вихрь? Внизу застыл густой туман, облака стояли неподвижно. Здесь же, на вершине, ветер бесновался и стenal, шептал о том далеком и страшном, что теперь было ведомо лишь ему одному: о пролитой крови и поселившемся здесь отчаянии. И на самой вершине Раф-Тора, высоко над головой, раздавался какой-то дикий иступленный крик, словно сами боги стенали там, подняв к небу огромные головы. В своем воображении она слышала топот тысяч ног, шепот тысячи голосов. Ей чудилось, что камни превращаются в живых существ. Их фантастические лики совсем не походили на человеческие: старые-престарые, иссеченные морщинами и грубые, как гранит, язык их был ей непонятен, а ноги и руки напоминали когтистые лапы птиц.

Они обратили к ней свои каменные очи, но глядели куда-то вдаль сквозь нее. Им не было до нее дела. Она чувствовала себя жалким листочком, сорванным с дерева и гонимым ветром. А эти древние исполины были нетленны и вечны. Сплошной стеной они безжалостно надвигались на Мэри. Вот-вот они раздавят ее. Девушка вскрикнула и вскочила на ноги, каждая жилка дрожала внутри.

Ветер внезапно стих. За ее спиной по-прежнему неподвижно темнели гранитные плиты. Рядом сидел Фрэнсис Дейви, опершись подбородком на

руки. Он пристально смотрел на нее.

-- Вы заснули, -- произнес он.

Ока неуверенно возразила ему, все еще находясь под впечатлением жуткого сна, который вроде бы и не был сном.

-- Вы устали, но упорно боретесь со сном в ожидании рассвета, - продолжал он. -- Сейчас лишь полночь, впереди долгая ночь. Подчинитесь природе, Мэри Йеллан, и дайте себе отдых. Неужели вы думаете, что я причиню вам зло?

-- Ничего я не думаю, но спать не могу.

-- К тому же вы продрогли, -- убеждал он. -- Скорчились там около этого камня. Я устроился не намного лучше, но здесь по крайней мере не дует из трещины в скале. Нам обоим было бы легче, если бы мы сели рядом и постарались согреть друг друга.

-- Нет, я не замерзла.

-- Я знаю, каковы здесь ночи. Оттого и предлагаю вам разумное решение. К рассвету станет еще холоднее. Идите же сюда, сядем спиной к спине -- так вам, может быть, удастся поспать. У меня в мыслях нет трогать вас.

Мэри отрицательно покачала головой и спрятала руки под накидкой, крепко сцепив пальцы. Увидеть выражение его лица было нельзя. Он сидел в тени, повернувшись к ней боком. Но она была уверена, что он улыбается в темноте, забавляясь ее страхом. Она действительно замерзла, и тело ее жаждало тепла, но она и мысли не допускала сесть рядом с ним. Руки ее окоченели, ноги от холода потеряли чувствительность. Казалось, она превратилась в гранит, стала частью глыбы, на которую опиралась. И тут в ее дрему вошел викарий -гигантская фигура с белыми волосами и бесцветными глазами. Он касался ее горла, нашептывал что-то на ухо. Она перенеслась в другой мир, населенный такими же, как он, существами. Вытянув перед собой руки, они преграждали ей путь. Тут она вновь очнулась -- холодный ветер дул в лицо. Вокруг ничего не изменилось: все та же глубокая ночь и туман. Да и прошло-то не больше минуты.

Потом она бродила с ним где-то в Испании. Улыбаясь, он собирал для нее в поле диковинные фиолетовые цветы. Она отбросила их от себя, но они прилипли к юбке, и, цепляясь усиками, начали ползти вверх, туго обвивая шею, душа ядовитыми стеблями.

Потом она ехала рядом с ним в приземистой, черной, как жук, карете. Стены начали вдруг смыкаться, давя их, давя, пока не сплющили в лепешку. И они навечно остались лежать рядом, как две гранитных плиты.

Когда Мэри очнулась от этого последнего кошмара, его рука зажимала

ей рот. На сей раз это не было галлюцинацией. Она попыталась вырваться, но он крепко держал ее в своих сильных руках, как в тисках, шепотом приказывая сидеть тихо. Он завернул Мэри руки за спину и связал их ремнем. В движениях его не было ни резкости, ни желания причинить боль. Но действовал Фрэнсис Дейви решительно и умело. Он даже проверил, не трет ли ремень ей по коже.

Мэри беспомощно следила за его действиями, пытаясь по глазам понять, что он задумал.

Вынув из кармана сюртука носовой платок и свернув его, викарий засунул кляп ей в рот и завязал концы платка на затылке. Так она лежала и ждала следующего хода в их партии. Ноги он ей связывать не стал и помог ей подняться. Потом повел за гранитные валуны у склона холма.

-- Я вынужден сделать это, Мэри, ради нас обоих, -- тихо сказал он. - Когда прошлой ночью мы отправились в путь, я выпустил из виду туман. И если в итоге я проиграю, то именно из-за этой оплошности. Прислушайтесь хорошенько, и вы поймете, почему я связал вас. Если вы не издадите ни звука, мы сможем еще спастись.

Он стоял на гребне холма, держа ее за руку и указывая вниз.

-- Слушайте же, -- повторил он, -- ваш слух может оказаться острее моего.

Тут Мэри поняла, что проспала дольше, чем предполагала. Ночная мгла поредела, наступало утро. Низкие облака суматошно неслись по небу, сливаясь с клубящимся внизу туманом. На востоке забрезжил тусклый свет, предвещающая восход бледного солнца.

Туман по-прежнему окутывал их, белым покрывалом лежал на болотах. Посмотрев вниз, куда он показывал, она ничего не увидела, кроме пелены и намокших стеблей вереска. Прислушавшись, как он приказал, Мэри различила слабый звук, доносящийся сквозь туман, -- не то вой, не то крик, не то протяжный вопль. Сперва он был слишком слабым, и она не могла понять, что же это такое. На человеческий голос, на крики людей не похож -- слишком уж высок... Звук нарастал, наполняя воздух смутной тревогой.

Фрэнсис Дейви повернулся к Мэри.

-- Вы знаете, что это такое? -- спросил он.

Она посмотрела на него с недоумением и покачала головой. Даже если бы и захотела ответить ему, она все равно не смогла бы. Никогда прежде она не слыхала такого звука.

Вдруг на лице его вновь появилась мрачная улыбка.

-- Мне доводилось слышать, но я совсем позабыл, что сквайр из

НортХилла держит свору гончих. Печально, что я упустил это из виду.

Наконец девушка поняла. Осознав, что означает для них этот нарастающий шум, она с ужасом посмотрела на своего спутника, потом на двух лошадей, терпеливо ждущих у валунов.

-- Да, -- промолвил он, проследив за ее взглядом, -- придется отвязать их и спустить пониже к болотам. Нам они больше не послужат, а вот свору навести могут. Неугомонный, бедняга, ты снова предал бы меня.

С тяжелым сердцем она смотрела, как он отвязывает лошадей и ведет их к крутому склону холма. Нагнувшись, он поднял горсть камней и принялся бросать ими в животных, пока они не пошли, скользя и спотыкаясь, среди мокрого папоротника. Он продолжал швырять камнями в лошадей, и, наконец, поддавшись инстинкту, они рванули, храпя от страха, вниз по склону, увлекая за собой камни и землю, и вскоре скрылись в белом тумане. Лай гончих становился все громче, яростнее и настойчивее. На ходу сбросив с себя длинное, ниже колен, пальто и швырнув в вереск шляпу, Фрэнсис Дейви подбежал к Мэри.

-- Пошли, -- сказал он. -- Кем бы ты ни была -- другом или врагом, - сейчас нас объединяет общая опасность.

Что было сил они стали карабкаться вверх по склону среди валунов и гранитных плит. Викарий старательно поддерживал Мэри, ибо двигаться со связанными руками ей было трудно. Так они пробирались меж расселин и камней, по колено увязая в мокром папоротнике, путаясь в черном вереске, все выше и выше, к самой вершине Раф-Тора. Гранитные плиты тут имели какую-то причудливую форму: искривленные и изогнутые, они как бы образовывали крышу. С трудом переводя дыхание, Мэри легла под этот каменный навес. Ссадины кровоточили. Викарий же, встав ногой в трещину в камне, влез на нависавшую над Мэри плиту и протянул ей руку. И хотя она трясла головой, показывая, что не в силах ползти дальше, он, дотянувшись до нее, поднял девушку на ноги, разрезал связывавший ее руки пояс и вытащил платок изо рта.

-- Спасайтесь тогда сами, -- крикнул он, -- как можете! -- В глазах его горел огонь, лицо было ужасно бледным, белые волосы развевались по ветру.

Совершенно обессилев, задыхаясь, Мэри ухватила руками за плиту, нависшую в футах десяти над ней. Он же продолжал карабкаться все выше, быстро удаляясь от нее. На гладкой поверхности скалы его худая фигура в черном была похожа на пиявку.

Лай собак казался чудовищным, противоестественным. К их хору присоединились крики и улюлюканье людей. В беспросветном тумане этот

гвалт был особенно страшен.

По небу стремительно мчались облака. Внезапно над белой пеленой появился желтый диск солнца. Туман поредел и рассеялся. Уходя струями ввысь, он сливался с проплывавшими мимо облаками. Земля, наконец освободившись от тумана, словно тянулась к бледному, вновь родившемуся небу.

Мэри посмотрела вниз. У подножия холма она разглядела маленькие черные фигурки. Освещенные солнцем, по колено в вереске стояли люди. Оставляя их сзади, с лаем бежали рыжие гончие. Среди крупных серых валунов они казались букашками.

Людей было не меньше пятидесяти. Они быстро вышли на след и, громко крича, показывали на огромные каменные плиты. Погоня приближалась, и собачий лай эхом отдавался в расселинах.

Вслед за туманом начали таять и облака. Проглянул лоскут голубого неба.

Кто-то снова закричал. Человек, встав на колено среди зарослей вереска буквально в пятидесяти ярдах от Мэри, вскинул ружье и выстрелил.

Не задев девушки, пуля чиркнула о гранитный валун. Человек поднялся на ноги. Это был Джем, но он ее не узнал.

Он выстрелил снова, и на сей раз пуля просвистела у нее над ухом. Она почувствовала запах раскаленного металла.

Гончие метались среди папоротника. Одна из них прыгнула на выступ скалы прямо под Мэри и начала обнюхивать камень. Тут Джем прицелился куда-то выше нее и еще раз нажал на курок. Она увидела высокую черную фигуру Фрэнсиса Дейви, четко вырисовывающуюся на фоне неба. Он стоял на широкой, похожей на алтарь плите, высоко над ее головой. На мгновение он застыл, словно статуя, только ветер трепал его волосы. Потом он широко раскинул руки, как будто собираясь взлететь, и вдруг обмяк и упал с гранитной вершины на каменистую осыпь, в разросшийся сырой вереск.

18

Был холодный ясный январский день. Рытвины и впадины на дороге, обычно заполненные грязью с водой, взялись тонким слоем льда; колея покрылась изморозью.

Мороз наложил свою белую лапу и на болота. Они простирались до самого горизонта, грязно-блеклые на фоне чистого голубого неба. Земля затвердела, и низкая замерзшая трава похрустывала под ногами, как галька. На ее родине, на юге, в краю густых аллей, живых изгородей и уютных

тропинок, в это время солнце пригревало и напоминало о близкой весне. Здесь же воздух был колючим, пощипывал щеки. От холода все вокруг выглядело суровым и неприветливым.

Мэри одиноко шагала по болоту Дюжины Молодцов. Ветер дул в лицо. Взглянув на Килмар, она с удивлением подумала, что он вдруг утратил свой грозный вид и казался теперь всего лишь черным скалистым холмом. Вероятно, прежде волнение и тревога мешали ей оценить своеобразную красоту этих мест. В ее сознании пустоши странным образом были неразрывно связаны со страхом перед дядей и ненавистью к нему и к "Ямайке". Пустошь и сейчас оставалась суровой, а холмы неприветливыми, но они уже не представлялись ей зловещими. Она безбоязненно шагала по ним, равнодушно поглядывая по сторонам.

Теперь она была вольна отправиться, куда пожелает, и ее мысли обратились к Хелфорду, к зеленым долинам юга. Незыблемая, щемящая душу тоска по родному дому и знакомым приветливым лицам охватила девушку.

В их краях у моря брала начало широкая река, и его воды плескались о тенистый берег. С грустью вспоминала Мэри запахи и звуки, которые окружали ее с детства. Журчание ручейков, разбегающихся в стороны от реки, как своенравные дети, и терявшихся среди деревьев.

Летом леса там давали приют усталому путнику. Шелест листвы ласкал слух. И даже зимой можно было найти пристанище под обнаженными ветвями деревьев. Она соскучилась по порхающим среди деревьев птицам, милым ее сердцу звукам фермы: кудахтанью кур, задорному крику петуха и суетливому звонкому гоготанью гусей. Ей захотелось ощутить терпкий и теплый запах навоза в стойлах и почувствовать на руках горячее дыхание коров, услышать их тяжелую поступь во дворе и поскрипывание колодца. Она мечтала постоять, прислонившись к воротам, поглядеть на деревенскую улицу, пожелать доброй ночи шедшей мимо подружке, увидеть голубой дымок, вьющийся над печными трубами, услышать знакомые голоса, чуть грубоватые, но радующие слух, и смех из окон. Ей так хотелось снова жить и работать на ферме -- вставать рано поутру, набирать воду из колодца, возиться в своем небольшом птичнике, работать до седьмого пота, находя в этом радость, утешение и лекарство от тоски; принимать каждый день как благодать; ждать урожая как дара. Там она могла вновь обрести душевный покой и радость жизни. Ведь корни ее в Хелфорде, там жили ее предки. Она должна вернуться туда. На той земле она выросла и, когда умрет, то снова станет ее частицей.

Стоило ли предаваться тоске и одиночеству, когда ее ждут дела и поважнее. Трудовому человеку было не до грустных раздумий: после целого дня работы и сон крепче. Она приняла решение, и избранный ею путь представлялся правильным и достойным. Больше она не станет мешкать. И так всю неделю бездельничала, поддавшись слабости и нерешительности. За вечерней трапезой она сообщит о своем решении Бассетам. Они были добры к ней, чрезмерно пеклись о ней, строили планы относительно ее будущего. Уговаривали и упрашивали остаться у них, хотя бы на зиму. И дабы она не чувствовала, что в тягость им, с большим тактом предлагали взять ее к себе в услужение -- в любом качестве -- ухаживать за детьми или быть компаньонкой самой миссис Бассет.

Она выслушивала эти разговоры с покорностью, но без всякого интереса, никак на них не реагируя, и только многократно с подчеркнутой вежливостью благодарила за все сделанное для нее.

Сквайр со свойственной ему грубоватой простодушностью подтрунивал над ней за обедом, пытаясь разговорить ее.

-- Ну же, Мэри, улыбки и благодарности -- дело хорошее, но надо принять решение. Вы слишком молоды, чтобы жить одной. И, видите ли, скажу вам прямо, слишком хороши собой. Здесь, в Норт-Хилле, у вас есть дом, знайте это. Моя жена тоже очень просит вас остаться у нас. Тут много дел, знаете ли, очень много. Нужно и цветы нарезать для дома, и письма написать, и за детьми присмотреть. В общем, работа для вас найдется, даю слово.

А в библиотеке миссис Бассет, по-дружески положив руку на колено Мэри, говорила примерно то же самое:

-- Нам очень приятно, что вы живете у нас. Почему бы вам не побыть у нас подольше? Дети обожают вас. Генри даже сказал вчера, что готов дать вам свою лошадь, как только вы пожелаете. А это, поверьте, многого стоит. У нас вам будет хорошо -- никаких забот и неприятностей. И мне вы составите компанию в отсутствие мистера Бассета. Вы по-прежнему тоскуете по вашему дому в Хелфорде?

Тут Мэри улыбнулась и снова поблагодарила хозяйку, но не смогла выразить словами, как дорого ей все, что связано с Хелфордом.

Бассеты догадывались, что напряжение последних месяцев все еще сказывается на ней, и по доброте своей пытались помочь ей оправиться от потрясения. Но они держали открытый дом, и соседи из окрестных мест часто навещали их. И все они готовы были говорить только на одну тему. Сотни раз сквайр Бассет вынужден был повторять свой рассказ, и названия Олтернан и "Ямайка" стали невыносимы для Мэри, желавшей забыть их

навсегда. Ее все более тяготило, что она стала объектом всеобщего внимания, что о ней заговорила вся округа. К тому же Бассеты не без гордости представляли ее своим друзьям как некую героиню. Она была преисполнена благодарности к ним и изо всех сил старалась выказать свою признательность, но все же чувствовала себя скованно в обществе любезных хозяев дома. Она не принадлежала к их кругу. Они были людьми другой породы, другого класса. Она их уважала, они даже ей нравились, и она желала им добра, но полюбить все же не могла.

Проявляя чуткость, они старались вовлечь ее в беседу, когда у них бывали гости, делали все, чтобы, встав из-за стола, Мэри не уходила и не садилась в сторонке. А девушка только и думала, как бы поскорее оказаться у себя в комнате или на кухне с конюхом Ричардсом и его румяной добродушной женой.

А сквайр Бассет, блистая остроумием, обращался к ней, будто бы за советом, смеясь каждому своему слову.

-- Вот ведь какое дело, Мэри. Приход-то в Олтернэне остался без священника. Может быть, вам занять место викария? Ручаюсь, что из вас выйдет бы пастырь получше прежнего.

И она еще должна была улыбаться в ответ... Ее поражало, как можно быть таким толстокожим и не понимать, какие горькие воспоминания вызывали в ней подобные остроты. А сколько раз он повторял, что с контрабандой в "Ямайке" покончено, и если добьется своего, то с пьяными компаниями он тоже покончит.

-- Я очищу это паучье гнездо! И больше уж ни один браконьер или цыган не посмеет сунуть туда нос. Поставлю там честного парня, который никогда и не нюхал бренди. Он будет носить фартук, а над дверью белыми буквами будет написано: "Добро пожаловать". И знаете, кто будут первыми посетителями? Ну, конечно же, Мэри, вы и я. -- Он залился смехом, хлопая себя по ляжкам, и, чтобы не испортить его шутки, Мэри вынуждена была улыбаться.

Шагая по болоту Дюжины Молодцов, девушка раздумывала обо всем этом. И ей стало ясно, что нужно поскорее покинуть Норт-Хилл. И потому, что она чувствовала себя чужой среди этих людей, и потому, что только среди лесов и ручьев родной долины Хелфорда она сумеет вновь обрести мир и покой.

От Килмара навстречу ей ехала телега, петляя по белому снегу, как заяц. Вокруг была безмолвная равнина. Мэри насторожилась. На этой пустоши нет ни одного жилища до самой Треворты. А это далеко, в долине, где течет Уити-Брук. Домик же в Треворте, насколько она знала, пустовал.

Его хозяина она не видела с тех пор, как он стрелял в нее на вершине Раф-Тора.

-- Он неблагодарный мошенник, как и все его родичи, -- сказал о нем сквайр. -- Если бы не я, засадили бы его в тюрьму, и надолго, чтобы как следует проучить. Я поймал его с поличным, и он вынужден был сдаться. Правда, отдадим ему должное, он хорошо проявил себя после этого. И, благодаря ему, нам удалось найти вас и того негодяя в черной рясе. А ведь он даже не поблагодарил меня за то, что я снял с него подозрение в том, что он замешан в тех грязных делах. Взял да и уехал Бог весть куда. Так я слышал, во всяком случае. Не было еще ни одного Мерлина, который бы хорошо кончил, и этот пойдет по кривой дорожке.

Итак, домик в Треворте опустел, лошади одичали и вместе со своими сородичами носились по пустоши. А их хозяин уехал куда-то далеко, как всегда беззаботно посвистывая.

Между тем телега приближалась к склону холма, и, прикрыв глаза от солнца ладонью, Мэри следила за ней. Лошадь еле тащилась, низко нагнув голову. Телега была доверху нагружена кухонной утварью вперемешку с матрацами и другими вещами. Кто-то, видно, уезжал со всем своим скарбом. Но кто это мог быть -- ей было невдомек. Только когда телега оказалась совсем рядом, а возница, посмотрев наверх, помахал ей рукой, она узнала его.

Спустившись к телеге, с видом полного равнодушия, Мэри подошла к лошади и, поглаживая ее, принялась что-то говорить ей. Джем ударом ноги подтолкнул камень под колесо телеги, чтобы она не скатывалась вниз.

-- Тебе уже лучше? -- обратился он к Мэри, стоя позади телеги. -- Я слышал, что ты захворала и лежишь в постели.

-- Кто это мог такое сказать? -- отвечала она. -- Я все время была в Норт-Хилле, на ногах. Бродила вокруг. Ничего такого со мной не случилось, только извелась -- так мне ненавистны здешние места.

-- Прошел еще слухок, что ты устроилась в компаньонки к миссис Бассет. Я думаю, это походит на правду. Там у тебя будет довольно легкая жизнь, прямо скажем. Наверняка они добрые люди, если узнать их поближе.

-- Во всяком случае, ко мне они были добрее, чем кто-либо в Корнуолле с тех пор, как умерла моя мать. А это единственное, что имеет для меня значение. Тем не менее в Норт-Хилле я не останусь.

-- Значит, все-таки нет?

-- Нет, я возвращаюсь в Хелфорд.

-- И что же ты будешь там делать?

-- Попробую снова завести ферму, то есть сначала наймусь к кому-нибудь на работу. На свою ферму у меня пока денег нет. Зато есть друзья в Хелфорде и в Хелстоне. Они помогут мне.

-- А где ты будешь жить?

-- Да в любом доме нашей деревни мне дадут приют. На юге, знаешь ли, мы все добрые соседи.

-- На это мне нечего возразить. У меня никогда не было соседей. Только мне всегда казалось, что жить в деревне -- все равно что в стойле. Заглянешь через забор в чужой огород, и, коли у соседа картофель крупнее твоего, тут же затеешь об этом разговор, потом поднимется спор. А ежели ты готовишь на ужин кролика, то все соседи уже знают об этом по запаху. Черт побери, Мэри, ну что это за жизнь!

Она рассмеялась: он так забавно сморщил нос от отвращения. Затем посмотрела на беспорядочно нагруженную телегу.

-- Что ты собираешься со всем этим делать? -- спросила она.

-- Мне тоже все в округе опротивело, -- ответил он. -- Хочу убраться куда-нибудь подальше от болот и запаха торфа. И от этого отвратительного Килмара, который хмурит на меня свою рожу от рассвета до заката. Здесь все мое хозяйство, Мэри. Все, что у меня когда-нибудь было, -- на этой телеге. Собрал все -- и уезжаю, сам не знаю куда. Где вздумается, там и остановлюсь. Я сызмальства был бродягой, никаких корней, никаких связей, никаких постоянных привязанностей. И смею думать, что так и умру бродягой. Для меня это единственно возможная жизнь.

-- Но в бродяжничестве не найти ни мира, ни покоя, Джем. Наша жизнь -довольно долгое странствие. К чему еще отягощать свою ношу? Придет время, когда тебе захочется иметь собственный клочок земли, четыре стены и крышу над головой -- место, где можно дать отдых уставшему телу.

-- Если на то пошло, то мне принадлежит весь этот край, Мэри: небо над головой вместо крыши и земля вместо постели. Ты -- женщина; твое царство -твой дом и все мелочи повседневной жизни. Я же никогда так не жил и не буду. Одну ночь переночую на холме, другую -- в большом городе. Я люблю ездить туда-сюда в поисках удачи, проводить время в компании незнакомых людей, поговорить с первым встречным. Вот увижу на дороге человека -- и езжу вместе с ним, может, час, а может, год. А завтра, может случиться, разойдемся. Мы с тобой говорим на разных языках.

Мэри продолжала поглаживать лошадь, чувствуя под рукой тепло влажной кожи. Джем, чуть улыбаясь, наблюдал за ней.

-- В какую же сторону ты поедешь? -- спросила она.

-- Куда-нибудь на восток, за Теймар. Мне, в общем, все равно, -отвечал он. -- Только не на запад. Во всяком случае, пока не стану старым и седым и не позабуду многое. Я подумывал проехать через Ганнислейк, повернуть на север и дальше направиться в центральные графства. Там люди богатые, живут лучше всех. Это подходящие места для того, кто ищет удачи. Может быть, у меня заведутся деньжата, и я смогу покупать лошадей для собственного удовольствия, а не красть их.

-- Там ужасная черная земля, -- заметила Мэри.

-- А что мне до цвета земли, -- возразил Джем. -- Болотный торф тоже ведь черный. В Хелфорде тоже, когда дожди льют, все ваши свинарники полны черной водой. Какая разница?

-- Ты, Джем, несешь всякий вздор, только чтобы поспорить. В твоих словах нет никакого смысла.

-- А как я могу говорить что-нибудь разумное, когда ты прислонилась к моему коню и я схожу с ума, глядя, как твои буйные волосы смешиваются с его гривой? И я знаю, что через каких-нибудь десять минут буду уж по ту сторону холма на пути к Теймару... Без тебя. Ты же пойдешь назад в Норт-Хилл, чтобы распивать там чай со сквайром Бассетом.

-- Ну, тогда отложи свое путешествие, и поедem в Норт-Хилл вместе.

-- Не говори глупостей, Мэри. Можешь ли ты вообразить меня распивающим чай со сквайром и покачивающим на колене его детей? Я не принадлежу к его классу, да и ты тоже.

-- Я знаю. Потому-то и возвращаюсь в Хелфорд. Я истосковалась по дому, Джем, хочу снова дышать речным воздухом и ступать по родной земле.

-- Ну и отправляйся. Повернись ко мне спиной и иди -- прямо сейчас. Через десять миль будет дорога, которая приведет тебя к Бодмину, от Бодмина к Труро, а там уж и Хелстон. Найдешь в Хелстоне своих друзей, поживешь с ними, пока не будет готова твоя ферма.

-- Ты сегодня очень груб и жесток.

-- Я и со своими лошадьми груб, когда они упрямятся и не слушаются, но это не означает, что я их меньше люблю.

-- Да ты никогда в жизни никого не любил, -- сказала Мэри.

-- А много ли я знал любви на своем веку? -- ответил он резко.

Обойдя телегу, он ногой вышиб камень из-под колеса.

-- Что это ты делаешь? -- спросила Мэри.

-- Уже полдень, и мне пора в путь. И так я долго здесь прохлаждался, - бросил он. -- Была б ты мужчиной, я предложил бы тебе поехать со мной. Мы сели бы рядом на облучок, ты засунула бы руки в карманы, и мы бы

были вместе, пока тебе не надоело бы.

-- Я бы и поехала, когда б ты повез меня на юг, -- отвечала она.

-- Да, но я-то еду на север. И ты не мужчина. Ты всего лишь женщина. И только намучилась бы, кабы поехала со мной. Посторонись-ка, Мэри, да перестань скручивать вожжи. Я уезжаю. Прощай!

Тут он взял ее за подбородок и поцеловал, и она увидела, что он смеется.

-- Когда ты станешь старой девой в своем Хелфорде и будешь носить митенки, то вспомни, как я тебя целовал. И будешь помнить до конца своих дней. "Он воровал лошадей, -- скажешь ты, -- и ничуть не интересовался женщинами. Но кабы не моя гордость, я была бы сейчас с ним".

Он забрался на телегу и сверху поглядывал на нее, помахивая кнутом и позевывая.

-- До ночи покрою миль пятьдесят, -- произнес он лениво. -- Потом залягу в палатке на обочине дороги и буду дрыхнуть без задних ног. Разожгу костер и поджарю себе кусок бекона. А ты будешь думать обо мне или нет?

Не слушая его, Мэри, сжав руки, смотрела на юг. Она мучительно колебалась.

За этими холмами суровые пустоши переходили в пастбища, а пастбища -- в долины и реки. Там у мирно струящейся воды ее ожидал покой Хелфорда.

-- Это вовсе не гордость, -- произнесла она наконец, -- ты знаешь, что не гордость. Я тоскую по дому и по всему, что утратила.

Он ничего не ответил, но взялся за вожжи и прикрикнул на коня.

-- Подожди, -- сказала Мэри. -- Подожди, придержи его и подай мне руку.

Джем отложил кнут, наклонился к девушке и помог ей сесть рядом с собой.

-- Ну, что теперь? -- спросил он. -- Куда ты хочешь, чтобы я повез тебя? Ты ведь сидишь спиной к Хелфорду, ты это знаешь?

-- Знаю, -- ответила она.

-- Если поедешь со мной, у тебя будет нелегкая жизнь, а порой -- ох, какая суровая, Мэри! Ни постоянного жилья, ни покоя, ни уюта. Мужчины -скверные компаньоны. Особенно когда они не в духе. А я, видит Бог, хуже всех. Вот что тебя ожидает вместо спокойной жизни на ферме, которой ты так жаждешь.

-- Я готова рискнуть, Джем. И попробую вынести твой дурной нрав.

-- Ты любишь меня, Мэри?

-- Кажется, да, Джем.

-- Больше, чем Хелфорд?

-- Этого я не знаю.

-- Почему же в таком случае ты села со мной?

-- Потому что хочу, потому что не могу иначе, потому что отныне и навек мое место рядом с тобой, -- ответила Мэри.

Тут он радостно рассмеялся, взял ее руку и вручил ей вожжи.

И, уж больше не оглядываясь назад, она стала править на Теймар.